А К А Д Е М И Я   Н А У К   У З Б Е К С К О Й   С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. А.С. ПУШКИНА

С. КАГАНОВИЧ

# АДЕЛИНА АДАЛИС. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный консультант -
кандидат филологических
наук П.И.ТАРТАКОВСКИЙ

Ташкент - 1971

# В В Е Д Е Н И Е

В книге большой советской литературы есть страницы, написанные старейшим и интереснейшим поэтом Аделиной Ефимовной Адалис. Для одних это имя связывается с небольшими сборниками стихотворений 60-х годов "Новый век", "Города", "До начала". Для других - с замечательными переводами восточной классики: Камоль, Насир Хисров, Сайидо Насафи. Для более старшего поколения - с первым в советской стране Литературно-художественным институтом, с именем основателя этого института, первого и главного учителя А.Адалис - В.Я.Брюсова.

В 20-30-е годы произведения А.Адалис редко оставались незамеченными. Каждая очередная книга стихов и прозы вызывала поток рецензий и критических статей, столкновение различных, даже противоположных мнений, а подчас и острые дискуссии[1]. Талант не оставлял равнодушных, а в наличии яркого, оригинального таланта не сомневались даже самые строгие критики.

"Изобразительные способности" А.Адалис отмечал М.Горький[2], и незаконченный, "интересный", по словам Горького, "Нахичеванский роман" А.Адалис вместе с очерком "Оседают кочевники", испещренные многочисленными горьковскими пометками, по сей день хранятся в его архиве[3]. В.Я.Брюсов считал А.Адалис "поэтом с большим техническим мастерством и несом-

I См. дискуссию о сб."Власть" в "Лит.газете" за февраль-март 1935 г.

2 М.Горький. Письмо к А.Адалис. I7 авг. I93I г. Архив М.Горького (ИМЛИ), Рав-ПГ, 2-3I.

3 Архив М.Горького,Рав-ПГ,2-3I и Рав-ПГ,2-3-3.

ненной индивидуальностью"[I] и "говаривал, что в вопросах поэзии доверяет ей, как самому себе"[2]. "Вы умны и остры и не можете писать плохих стихов", - сказала ей при первой же встрече М.Цветаева[3]. О "превосходных стихах Адалис, отмеченных необыкновенной, даже неожиданной для начинающего поэта точностью слова", вспоминал Ю.Олеша[4].

В 30-е годы имя А.Адалис ставилось в один ряд с именами таких мастеров поэтического слова, как Э.Багрицкий и В.Луговской, Н.Тихонов и Н.Асеев[5]. Положительные, подчас восторженные отзывы и внутренние рецензии на произведения А.Адалис писали многие известные советские писатели.

"Поэма Адалис ("Прогулка в ноябре" - С.К.) отмечена величием откровенности ... В ней ... подлинный голос современника: чистый, напряженный, высоко-поэтический..."(И.Сельвинский)[6]. "Я - за издание этой несомненно интересной, лирикопатетической вещи, выполненной с большим чувством и мастерством..."[7], - писал А.Твардовский о поэме "Вторая симфония", напечатанной в сборнике "Новый век" под названием "И несколько гранат". "Ваше отношение к слову, к стиху мне близко.Ваша

---

I В.Брюсов. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии ."Печать и революция",I922,№7,стр.60.

2 Вл.Никонов.Рождение идейной лирики."Художественная литература", I933, № 3, стр.I2.

3 М.Цветаева. Проза. Нью-Йорк, I953, стр. 234.

4 Ю.Олеша.Встречи с А.Толстым.Избр.соч.,М.,ГИХЛ,I956,стр.394.

5 См.:А.Селивановский.Очерки по истории русской советской поэзии. М.,I936, стр.340;Н.Степанов.Советская поэзия за 20 лет."Литературная учеба",I937, №№I0-II.

6 И.Сельвинский. Внутренняя рецензия на поэму. Архив ИМЛИ, ф.84 (архив А.Адалис),оп.I, ед.хр.27.

7 А.Твардовский. Внутренняя рецензия на поэму. ЦГАЛИ,ф.I234 (издательство "Советский писатель"), оп.I2, ед.хр. I62, л.48.

старая любовь к странам Востока мне очень понятна. Строгость эпитетов, меткость образов, естественная интонация, то легкое колдовство, которое превращает простые слова в большие лирические откровения, - все это можно найти у Вас и в новой книге...", - читаем о сборнике "Новый век" в письме Н.Тихонова к А.Адалис[I].

Однако в последнее время имя А.Адалис выпало из орбиты критических и литературоведческих исследований. В 4-х-томной "Истории русской советской литературы" оно упоминается лишь однажды в "Хронике литературной жизни". Нет ни одной монографии, ни одной диссертационной работы, посвященной почти 50-летней творческой деятельности этой писательницы. Заслуживают внимания лишь отдельные разделы о связях Адалис с Востоком 20-х годов в книге "Очерки истории русской литературы Узбекистана"[2]. Однако и эта работа, интересная сама по себе, ограничивается лишь относительно узкой проблематикой и не претендует на всестороннее изучение обширного и разнообразного творчества А.Адалис.

Продолжить печальную традицию - посмертно воздать должное уму, труду и таланту писателя - в данном случае тем более важно и необходимо, что лишь очень немногим, близко знавшим А.Е.Адалис, известны подлинные масштабы ее литературной и общественной деятельности, истинный - неизмеримо широкий - диапазон ее интересов, необъятный круг живо волновавших ее проблем.

---

I Личный архив А.Адалис.

2 И.Темкина. Русская проза Узбекистана 20 гг.; П.Тартаковский. Русская поэзия Узбекистана 20 гг.-В кн.:Очерки истории русской литературы Узбекистана,т.I,Ташкент,"Фан",1967.

Теория землетрясений - и взрывы на Солнце; летающие тарелки - и находки Мертвого моря; древняя история - и религии разных народов; проблемы эсперанто - и отчеты Московского географического общества, членом которого она сама была до последних дней, - все это не просто модные увлечения, а серьезный, непреходящий интерес ко всему неизведанному, новому, все это не только эпизоды биографии незаурядной личности, но и немаловажные детали творческого портрета А.Адалис, источник тем, проблем и художественных образов ее произведений.

Литературное наследство писательницы далеко не ограничивается известными читателю книгами стихов, прозы и переводов.

Многие десятки стихотворений, печатавшихся в 1918-1925 гг. в одесских и московских газетах и журналах, по разным причинам - чаще всего в силу чрезвычайной строгости к себе - так и не вошедшие ни в один изданный сборник. Множество газетных и журнальных очерков, заметок и публицистических статей, лишь небольшой своей частью составивших книги прозы "Песчаный поход" (1929) и "Вступление к эпохе" (1934). Оригинальные переводы с восточных языков народных песен, разбросанные по различным фольклорным сборникам. Научные статьи и брошюры, написанные на профессиональном уровне ("Великие и грозные явления природы", М., 1945 и другие). Бесчисленные критические статьи и рецензии, каждая из которых становилась поводом для серьезных раздумий о путях и законах развития литературы.

И наряду с этим - огромное количество вообще никогда не печатавшихся интереснейших произведений - стихи, завершенные и незавершенные поэмы, прозаические наброски и экспромты, рассказы, повести и даже романы; критические эссе, целая книга воспоминаний ("Из записок счастливого человека"), хранящиеся в архивах газет, журналов и издательств, в частных коллекциях и альбомах, в рукописных отделах государственных архивов и библиотек, а также в личном архиве А.Е.Адалис.

И все это до сих пор ожидает тщательного изучения, систематизации и публикования.

А.Адалис - человек, общественный по самой сути своей натуры, всегда стремившийся к людям и к событиям, всегда чутким камертоном откликавшийся на самые разные, большие и малые тревоги в жизни земли - и страны.

Еще в Одессе, семнадцатилетней девушкой, она не удовлетворилась ролью рядового члена катаевской "Зеленой лампы" и стала инициатором и организатором новой "Коммуны поэтов"[1].

Переехав в 1920 г. в Москву, она очень скоро стала членом и секретарем Всероссийского союза поэтов, а затем - членом Союза советских писателей с первых же дней его организации. При всей одержимости поэзией, при всей напряженности собственного творчества она успела в короткий период 1920-1924 гг. работать и в Наркомпросе инструктором по гуманитарному образованию рабочей молодежи, и секретарем отдела литературы и искусства Большой Советской Энциклопедии[2], и в

---

1 См.:Г.Долинов.Воспоминания об Одесском литературно-художественном кружке "Зеленая лампа".Отдел рукописей Государственной б-ки им.Салтыкова-Щедрина(ОР ГБС),ф.260,ед.хр.1.

2 См.:Листок по учету кадров,заполненный в ноябре 1941 г. в Киргизии. Личный архив А.Адалис.

Госиздате в отделе массовой литературы[I] - и все это параллельно с учебой и преподаванием в институте им.В.Я.Брюсова.

Мечтая об Индии и сказочных дальних странах, она тем не менее и в Среднюю Азию ездила в конце 20-х - начале 30-х годов не восторгающимся путешественником, а советским работником, корреспондентом центральных газет ("Наша газета", выездная редакция "Правды в степи"). Она участвовала и в борьбе с басмачами, и в раскулачивании. В Совнаркоме Нахичеванской АССР она инструктор по санитарии и общественный обследователь по вопросам национального быта. Проводя работу, подчас весьма далекую от литературной, она была деятельным участником культурной революции на советском Востоке.

Делегат I Съезда советских писателей, один из организаторов съезда ашугов Азербайджана (1935), один из редакторов сборника "Творчество народов СССР", за активную литературную и общественную деятельность она была награждена в 1939 г. орденом "Знак почета". Правительственные награды военных лет (медаль "За оборону Кавказа" и др.) свидетельствуют о напряженности и плодотворности ее работы и в этот период.

Всю жизнь, а особенно в последние ее годы А.Адалис вела активную педагогическую и редакторскую работу, и немало советских писателей и поэтов могут связать свои первые творческие успехи с ее именем.

Стихи разных авторов - П.Панченко и Д.Державина, Д.Борисова и М.Штромберга - с многочисленными пометками и замечаниями А.Адалис хранятся в ее личном архиве, в ЦГАЛИ и в

---

I См.: А.Адалис. Письмо к В.Брюсову . Отдел рукописей Государственной б-ки им.В.И.Ленина (ОР ГБЛ),ф.386,карт.74, ед.хр.7,л.17.

рукописном отделе ИМЛИ. В течение многих лет она редактировала сборники молодых поэтов и писала внутренние рецензии для книжных издательств. Критические статьи А.Адалис, посвященные работам самых разных, чаще всего молодых, русских и национальных авторов, начиная с 30-х годов и кончая последней, напечатанной посмертно в октябре 1969[I], появлялись в "Литературной газете" и в "Известиях", в "Правде" и в "Литературной России", в республиканских газетах и журналах.

Работа в Гослитиздате (в восточном отделе), выступления на обсуждениях и литературных диспутах, до последнего дня - неутомимый труд для других, без которого не мыслилось собственное творчество.

Более того, и само творчество всегда осознавалось и воспринималось А.Адалис как своего рода общественная деятельность. "Поэзия должна быть социальна, - писала она в неопубликованной статье "Кво вадис, о муза?" - Социальность поэзии не есть ее обязательная соотнесенность с общественно-политическими идеями текущего часа ... Социальность истинной поэзии - это качество и факт неизбежной связи ее со всей огромностью мира - с пространством, временем, народом, историей ..."[2]

В этом смысле несомненно социальна зрелая поэзия самой А.Адалис. Общественна не только по жанру, но и по содержанию, и по соотнесенности с читателем ее очерковая проза. Не менее важное значение придавала А.Адалис своим литературным переводам.

---

I А.Адалис. Юность, зрелость."Литературная газета", 8 октября 1969 г.

2 А.Адалис. Кво вадис, о муза? Рукопись. 1968 г. Личный архив А.Адалис.

"Удивительно - лет десять тому назад существовал термин "бегство в перевод" ... от бурь текущей политики ... Но... ничто не спрячет писателя и никого другого от грозного закона эпохи"[I], - писала А.Адалис в книге воспоминаний "Из записок счастливого человека", частично опубликованной в 1947 г. под характерным названием "Записки переводчика"[2].

Переводы с языков народов СССР всегда были для А.Адалис "делом государственным", "небывалым общественным течением", "важнейшей общественной функцией, продиктованной исторической необходимостью"[3]. Познакомить русского читателя с туркменскими, таджикскими, азербайджанскими "Анакреонами", сделать сокровища отдельных народов достоянием каждого живущего в советской стране - это ли не благородная и благодарная общественная - отнюдь не только литературная - задача! Таков смысл широкой и многообразной переводческой работы А.Адалис.

Творчество А.Адалис объемно и многогранно, и полная его характеристика не может уложиться в рамки одной работы. Заслуживает особого исследования деятельность Адалис-критика. Ее теоретическая работа "Второй план"[4], статьи 20-60-х годов (а их около ста) на самые разные литературные темы - это голос писателя в теории литературы, небезынтересный вклад А.Адалис в советское литературоведение. Самостоятельную и очень важную часть литературного наследства писатель-

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека.М.,1944. Рукопись. Архив ИМЛИ, ф.84,оп.I,ед.хр.28,л.32-33.

2 А.Адалис. Записки переводчика. Альманах "Дружба народов", 1947, № 16, стр.160-171.

3 А.Адалис. Из записок счастливого человека, л.56,29,32.

4 Сб. "Проблемы поэтики", М.-Л.,"Зиф", 1925, стр. 83-94.

ницы составляют и ее переводы. Камоль и Джами, С.Вургун и М.Миршакар, М.Турсун-заде и С.Рустам... Поэты разных времен и разных восточных народов. Переводы многочисленны, всегда интересны и несомненно требуют специального изучения.

В данной работе анализируются оригинальные художественные произведения А.Адалис, делается попытка выяснить основные тенденции и особенности ее творческого развития, определить место А.Адалис в общем литературном процессе страны.

x x
x

А.Е.Адалис-Ефрон родилась в 1900 г. в Петербурге в семье ученого Д.Вышковатова и учительницы гимназии[1]. Детство и юность А.Адалис прошли в Одессе. В той своеобразной и неповторимой Одессе, которая в эти же годы выпустила в "литературный свет" целую плеяду советских писателей - Э.Багрицкого и Ю.Олешу, В.Катаева и В.Инбер, З.Шишову, И.Ильфа и Е.Петрова и многих, многих других.

А.Адалис начала писать стихи очень рано и уже в 13 лет одержала блестящую победу на детском поэтическом конкурсе. "Стихотворение это поистине великолепно, и если автору действительно 13 лет, то приветствую его и прошу продолжать писать" - так была оценена первая публикация А.Адалис - стихотворение "Лунная ночь" - организаторами конкурса в одесской детской газете "Гудок"[2].

---

1 Ефрон - фамилия отчима А.Адалис. Сведения о родителях взяты из письма А.Адалис в отд.милиции г.Одессы с просьбой о розыске документов родителей. Б.д., Личный архив А.Адалис, копия.

2 Адель Е-нъ /Ефрон/. Лунная ночь. Газ."Гудок", Одесса, 28 января 1913 г.

Разумеется, немудреная пейзажная зарисовка, в которой некрасовские ритмы соседствовали с "умирающим лучом бледной луны" и с цветами, пахнущими "дурманно и сладко", - могла оказаться лучшей лишь на непритязательном детском конкурсе, и сама А.Адалис долгое время не принимала всерьез свои литературные опыты.

Путь А.Адалис в поэзию начался в I9I7 г. с ее знакомства с членами одесского студенческого литературного кружка. Окончив гимназию, учась на Высших женских курсах, она прослышала о поэтах, "кричащих на улицах свои стихи", и решилась встретиться с ними и вынести на их строгий студенческий суд свои ранние творения[I]. "В один из будних дней между двумя "четвергами" ко мне домой пришла молодая женщина с огромными глазами и маленькими руками. Она робко уселась у стола и ... сообщила, что хочет примкнуть к нашему кружку и просит предварительно просмотреть ее стихи... На закрытом заседании редколлегии все восхищались оригинальностью творчества Адалис и рады были новому пришельцу. Ближайшее ее выступление на "интимнике" еще больше укрепило наши симпатии к глубокоглазой сотруднице разраставшегося кружка... Ее стихи и отдельные строфы читались многими напамять..."[2]

С этого времени А.Адалис - самый верный и постоянный член всех одесских поэтических сообществ I7-20 гг., будь то студенческий кружок или традиционная "Зеленая лампа", последовавший за ней "Коллектив поэтов" или поэтическое кафе "Пеон четвертый". Ее имя встречается во всех воспоминаниях

---

I Из личной беседы с А.Адалис.

2 Г.Долинов. Воспоминания об Одесском литературно-художественном кружке "Зеленая лампа". ОР ГБС, ф.260,ед.хр.I,л.4.

о литературной Одессе этого периода в одном ряду с именами Э.Багрицкого, В.Катаева, Ю.Олеши[I].

Главным формирующим началом в раннем творчестве А.Адалис была сама Одесса этого периода, причем далеко не только Одесса революционная. По собственному признанию А.Адалис, в 1917 г. она приняла и приветствовала революцию, не осознав ее сути и значения, - так, как молодость принимает любое обновление. И хотя ближайшие друзья Адалис - Багрицкий, Катаев и Олеша сотрудничали в ЮгРОСТА, хотя Э.Багрицкий в 1919 г. был бойцом Особого партизанского отряда, тем не менее сама Адалис была далека от подобного рода общественной деятельности. Действительно, семнадцати, а может быть, и пятнадцатилетней девочке [2] чрезвычайно трудно было разобраться в происходящем, особенно если учесть, что "до последнего занятия Одессы большевиками власть в ней менялась с разными по срокам жуткими промежутками 14 раз"[3].

Приморский город долгое время оставался последним пристанищем не только бегущих из восставшей России контрреволюционеров, но и многих нейтральных, впоследствии уехавших за границу крупных писателей. К Бунину ходил "учиться писать" В.Катаев[4], на суд А.Толстого приносили свои стихи Ю.Олеша и сама А.Адалис[5], и политические убеждения будущих эмигрантов

I См.:С.Бондарин."Харчевня".-В кн.: Э.Багрицкий. Альманах.М., 1936, стр.229; Ю.Олеша.Личность и творчество. Там же,стр. 163;В.Инбер.Поэзия была для него всем(Эдуард Багрицкий).- В кн.: За много лет,М.,1964,стр.220;Т.Лишина.Так начинают жить стихом...В альманахе "Прометей",т.5,М.,1968,стр.321.

2 По утверждению самой А.Адалис,она родилась не в 1900,как это считается официально,а в 1902 г.

3 Г.Долинов.Воспоминания об одесском литературно-художественном кружке "Зеленая лампа",ОР ГБС,ф.260,ед.хр.I,л.7.

4 В.Катаев. Трава забвенья. "Новый мир",1967, № 3.

5 Ю.Олеша.Встречи с Алексеем Толстым. Избр.соч.,М.,1956, стр.390-400.

мало интересовали не только Адалис, но и ее старших, более опытных и революционно настроенных друзей.

Общение с этими представителями большого искусства было своего рода литературной учебой, наложившей отпечаток на творчество многих одесских поэтов.

С другой стороны, литературный вкус воспитывался в знакомстве с подлинными ценностями мировой и русской литературы. "Когда мы были молодыми, - вспоминал Ю.Олеша, - Багрицкий, такой же молодой, как мы, пропагандировал среди нас хорошую поэзию. Мы впервые услышали от него стихи Иннокентия Анненского, Пастернака, Асеева , Хлебникова, Ахматовой... Маяковский, который долгое время был непонятен нам, стал доходить до нас благодаря работе над нами Багрицкого ... Багрицкий знал наизусть бесконечное множество стихов - старых поэтов, современников, русских и иностранных"[1].

Наконец, не менее важна была сама атмосфера молодежного кружка. Всегда веселые, полуголодные, одержимые поэзией друзья не только "кричали стихи на улицах, дразня обывателей, и читали свои произведения в кафе и харчевнях в надежде на любопытство и щедрость "презираемых жертв - богатых студентов и наивных или полусумасшедших старух..."[2] В большом запущенном зале покинутой барской квартиры происходило "ожесточенное чтение стихов и прозы"[3], при котором "все немного подтрунивали друг над другом"[4] и "не баловали друг друга похвалами"[5]. "Мы говорили на литературные темы, чита-

I Ю.Олеша. Эдуард Багрицкий. Избр.соч.,стр.377-378.
2 А.Адалис. Нас вел Эдуард.-В кн.: Э.Багрицкий. Альманах, М., 1936, стр.2I7.
3 В.Катаев и Ю.Олеша. Друг."Литературная газета",I2 апреля 1947 г.
4 Ю.Олеша. Личность и творчество.-В кн.:Э.Багрицкий.Альманах, стр.I63.
5 З.Шишова.I9I7-I92I годы.-В кн.:Э.Багрицкий.Альманах,стр.I93.

ли стихи и прозу, спорили, мечтали о Москве. Отношение друг к другу было суровое. Мы все готовились в профессионалы. Мы серьезно работали. Это была школа"[1].

"Южнорусская школа поэтов"[2] не вырабатывала единых литературных принципов. Каждый - в силу собственного таланта - искал себя, пробовал голос, многие подражали модным в то время образцам, среди которых немалое место занял И.Северянин.

"Солнцекудрые красавицы с душой тонкострунной", "исступленные стихи", "фимиамная славословь" - таков средний художественный уровень одесского кружка, далеко не все участники которого обладали талантом Э.Багрицкого и С.Кирсанова[3].

Надо отдать должное Адалис: она была одной из тех немногих, чью оригинальность и самостоятельность с самого начала единодушно признавали все члены литературного общества. Правда, и она живет еще не в реальном, а в ею самой придуманном мире, наполненном предчувствиями любви и "грядущей весны", "непобедимою любовною истомой", "янтарным светом" и "алеющими далями". Но рядом со всеми этими эстетскими штампами в стихах Адалис, даже самых ранних и несовершенных, но несомненно отмеченных печатью незаурядного таланта, - мелькают живые образы и описания, по-настоящему поэтичные строфы, оригинальные рифмы и ритмы.

Особенно интересны и многочисленны в этой полудетской лирике А.Адалис стихи на мифологические сюжеты. По воспоминаниям Олеши, она нередко выступала "с тем, что представля-

---

I Ю.Олеша.Об Ильфе. Избр.соч.,М.,1956,стр.385.
2 Так обобщенно называла сама А.Адалис многочисленные,то возникавшие,то распадавшиеся,чтобы сформироваться в новом составе,одесские кружки.
3 См.рукописную тетрадь стихотворений 1917-1920 гг. ОР ГБС, ф.260,ед.хр.2.

лось ей подражанием древней поэзии..."[I] Первая же тетрадь, которую показала Адалис товарищам, "была заполнена стихами преимущественно на мифологические сюжеты", - свидетельствует и Г.Долинов[2].

Характерно, что у Адалис это не просто традиционные антологические стихи и темы, которых не миновал, пожалуй, ни один поэт того времени. Античные боги и герои живут не в обособленной древности, а рядом с самой поэтессой, в том же абстрактном, возвышенно-поэтическом мире. Эрос, "крылатый мальчик, враг бездомный", излюбленная, переходящая из стихотворения в стихотворение Афродита - Киприда - Андиомена, - все они проецируются на современность, наделяются человеческими чертами, неизменно соотносятся с жизнью самой поэтессы, а подчас персонифицируют ее лирическую героиню (из цикла "Афродите Адалис"[3]).

Секрет их появления - не только в любви к античному миру и доскональном знании истории и древних мифов, но и в самом мироощущении поэтессы, в ее необычном, мечтательном и склонном к фантазиям характере. Если для других Одесса того времени была обычным, земным южным городом, где "за пыльными стеклами витрин на выставке выгорали ... подтяжки и бумажные манжеты", где люди сидели "по горло в теплом бульоне июльского моря", "а под наркотической луной висела гигантская калоша акционерного общества "Треугольник"[4], то

---

I Ю.Олеша. Встречи с Алексеем Толстым. Избр.соч.,стр.394.
2 Г.Долинов.Воспоминания об одесском литературно-художественном кружке "Зеленая лампа". ОР ГБС,ф.260,ед.хр.I,л.4.
3 "Южный огонек", Одесса,I9I8,№ I2,стр.I0.
4 В.Катаев. Встреча.-В кн.: Э.Багрицкий. Альманах,стр.I75,I83

для Адалис это был сказочный античный город у моря, омывавшего берега Древней Греции и Рима, с улочками и запахами акаций, уводившими от настоящего в прекрасную, загадочную древность.

"Огромная голубая луна плыла в одесском небе. За великолепным городским театром белел, как Акрополь, музей древностей... Нас томила неимоверная жадность к жизни, порождающая искусство, - та жадность, когда цвет халвы, недоступной губам, уже становится цветом воспеваемой аравийской пустыни, и смазливая лавочница снится мраморной, качающейся на волнах..."[I]

Эти строки воспоминаний - редчайшее свидетельство самого автора о сложном - и типичном для Адалис того времени процессе рождения образа. Очевидно, именно так возникла знаменитая "Андиомена", которая особенно ценилась друзьями-поэтами.

Все утро осыпалась пена
Щедротами жемчужных нег.
Из теплых вод Андиомена
Возникла, оглядевши брег.
И море пены отряхнуло,
Весенней плотью зацвело,
Андиомену покачнуло,
Андиомену подняло.

Богиня легкая, не мне ли,
Веселой от ночных трудов,
Усталой от ночных безделий

---

I А.Адалис. Нас вел Эдуард.-В кн.: Э.Багрицкий. Альманах, стр.2I7.

Мечтать под ласку ветерков,
Чтоб, возлежа на зыбком лоне,
К моим устам склонила ты
Благоуханные ладони
И непорочные персты.[I]

Общеизвестный миф об Афродите, рожденной морем, оживляется у Адалис конкретными, земными деталями: богиня возникает не просто из морской пены, а "из т е п л ы х  вод"; море, как человек, "отряхивает пены" и т.д. Но в то же время - здесь и "северянинские" "жемчужные неги", "непорочные персты", "благоуханные ладони"...

Запоминающаяся образность, музыкальность, напевность строк и строф - и рядом штампованные красивости. Подобные контрасты характерны для всей поэзии А.Адалис одесского периода.

В I920 году А.Адалис приезжает в Москву и сразу окунается в шумную, беспорядочную, многоликую и разнообразную литературную жизнь столицы. В поисках себя, своего места и голоса, в определении круга новых интересов, занятий и даже, пожалуй, знакомств решающую роль сыграли встречи и очень быстрое сближение с В.Я.Брюсовым.

Один из немногих старых поэтов, открыто приветствовавший Октябрь и сознательно вставший у истоков новой культуры, В.Брюсов очень скоро втянул молодую поэтессу в орбиту соб-

---

I ОР ГБС, ф.260, ед. хр. 2, л.I5.

ственной активнейшей литературно-общественной деятельности. Именно при его содействии и с его "благословения" начиналась ее работа в Наркомпросе, Госиздате и других советских учреждениях. Вместе с В.Брюсовым организовывала А.Адалис литературные вечера в Доме Печати и в Политехническом музее, в ЛИТО Наркомпроса и в "Устном журнале" Союза поэтов - и сама принимала в них участие.

Слушая лекции В.Брюсова в Высшем литературно-художественном институте, впервые в жизни занявшись не только чистым творчеством, но и филологией, изучая теорию стиха и законы поэтики, Адалис вскоре сама становится преподавателем этого же института[I] и ведет "самое интересное занятие после лекций Брюсова - семинар по вольной композиции"[2].

Профессор кафедры поэтики, она перенесла в свою педагогическую деятельность принципы одесского кружка. "Адалис лекций не читала, руководств не рекомендовала и записывать прилежным было нечего ... Она разговаривала. Давала задания и слушала наши практические работы, оценивала их малоакадемическими разборами. Все было скорее вкусовым"[3], - вспоминает бывший студент А.Адалис В.В.Фефер. До сих пор не забылись многими "ядовитый язык" Адалис и "острые шильца ее иронии".

Тем не менее этот единственно возможный для нее принцип преподавания оказывался достаточно эффективным: "Разбор деталей развивал вкус, строгие требования к ясности, остро-

---

I См.: А.Адалис. Личное дело. ЦГАЛИ, ф. 596 (Архив института им. В.Я.Брюсова),оп.I, ед.хр.66.

2 В.В.Фефер. Единое счастье - работа.(Литературная учеба у Валерия Брюсова). Воспоминания, I968, рукопись.

3 Там же.

те мысли и ее выражения... Мы приучались к строгости ... Она умела показать, как надо изменить, и у нее оказывалось лучше. Она молчала, и мы начинали сомневаться. Она закуривала, и образ наш тускнел, мы вспоминали в паузах, что он где-то уже повторялся..."[I]

Очень важно и характерно при этом, что Адалис учила студентов отнюдь не "чистому искусству". Вслед за Брюсовым она требовала "отражения событий... фронтов, новых людей, НЭПа, ... голода в Поволжье. При выполнении заданий всегда отмечалась как достижение политическая заостренность тематики"[2].

В то же время при всей увлеченности непривычной - преподавательской работой, при всей загруженности общественными обязанностями "главным занятием"[3] для А.Адалис продолжало оставаться поэтическое творчество.

За 1920-24 годы она написала несколько сотен стихотворений и поэм, многие из которых не найдены до сих пор и известны лишь по упоминаниям в письмах А.Адалис к разным лицам[4]. "Ей рано выпал успех, о каком могли только мечтать ее ровесники"[5]. Уже в I92I-23 годах произведения А.Адалис печа-

---

I В.В.Фефер. Единое счастье - работа. (Литературная учеба у Валерия Брюсова). Воспоминания, 1968, рукопись.

2 Там же.

3 См. сводную таблицу анкетных сведений о писателях, проживающих в Москве (I920). ЦГАЛИ, ф. 1624, оп.2, ед.хр.I.

4 См.: А.Адалис. Письма к В.Я.Брюсову.1920-1924 гг. ОР ГБЛ, ф.386,карта 74, ед.хр.7-8. А.Адалис. Письма к М.Шкапской. ЦГАЛИ,ф.2182, оп.I, ед.хр.20I. А.Адалис. Письмо к П.С.Когану. ЦГАЛИ, ф.237, оп.I, ед.хр.4. А.Адалис. Письмо к В.Мейерхольду. ЦГАЛИ, ф.998, оп.I, ед.хр.204 и др.

5 Вл.Никонов. Рождение идейной лирики."Художественная литература", 1935, № 3, стр.12.

тались в таких солидных московских журналах, как "Россия" и "Художественное слово", в альманахе "Современник" и во многих других "толстых" и "тонких" изданиях рядом со стихотворениями В.Брюсова, В.Маяковского, С.Есенина, М.Цветаевой.

К 1922 году она собрала свои стихи в книгу "Первое предупреждение", которая должна была выйти в издательстве "Современник"[I]. Это о ней писал В.Брюсов: "Ты первое предупреждение объявляла, вступая в жизнь едва на порог ..."[2] Книга так и не увидела света по каким-то большей частью техническим причинам, но была настолько известна в литературных кругах, что упоминается даже в Большой Советской Энциклопедии[3] и в библиографическом указателе И.В.Владиславлева[4].

Однако - как это ни удивительно, в московских стихах А.Адалис почти не отразилось то новое и современное, что ворвалось в ее жизнь. Общественный деятель, педагог - и поэт далеко не сразу слились в единую личность, требования к другим лишь постепенно становились законом для себя, и в стихах Адалис 1920-24 годов почти не встретишь "отражения событий ... фронтов, новых людей ...". Это противоречие - не случайность, а своего рода убеждение, открыто выраженное в одном из программных стихотворений.

Стали думать, что земная слава
Преходяща и светла беда,
Революций ропщущая лава
Надвигается на города ...

---

I Эта книга числится в каталоге издательства, напечатанном в сб. "Современник", № I, М., I922.
2 В.Я.Брюсов. Два крыла.-Меа, М.,I924, стр.80.
3 См.: БСЭ, изд. I, М., I926, т.I, стр. 573.
4 И.В.Владиславлев. Литература великого десятилетия. М.-Л., I928, стр.30.

... Лавы неуклонному реченью
В час любви не возмутить меня ...
... Что нам пламя! Саркофаг веселый,
Тесный плащ, благополучный храм -
Образ наш двуликий и двуполый
Сохранит неведомым векам[1].

Произведение, по всей вероятности, навеяно брюсовской "Помпеянкой":

Века прошли, и, как из алчной пасти,
Мы вырвали былое из земли
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли ...

Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел[2].

Но то, что для Брюсова в 1902 году было не больше чем эпизодом, для Адалис в 1921 (!) стало осознанной программой: общество, даже революция, "земная слава" - все это гораздо более второстепенно и преходяще, чем вечное пламя любви - и неотделимые от любви - искусство, поэзия, вдохновение ...

Жизнь и поэзия намеренно разделяются, они существуют параллельно, почти не соприкасаясь, и московские стихи Адалис 1920-24 годов, по ее собственному позднему и очень точному определению, "являли наглядный пример разрыва реально-

---

1 А.Адалис."Стали думать, что земная слава.." Архив ИМЛИ, ф.84, оп.1, ед.хр.19.

2 В.Брюсов. Помпеянка.-Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта,Л., "Сов.пис.",1961, стр. 190.

го содержания жизни, реальной биографии автора с формой, которой он пользуется. Форма моих стихов ... никак не совпадала с реальной биографией героя и создавала особую систему пустословия"[I].

Освоению нового содержания предшествовали эксперименты в области формы. Творчество Адалис начала 20-х годов, пожалуй, отражает в миниатюре тот процесс, который происходил в это время во всей русской поэзии. "Вся наша поэзия миновавшего пятилетия была проникнута разнообразнейшими техническими исканиями ..., главная ее работа была работой над формой. Это и привело современную поэзию к делению (конечно, чисто внешнему) на все эти группы и подгруппы, явно обличающие теоретико-технические основания таких размежевок"[2],- писал Брюсов.

Окунувшись в обилие и разнообразие литературных школ, течений и направлений, А.Адалис увлекалась попеременно чуть ли не каждым из них, подражала самым разным образцам, одновременно создавала стихи, подчас прямо противоположные по художественным принципам. Здесь звучит музыка Бальмонта и завораживает прозрачная ясность Мандельштама, цветаевская страстность соседствует с усложненной образностью раннего Маяковского и футуристов ... И разумеется, несмотря на то, что В.Брюсов всегда предостерегал своих учеников от подражания себе, в стихах Адалис нередки явно брюсовские темы, образы, мотивы и настроения.

---

I А.Адалис. Повышение качества."Литературная газета", I0 марта I936 г.

2 В.Я.Брюсов. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии "Печать и революция", I922, № 7, стр.45.

Именно под влиянием Брюсова укрепляется и развивается в ее поэзии начала 20-х годов своего рода неоклассика, историческая, антологическая тема. "Сквозь остроту и утонченность ее стихов, напоенных нервностью первой четверти двадцатого века, звучит нам что-то из далеких, спокойных веков..."[I], - писал Б.Гусман. "В отвесах стен ты знаешь облик Рима, в полетах ветра - шум нездешних струй"[2], - обращался к Адалис сам Брюсов. И характерно, что даже интимный стихотворный диалог между этими двумя поэтами ведется в аллегорическом античном плане. Отрывок из стихотворения Адалис делает Брюсов эпиграфом к своему известному "Будь мрамором" ("Ты говоришь: ограда меди ратной ..."). И на языке тех же образов и ассоциаций отвечает ему Адалис.

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь ...[3]

(В.Брюсов)

Любовь за жизнию пустой
Как медь коринфская звенела,
А тает, будто воск простой ...
Не стыдно ли глядеть невинно,
Не стыдно ли уразуметь,
Что воина и римлянина
Пленила восковая медь ...[4]

(А.Адалис)

Стихи Адалис этого слоя отличаются архаичностью словаря (вертоград, обет, бытие), какой-то нарочитой замедленно-

I Б.Гусман. Сто поэтов. М., I923, стр.4.
2 В.Брюсов. К А --. В такие дни, М., I92I, стр.78.
3 В.Брюсов. Будь мрамором. Стихотворения и поэмы, Л.,I96I, стр.443.
4 А.Адалис."Ах,на глаза ль твои,на губы ль..."Сб."Поэзия революционной Москвы".Берлин,I922,стр.I0.

стью и плавностью ритмов и интонаций:

Презрев обычаи, забыв о милой ране,
Случается, хранят любовники покой
Объятий медленных прохладою тугой,
Масличным запахом размеренных лобзаний.
Тогда не Эросом во тьму возмущены,
А Музою любви на труд благословенны,
Мы пенье долгое десятыя Камены
Согласно слушали из нежной глубины...[I]

С другой стороны, в стихах "всегда взволнованной, всегда неожиданной, неизменно-острой"[2] поэтессы, находящейся в том возрасте, который она сама безошибочно определила как "требовательный"[3], "живущей жадно, горячо, упивающейся радостью жизни, радостью любви"[4], - нередко встречаются явно чужеродные и заимствованные мотивы смерти, тления, потустороннего мира, ущербной, несчастливой любви. "В страну теней приводит каждый путь"[5]; "Пора, пора дорогой покороче сойти к пределу..."[6] Подобные мотивы, так же,как завораживающая, порой становящаяся самоцелью музыкальность стиха, расплывчатые, ирреальные образы (полупечальный ветер, умилительные сады, медовый холод и т.д.) - все это несомненно почерпнуто из эстетики символизма.

---

I Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.I6.
2 М.Цветаева. Проза. Нью-Йорк, 1953, стр.235.
3 См.:Шуточная анкета 20-х годов. ЦГАЛИ, ф.2182, оп.I,ед. хр.I63.
4 В.В.Фефер. Единое счастье - работа. Рукопись.
5 А.Адалис."Мы любим дев ..." "Художественное слово",1921, кн.2, стр.II.
6 А.Адалис. "Морской водой судьба плюется в очи..."Альбом М.Марьяновой. ЦГАЛИ, ф.1336, оп.9, ед.хр.I, л.52 об.

В то же время в стихах А.Адалис нетрудно встретить явно акмеистскую лексику, образность, фразеологию - такие конкретные, но очень субъективные метафоры, тропы и описания:

Вечер. Суббота. Среди февраля.
Только три градуса ниже нуля.
Пахнет портвейном и лавром; гитара
Будет во льду подана...[I]

Или:

Пламя пахнет волком;
В его стране светло и глубоко.
Луч хочет пить и прыгает по полкам,
А в шесть часов, свистя жестяным шелком,
Молочница приносит молоко ...[2]

Наиболее многочисленны в поэзии Адалис этого периода стихотворения экспрессионистского толка: не случайно единственное направление, единственный кружок, к которому сама Адалис примкнула, так сказать,"организационно", - это "Московский Парнас", объединивший в основном экспрессионистов, или, как их назвал Брюсов, "неофутуристов". Б.Лапин, С.Бобров, Е.Габрилович - инициаторы и организаторы этого кружка, с которым в какой-то мере были связаны и такие известные поэты, как В.Хлебников, Б.Пастернак, Н.Асеев[3].

Многие стихи Адалис полностью выдержаны в духе основной программы этого кружка. Здесь и сложная, порой до эпа-

---

I Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.2.

2 Там же, ед.хр.9.

3 Их имена значатся в проспекте I-го сборника "Московский Парнас",который был издан в I922 г.,но в продажу не поступил и бесследно канул в издательских архивах(Проспект напечатан в кн.: Б.Лапин,Е.Габрилович.Молниянин ,М.,I922).

тажа, до бессмысленности игра ассоциаций и образов; и неожиданные рифмы (в побеге ли - Гегеля, папах тех - гауптвахте, свежа в рукав - жаворонков); и оригинальные ритмы и строфика, и необычные, почти "маяковские" звуковые сочетания("звончий покой покончен"); и лексические новации ("верче", "смирче" и т.д.)

Ноги заложены снегом,
Что ватой заложены уши.
Снегом налепленный табу
На крышах горяч и тучен ...[I]

Или:

Словами, породы любовных и больше,
О быте запечном и грязном, и трезвом,
О печке, железной, как лошадь, и столь же
Зеленой; и штора - в луне наотрез нам...[2]

Все это очень субъективно, но в то же время - постольку, поскольку чаще всего лишено глубокого смысла, - почти неотличимо от других авторов. Адалисовское "Поля на парки, за моря ... Маши, кричи весне! Весне расшифровали"[3] - и строки С.Спасского "Сны - космы сумеречных грив. И ждать. Душа закоченела..."[4] И рядом Б.Лапин: "Лиза, косы, Лиза, утром встретить. Осень также мягче незабудок"[5]... Все это стоит в одном ряду искусственных, чисто формальных "изысков".

---

I А.Адалис. "Парами в снег не бродили мы..." Архив ИМЛИ, ф.84, ед.хр.20.
2 А.Адалис. О позапрошлом годе. "Россия", 1923,№ 5,стр.6.
3 А.Адалис. Потомкам. "Ленинград",1924, № 8, стр.16.
4 С.Спасский. Г.Владычиной. Сб. "Экспрессионисты",М.,1921, стр.3.
5 Б.Лапин. Пальмира. Сб."Экспрессионисты",стр.4.

Однако обращение А.Адалис ко всем этим литературным течениям было не больше чем своего рода литературной учебой, пробой пера, овладеванием определенной стиховой культурой, обретением литературной образованности. "Эти стихи - явление выдающееся, - говорил о творчестве А.Адалис Брюсов. - В них есть элементы от многих школ: образность от имажинистов, резкая современность от футуристов, есть кое-что и от классиков и все это только лучшее. У автора несомненно интересная попытка взять приемы у нескольких течений и соединить их вместе - отсюда синтетичность стихов. Я внимательно слежу за современной литературой, думая найти поэта,который сумел бы соединить все разрозненные литературные группы, и Адалис дает, хотя неполный, но интересный отклик на эту мысль"[I].

Интересно, что сама А.Адалис в 1920 году причисляла себя к литературному течению "классиков-ассоциистов"[2], а впоследствии вспоминала, как В.Маяковский критиковал ее стихи этого периода, "написанные в странном и ложном стиле неоакмеизма"[3]. В.Я.Брюсов в 1922 году отнес ее к группе неофутуристов[4], а С.Городецкий в предисловии к сборнику "Стык"

I Цитируется по: В.В.Фефер. Единое счастье - работа. Рукопись.
Насколько не принципиальным и не важным было для самой Адалис причисление себя к какому-либо определенному литературному течению, говорит хотя бы тот факт,что после этого выступления В.Брюсова,по воспоминаниям того же В.В.Фефера,она сняла с себя ярлык "неоакмеистки" и заявила себя "синтетисткой".

2 См.:Сводная таблица анкетных сведений о писателях,проживающих в Москве(1920 г.). ЦГАЛИ, ф.1624, оп.2,ед.хр.I. Термин придуман самой А.Адалис.

3 А.Адалис. Слово о великом."Литературная газета", 20 марта 1940 г.

4 В.Я.Брюсов. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии."Печать и революция", 1922, № 7, стр.60.

(I925), в котором печатались стихи Адалис, назвал ее "убежденной символисткой"[I]. Действительно, все это в той или иной степени характерно для творчества Адалис I920-24 гг. Но не вдаваясь во все детали теории и философии различнейших "измов", она заимствовала у каждого из них лишь то,что больше всего соответствовало особенностям ее собственного таланта, ее личных поэтических интересов и склонностей.

Именно поэтому вряд ли стоит приклеивать к каждому стихотворению Адалис этого периода те или иные ярлыки. Гораздо интереснее найти в них то, в чем проявлялась "настоящая" Адалис, что уже тогда ставило ее имя в один ряд с именами известных поэтов и откуда тянутся незримые нити к ее зрелому творчеству.

Ведь недаром такое значение придавал поэзии Адалис В.Брюсов. Не случайно отмечал Б.Гусман, что "она умеет дать сложный образ в клубке тонких и метких эпитетов, сравнений, метафор"[2], а Вл.Никонов уже с высоты 30-х годов признавал, что при всей камерности и "отъединенной интимности" ранние стихи Адалис "выделяли сжатость, своеобразная интонационно-синтаксическая выразительность и смелое обращение со словом"[3].

Оригинальные метафоры: "снег выпал, кувыркаясь, как птенчик из гнезда"; "малиновкой в плену стрекочет кровь"; "поставлен крест на прошлом, оконный переплет..." Скульптурная, "брюсовская" сжатость и завершенность образов: "стрела любви на взлете медлит, высокомерная, звенит..." или:"морской водой судьба плюется в очи, морским узлом затягивает

I С.Городецкий.На стыке. Сб."Стык", М.,I925,стр.I6.
2 Б.Гусман. Сто поэтов. М., I923, стр.4.
3 Вл.Никонов. Рождение идейной лирики."Художественная литература", I935, № 3, стр.I3.

дни ...". Подчас просто строки, захватывающие своей простотой, поэтичностью и музыкой стиха:

Дела любви несложны и невинны,
Не много тайн влюбленный узнает:
Мы измеряем светлые глубины,
Приняв любовь за корабельный лот.
Пучины дней в лицо лучами метят,
Очам темны и солоны устам,
И не понять - морские ль звезды светят,
Небесные ль трепещут по ночам!
О грозный понт! Испытанно и зыбко
Твоя зеленая вскипает кровь.
Волне волна - не первая ошибка,
Волна волне - не первая любовь.
Доносит ветер праздные вопросы,
Качают волны древнюю весну, -
И только мы, жестокие матросы,
Любовью измеряем глубину...[I]

Все это - уже не искусственные формальные опыты, но образцы подлинной поэзии, рожденные вдохновением и талантом. И, конечно, истинный талант не мог долго удовлетворяться чисто формальными поисками и экспериментами. Приветствующий революцию В.Брюсов; происходящие вокруг общественные события; наконец, голос революции, все громче звучащий в литературе (Пролеткульт, Кузница, В.Маяковский) - все это не могло не повлиять на гражданскую и творческую эволюцию А.Адалис.

---

I Сб."Поэзия революционной Москвы", Берлин, I922, стр.9.

Оставаясь в рамках той же формы, она постепенно пытается несколько расширить узкий круг поэтических тем, вырваться из придуманного, маленького мира к живому и яркому миру. Уже в 1922 году поэтесса робко и даже будто с удивлением замечает, "что светло везде", и ощущает, "что как будто счастье к деревьям, к воздуху, к воде чуть-чуть порочное пристрастье..."[1] "Я начинаю понимать, что солнцем занята. Я вижу двор, я слышу сад, хочу лежать и пить. И вот выдумываю стих, чтоб полдень объяснить"[2], - пишет она в другом произведении.

Более того, несколько позже, но еще опять-таки в кругу тех же сложно-ассоциативных экспрессионистских образов появляются даже такие понятия, как "республика труда, которой нет на карте в новом мире"[3]; "рабочие", идущие в "парк машин", и многое другое, навеянное современностью.

Особенно характерно в этом отношении стихотворение 1925 г. "Четверть века приходит к концу"[4]. Путь лирической героини от старого к новому хрестоматийно изображен в виде дороги по кругам Дантова ада.

По пути я терплю тупики от злопамятных улиц и тени,
Проползаю дрожа между ног неопасных,но страшных видений,
Озираюсь на бешеных псов и на беленький месяц безрогий
И, как Данте,берусь отдыхать в середине позорной дороги..

---

I А.Адалис."Пейзаж кудряв, глубок, волнист..."—"Московский Парнас", сб.2,М.,1922, стр.85.
2 А.Адалис. "Сучить любовные стихи..." Там же, стр.84.
3 А.Адалис. Друзьям детства. "Ленинград", 1924, № 13,стр.16.
4 "Россия", 1925, № 4 (13), стр.100.

Это путь от тьмы к свету, через ночь - в утро, и художественная система, воплощающая эти два начала, достаточно определенна. С одной стороны, - привычный мир эстетских, иногда полуфантастических образов: "изъязвленный, как сердце, флейтист", "одиноко безумствующий на портале у музея изящных искусств"; "на бульварах любовники ждут, разметав косоглазые рожи" и т.п. И с другой стороны, - гораздо более земные и реальные "м о л о д ы е трамваи", идущие по своим "колеям о с в е ж е н н ы м"; "пунцовый с п а с а т е л ь н ы й флаг", олицетворяющий все новое, рисующий в разговоре с героиней картину новой жизни; и, наконец, "золотое знамя соединенных республик".

И хотя все стихотворение сдобрено немалой долей иронии ("Завернувшись в чужой макинтош, ... наведя гробовую сурьму на свои чайльд-гарольдовы брови, я в двенадцать часов по ночам прохожу...") - тем не менее выбор самой героини, ее приход "в утро" достаточно ясен[I].

---

I О продуманности и программности этого выбора говорит интересная судьба произведения. По воспоминаниям самой А.Адалис, при первой публикации волей редактора был существенно искажен смысл стихотворения: вместо "пунцовый спасательный флаг ... не умеет, но хочет сказать: "Плюнь на весь этот шум, Аделина", было напечатано:"не умеет, не хочет сказать ..." Литературные отношения с журналом были прекращены, а через много лет,готовя к печати избранные "Стихи и поэмы", поэтесса вставляет в первый вариант сборника это единственное из всех своих ранних стихотворений с такой редакцией "спорной" строки:"П о л н ы м г о л о с о м хочет сказать..." Очевидно, лишь усложненная форма этого стихотворения, затемняющая его смысл и противоречащая принципам зрелой поэзии А.Адалис, помешала ему войти в окончательный состав сборника.

Еще более убежденно и программно звучит та же мысль и в одном из последних стихотворений Адалис московского периода. "Я ду́хов не люблю, мне скучно с ними. Теперь ни я, ни мой свободный стих не прельщены существованьем их"[I], - восклицает поэтесса, как бы подводя итог всему своему предшествующему творчеству. И по-новому, совсем уж непривычно для Адалис начала 20-х годов звучат такие, как бы завершающие ранний этап ее эволюции строки:

О человечество, любовь моя!
Иду к тебе сквозь этот ветер колкий,
Рабочие, солдаты, комсомолки,
Стеречь твой хлеб и твой железный дом,
Сидеть с тобой за мировым столом,
Пасти стада, автомобили, фуры,
Хранить сады - и в день инвеституры,
Пропев пароль на стрелке всех дорог,
Принять навек твой серп и молоток[2].

Однако новое содержание пока еще продолжает оформляться в привычных эстетических категориях, в книжных,порой даже заимствованных образах. Декларации абстрактны, умозрительны, не столько "выношены", сколько "выдуманы".Для того чтобы новая жизнь и новые идеи прочно вошли в разум,в сердце - и в поэзию, - необходимо было из важного,но узкого и вторичного круга литературных дел и вопросов вырваться в широкую,настоящую и главную жизнь страны.

И дальнейший процесс гражданского пробуждения и самоосознания подтолкнула и ускорила работа А.Адалис в республиках Средней Азии.

---

I А.Адалис."Есть у меня возможность жить с богами..."Сб. "Стык",М.,I925, стр.32.
2 Там же.

31-1

# Г Л А В А  I

## "ЗДЕСЬ, НАКОНЕЦ, БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ ОТКРЫЛАСЬ..."

### /А.Адалис и советский Восток 20-х годов/

Десятками исчисляются имена писателей и поэтов, побывавших за 50 лет на советском Востоке и посвятивших ему свои произведения. Творческое взаимодействие русской литературы с национальными, способы художественного изображения инонациональной действительности и характеров - эта проблема становится все более актуальной в советском литературоведении. Ей посвящены статьи и книги К.Зелинского, Г.Ломидзе, З.Кедриной, И.Неупокоевой и многих других; коллективные труды "Международные связи русской литературы", "Очерки истории русской литературы Узбекистана", многочисленные сборники статей разных авторов.

В изучении сложного и многогранного процесса эстетического общения русской советской литературы с Востоком особенно важное значение придается обычно работе первой туркменской бригады(1930). Именно в произведениях о Туркмении Н.Тихонова, В.Луговского, П.Павленко и др. многие исследователи усматривают истоки принципиально новой, советской, антиэкзотической художественной концепции Востока[1]. Но при этом не всегда учитывается, что художественные открытия советской ориенталистики 30-х годов были во многом предварены и подготовлены творчеством писателей, работавших в национальных республиках в 20-е годы, что первыми на этом пути литературного освоения подлинного Востока были Б.Лапин, И.Сер-

---

1 См.:К.Зелинский. Что дают русской литературе народы СССР.- В кн.:Пути развития советской многонациональной литературы. М.,"Наука",1967; А.Кронгауз. Кровообращение поэзии. "Ашхабад", 1960, № 2; А.Мурадов. Мой русский брат. Ашхабад, 1965 и др.

геев, Л.Соловьев и наконец - в очень большой степени - А.Адалис.

Немного найдется таких писателей и поэтов, в чьем творчестве и более того - в чьей жизни - Восток, Средняя Азия сыграли столь решающую роль и заняли столь важное место,как в жизни и в поэзии А.Адалис. "О человечество, любовь моя! Иду к тебе..." - таков был итог творческих исканий А.Адалис начала 20-х годов. Путь к человечеству пролег через Азию. Именно здесь Адалис впервые оказалась лицом к лицу с новой действительностью и с новым человеком, именно здесь пришло к ней неведомое доселе ощущение единства своей жизни с жизнью окружающих ее людей, "волнение первой любви" к азиатской земле слилось с чувством ответственности за все, происходящее в мире, с чувством нового человека, хозяина этой земли, принявшего в сердце ее дела и заботы.

По собственному признанию А.Адалис, именно в Средней Азии она до конца поняла и приняла Октябрьскую революцию, ее социальные и нравственные преобразования[1]. Не случайно впоследствии, в незавершенной поэме 40-х годов, ассоциируются у поэта Памир - и Кремль, Азия - и Москва, Восток - и революция:

И стенами жилой моей квартиры
Мне кажутся хребты родной земли:
Кремлевских стен зубчатые Памиры
И гор Памира темные Кремли ...[2]

---

I Из личной беседы с А.Адалис.

2 А.Адалис. Несостоявшаяся поэма. Личный архив А.Адалис.

Впервые попав на Восток летом 1925 года, Адалис впоследствии неоднократно сюда возвращалась. Узбекистан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Закавказье - такова география ее многолетних путешествий, ставших творческой и душевной необходимостью. "Буду ли ездить, не знаю, но не ездить уже не могу... Сейчас 22° мороза, а мне мерещится Туркмения"[1], - пишет она в 1929 г. М.Шкапской.

Московские улицы, напоминающие "Тянь-Шаня горные теснины"[2], городской асфальт, похожий на "степной простор Туркменистана"[3], "сильный мороз - как сильный зной по виду"[4], "Василия Блаженного тюрбаны"[5]- подобные образы и строки в произведениях,подчас весьма далеких от восточной тематики,могут возникнуть лишь у поэта,для которого Восток,Средняя Азия не просто мелькнувший и забытый экзотический мираж юности,но основной нерв, пожизненный импульс всего творчества.

Восточные мотивы появляются у А.Адалис еще задолго до ее непосредственного знакомства со Средней Азией. То в письме мелькнет какой-нибудь изысканный, эстетизированный восточный образ - "чернильницы,высохшие, как горла умирающих соловьев Хафиза"[6] ... То в сложных экспрессионистских ассоциациях вдруг перекликнутся роза и соловей (Стихотворение "Хоть крымским вином спои меня"[7]). То целое стихотворение

1 ЦГАЛИ, ф.2182, оп.1, ед.хр. 201, л.19.
2 А.Адалис. Восьмистишия. -Новый век. М., "Сов.пис.", 1960, стр.77.
3 А.Адалис. Помню."Молодая гвардия", 1938,№ 6, стр.70.
4 А.Адалис. Письмо к М.Шкапской,1929 г.,ЦГАЛИ,ф.2182, оп.1, ед.хр. 201, л.19.
5 А.Адалис. Прогулка в ноябре.-Стихи и поэмы,М.,"Сов.пис.", 1948, стр.104.
6 А.Адалис. Письмо к М.Шкапской (1921-23 гг.), ЦГАЛИ, ф.2182, оп.1, ед.хр. 201, л.11.
7 "Жизнь", 1922, № 1, стр. 84.

посвящается восточной теме.

Но пока это еще интерес к Востоку выдуманному и книжному, а не стремление понять и узнать Восток реальный. Это увлечение восточными стиховыми формами и экзотическими образами, дань моде, не обошедшей стороной поэтов одесской школы, а затем - многих московских друзей А.Адалис. Изысканные "изумрудные оазы", "атласные небеса", "пестрые крыши Багдада и Стамбула", с поразительным однообразием заполнявшие многие поэтические сборники[1], не миновали и поэзии Адалис.

Дышится трудно от запаха меда и гари;
В долах тюльпаны рьяным обилием пьяны...
Если подымутся руки, - ударим
в тимпаны!
Между ветвями солнце, как плод перезрелый,
Пламенным соком исходит в сияньи широком.
Сладостным небо течет над землей загорелой
потоком[2].

Размеренная, нарочито замедленная ритмика, вычурная строфика и рифмовка (тюльпаны - пьяны - тимпаны; соком - широком - потоком); томно-изысканная лексика и образность (солнце - как плод перезрелый; пламенный сок, сладостный

---

I См.: В.Катаев. Стамбул."Южный огонек", Одесса,1918,№ 6, обложка; Э.Багрицкий. Газэла. Сб."Серебряные трубы", Одесса, 1915, стр.9; И.Бобович. Монголы. Сб."Авто в облаках", Одесса, 1915, стр. 17; Г.Цагарели. Весенняя газела. Там же, стр. 47. См. также: К.Липскеров. Песок и розы.М., 1916; М.Шагинян.Orientalia. М., 1913 и мн. др.

2 А.С.-ъ(А.Адалис)."Дышится трудно от запаха меда и гари..." "Южный огонек", Одесса, 1918, № 14, стр.4.

поток, смугло-лиловые долы и т.д.) - все это типичнейшие приемы традиционной экзотической поэзии. Они рождались не жизнью, а чужими книгами и юношеской фантазией, а потому - далеки не только от подлинного Востока, но вообще от какой бы то ни было реальности. "Ах, только то, что не было, я помню о себе: кинжалы, и шальвары, и свет Кассиопей"[1], - признавалась сама поэтесса.

Подобное обращение к Востоку было для Адалис, как и для многих других поэтов в начале 20 века, своеобразным способом бегства от скучной повседневности в прекрасные экзотические дали. Не случайно сливаются воедино в ее ранних стихах загадочный Восток и Древний Рим, "кинжалы и шальвары" - и "свет Кассиопей", "падишах с лютней", ожидающий свою Зейнаб[2], - и римский раб, доставляющий лирической героине "короткое письмо от подруги"[3], розы, соловьи, крымское вино и степная тишина[4]... Все это уже не столько Восток или Рим, сколько просто экзотика - тяга к необычному, нездешнему.

Мечте о дальних странах суждено было сбыться. "Собираюсь, кажется, путешествовать это лето: Туркестан, Кавказ, Крым. Наконец! Ведь с детства я хотела быть капитаном корабля или Ливингстоном и все мое развитие прошло под этим знаком"[5].

Однако впервые А.Адалис ехала в Среднюю Азию не "капитаном корабля", а прозаическим "работником центра", разъезд-

---

I А.Адалис. "Пора менять привычки..."(I922?) Личный архив А.Адалис.
2 А.Адалис."Бродит с лютней падишах..." Сб."Стык",М.,I925, стр.34.
3 А-съ(А.Адалис). Из цикла "Афродите Адалис"."Южный огонек", I9I8, № I2, стр.I0.
4 А.Адалис."Хоть крымским вином спои меня"..."Жизнь",I922, № I,стр.84.
5 А.Адалис. Письмо к М.Шкапской,I924 г.,ЦГАЛИ,ф.2I82,оп.I, ед.хр. 20I, л.2.

ным корреспондентом московской "Нашей газеты", и это сыграло решающую роль в сложном двуедином процессе формирования нового мировоззрения - и новых творческих принципов. Увлекательное путешествие в дальнюю неведомую страну юношеской мечты, в ожившие сказки "1001 ночи" обернулось не менее увлекательным, но вполне конкретным "песчаным походом" по городам, кишлакам и аулам молодых советских республик. А.Адалис и ее спутники - Б.Лапин, И.Сергеев забирались порой в такую пустынную и степную глушь, где вообще никогда не ступала нога европейского человека. "В старом Самарканде мы встретили научную экспедицию во главе с поэтессой Адалис. Они собирались идти пешком куда-то, "куда Макар телят не гонял", - по их сведению, в ста верстах от Самарканда находилось какое-то племя, еще до сих пор никем не изученное"[1], - свидетельствует Г.Гайдовский. "Обычно в Ашхабаде товарищи, посланные писать о советской Туркмении, берут, чтоб не ехать самим в чертово пекло, статистические, географические, этнографические, поэтические сведения о том, как и где обстоит туркменская экзотика. Случилось так, что для нас, наоборот, экзотика - Ашхабад. Здесь только отдых, и через неделю - снова в дорогу"[2], - писала сама А.Адалис в книге очерков "Песчаный поход".

Ташкент, Ашхабад, Бухара, Самарканд, Андижан, Фирюза, Багир, Аннау, Иски-Чарджуй и т.д. и т.п. - таковы обратные адреса многочисленных очерков и газетных корреспонденций

---

1 Г.Гайдовский. Страна под чадрой. М., б.г.,стр.92.

2 А.Адалис. Песчаный поход. М., "Федерация", 1929, стр.53-54.

Адалис, печатавшихся в 1926 - 1931 гг. в периодических изданиях страны - в "Правде", "Нашей газете", "Правде в степи", в журналах "Революция и культура", "Новый мир", "Красная нива", "Прожектор", "Наши достижения", "Смена" и др. Многие из них вошли с некоторыми изменениями в книгу очерков "Песчаный поход", другие должны были составить задуманные, но не осуществленные "Очерки о колхозах"[1], кое-что так и осталось забытым на газетных и журнальных страницах - мимолетные зарисовки путевых впечатлений, этнографические наброски, заготовки к состоявшимся и несостоявшимся будущим книгам стихов и прозы.

Создание очерков было для А.Адалис не только исполнением желания "поскорее сообщить своим - то есть Москве, друзьям, товарищам и читателям газет, каково житье-бытье на дальней земле, на окраине Союза"[2], но в то же время и возможностью собственного участия в обновлении жизни национальных окраин. Адалис изучала Азию не глазами случайного посетителя, а сердцем активного участника событий, и деятельность разъездного корреспондента далеко не ограничивалась сбором очеркового материала. Вести культработу в пограничных войсках, помогать в борьбе с басмачами, "защитить от байской обиды бедняка, насильно дать хину малярику, писать заявления в суд за неграмотных женщин, мазать черной мазью волдыри на лицах детей"[3] - все эти большие и малые земные дела

---

1 Выписка из договора на эту книгу с издательством "ЗИФ" хранится в архиве ИМЛИ,ф.84,оп.1,ед.хр.35.
2 А.Адалис. Из записок счастливого человека. Рукопись.М., 1944, Архив ИМЛИ, ф.84,оп.1,ед.хр.28,л.55.
3 Там же, л.18,62.

и заботы составляли ее повседневную напряженную жизнь.

Это было знакомство с невыдуманной конкретной Азией и в то же время первое тесное соприкосновение с большой жизнью нового государства. Вместе с тем это было непосредственное воплощение на деле, в живом общении с "иноплеменниками", того, что называлось и называется ленинской национальной политикой, и Адалис, таким образом, оказавшись втянутой в эту общественную деятельность, становится официальным представителем нового государства. "Бродить по улицам Москвы на вечерней заре, томясь жаждой скитаний; добровольно трястись в душных вагонах; кочевать в телегах по степям, верхом по горам... Оказалось, это называется политикой!.. Простая дружба, вольное дыхание, жалость и любовь, и любопытство к бытию, страсть к справедливости - все оказывалось не чем иным, как государственной деятельностью. Это было небывалым счастьем поколения - совпадение долга с вольностью"[I], - вспоминала впоследствии сама А.Адалис.

Вне сомненья, все это не могло не повлиять на литературные и мировоззренческие принципы поэта. Если раньше любовь провозглашалась превыше "ропщущей лавы" любых революций (вспомним: "лавы неуклонному реченью в час любви не возмутить меня..."[2]), то теперь программными становятся кардинально противоположные по смыслу строки: "горьки и пресны мужские уста, соль Хороссана мне застит глаза"[3]. Поэтический

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека, л.62-63.

2 А.Адалис. "Стали думать, что земная слава..." Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.I9.

3 А.Адалис. Пограничная баллада. "Красная нива", I927,№ I3, стр.20.

взгляд Адалис по-прежнему простирается далеко за "хребты родной земли", но теперь ее уже интересуют не Древний Рим, не абстрактные дальние страны, а нечто гораздо более конкретное. В стихотворении "Пограничная баллада" несложный эпический сюжет - встреча героини с пограничным отрядом - становится поводом для открытого выражения новых отношений с окружающим миром:

Там у меня Тегеран и Тебриз!
Утренний Решт и ночной Керманшах ...
... Там у меня за французский посул
Плачет, непоен, некормлен Моссул...[I]

Так новые мысли и чувства заступают место прежних убеждений.

В творчестве А.Адалис - "путь к человечеству" - это путь к простоте.

Прежде всего, симптоматично обращение камерного, книжного поэта к демократическому жанру очерка - к единственному в своем роде жанру, в котором художественное творчество почти сливается с общественной деятельностью. С другой стороны, характерны изменения, происходящие в поэзии А.Адалис: постепенный переход от книжных реминисценций к живому осмыслению действительности, от туманных ассоциаций - к прозрачной ясности образов, от запутанного переплетения разнообразнейших школ и течений к собственным ритмам и интонациям, к правдивому изображению людей и событий. Живые впечатления неизбежно заслоняют и подавляют привычную книжность, врываются

---

I А.Адалис. Пограничная баллада. "Красная нива", 1927, № 13, стр. 20.

в застывшие рамки старых литературных норм и канонов, формируют новые аспекты художественного видения мира.

Однако рождение нового писателя, постижение каких-то иных, отличающихся от привычного, принципов творческого общения с действительностью - процесс, может быть, даже более сложный и длительный, чем изменение общественных взглядов и идейная эволюция. Для А.Адалис этот процесс осложнился еще и тем, что происходил в Азии и был неизбежно связан со специфической проблемой - необходимостью преодоления традиционно-экзотического восприятия восточной действительности. Не лишено вероятности, что на первых порах для нее одинаково экзотично звучали слова "текинский базар"-и "кооператив", "мечеть Биби-Ханым" - и "ОЗРА" - "общество защиты растений" (нельзя забывать, что молодая поэтесса уезжала из Москвы в разгар НЭПа, в период, отнюдь не благоприятствующий утверждению нового мировоззрения). Тем сложнее и противоречивее происходило художественное осмысление тех или иных примет окружавшей писательницу пока еще малознакомой жизни.

Интересно, что в прозе и в поэзии А.Адалис процесс становления и творческого возмужания происходил по-разному. Стихи и очерки А.Адалис 20-х годов неразрывно связаны между собой: единство исходного материала (окружающая писательницу азиатская действительность) обусловило перекличку проблем, мотивов и даже образов. Тем заметнее и характернее разница в художественном восприятии и изображении одних и тех же явлений и событий.

Трудно понять и осмыслить такую замысловатую деталь восточного пейзажа в стихотворении "Туркмения": "Нелепые

жесты полей джугары-кукурузы, и легкие пугала в позе туземной чумы. Сама джугара угловата, как желтая нежить..."[1] А в очерке "У персидской границы", написанном почти одновременно с "Туркменией", с той же "натуры" делается зарисовка совершенно иного плана, и тот же самый образ обретает вдруг вполне конкретные очертания: "Джугара (кукуруза) угловата и обожжена солнцем: ее широколистые стебли похожи на ремизовских чертяк или кривляющихся кустарных Петрушек,и кажется, будто по обеим сторонам дороги - лес огородных пугал"[2]. Точно так же в очерке "Чайхана Якуба Умедова" "поет про все, что с ним случилось за день"[3] (дословное совпадение со стихотворением "За рощами беспошлинной границы..."[4]) не абстрактный "сарт", а живой человек, Якуб Умедов,"младший из двух хозяев чайханы" со своим индивидуальным узбекским характером, сказавшимся и в манере поведения, и в содержании песни, тут же переведенной слово в слово слушателем-автором. Даже древне-греческие ассоциации: "Афрусиаб - их Акрополь двурогий..."[5], перекочевав в очерк, обрастают реалистическими деталями и обыгрываются так, что не только теряют свой возвышенно-торжественный смысл, но приобретают даже какой-то нарочито-сниженный оттенок: "Древний Афрусиаб - самаркандский Акрополь - дикая насыпь, заросшая золотой с проседью щетиной, ухабистое городское кладбище с шакалами..."[6]

---

I А.Адалис. Туркмения. "Красная нива", 1926, № II, стр.I.
2 А.Адалис. У персидской границы. "Красная нива", 1926, № 32, стр.I4.
3 А.Адалис. Чайхана Якуба Умедова."Новый мир",1926, №7, стр.I73.
4 Личный архив А.Адалис.
5 А.Адалис. "За рощами беспошлинной границы..." Там же.
6 А.Адалис. Чайхана Якуба Умедова. "Новый мир", 1926, № 7, стр.200.

Таких примеров можно привести множество, и закономерность везде одна: от поэзии к прозе - тенденция к большей доступности языка, к снижению, упрощению стиля и образов.

Причины - прежде всего в законах самого жанра: журнальный и газетный очерк, всегда обращенный к самому широкому читателю, по самой своей жанровой сути требует максимальной простоты и доходчивости. С другой стороны, не менее важная причина художественной разобщенности прозы и поэзии А.Адалис середины 20-х годов - новизна, а следовательно, "безтрадиционность" жанра очерка в ее творчестве.

Вряд ли стоит говорить о традициях прозы А.Адалис, отталкиваясь от единственного в ее доазиатском творчестве небольшого рассказа "Под дождем", напечатанного в 1918 г. в одесском журнале[1], - в то время как в первых восточных стихах А.Адалис огромную роль играла именно традиция, глубоко уходящая корнями в ее раннюю поэзию.

Очерк Адалис создается т о л ь к о на основе живых впечатлений, исходит т о л ь к о из конкретных, окружающих автора обстоятельств. Первые азиатские стихи преломляют эту живую жизнь через призму привычных литературных приемов. Проза строится на голом месте, новая поэзия возникает в сложном взаимодействии традиций и новаторства, и процесс р о ж д е н и я очеркиста закономерно происходит легче и последовательнее, чем процесс п е р е рождения поэта.

Именно поэтому новые впечатления, мысли и ощущения легко укладываются в лаконичные строки очерков, с самого

---

1 "Южный огонек", 1918, № 13.

начала оказываются единственным источником их многочисленных и актуальных проблем, но еще не всегда и не сразу становятся творческим воздухом стихотворений А.Адалис, материалом их поэтической ткани, определяющим художественные принципы и приемы.

"Здесь, наконец, большая жизнь открылась, мне Туркестан, что Пушкину Кавказ"[I] - эти эмоциональные строки, почти афористично выражающие сущность нового мироощущения поэтессы, совершенно неожиданно появляются в стихотворении "За рощами беспошлинной границы", которое по форме своей,по способам организации поэтического материала, не только не подтверждает эту декларацию, но даже в какой-то степени противоречит ей.

Когда жужжит, потворствуя и нежась,
Чужой дутар, и, каплями созрев,
Стекает спать воинственная свежесть
Карагачей и тутовых дерев, -

Спешу войти в их сумрачную милость
И думаю: здесь буду ждать не раз,
Здесь, наконец, большая жизнь открылась, -
Мне Туркестан, что Пушкину Кавказ!

Здесь ветерок пророчеств и несчастий
Попеременно вяжет и живит,
Здесь полумесяц бледный и блестящий
Имеет вовсе мусульманский вид;

---

I А.Адалис. "За рощами беспошлинной границы..." Личный архив А.Адалис.

Здесь черный конь у друга на пороге,
А бедный друг в халате золотом!
Афрусиаб - их Акрополь двурогий
И Шах-Зинда на Акрополе том!

Нельзя вычитать в книге или придумать ни "земли, горящей от ссадин", ни "сумрачной милости" и "воинственной свежести" "карагачей и тутовых дерев". Надо глазами поэта увидеть как бы расплавленную от зноя стоячую воду, чтобы родилось: "мулла молчит, как теплая вода..." Подобные образы, подчас не сразу раскрывающие смысл глубоко запрятанной цепи экспрессионистских ассоциаций, но всегда очень личные, ярко окрашенные индивидуальностью поэтессы, рождены непосредственными наблюдениями, постепенно приобретаемым опытом общения с азиатской действительностью.

Но живое дыхание Азии еще только начинает пробивать себе дорогу через сложное нагромождение старых эстетических приемов и принципов. Провозглашенная "большая жизнь" фактически остается за рамками стихотворения, и новые впечатления все еще преломляются через призму привычных книжных представлений. Мусульманский полумесяц здесь не только по-адалисовски неожиданно "блестящий", но и традиционно "бледный"; "бедный друг" - в неизменном "халате золотом" и т.д.

Восток интересен, но еще не близок и не всегда понятен: не случайно здесь это "когда жужжит ч у ж о й дутар", "и х Акрополь двурогий" и даже чисто русское "князь", исправленное на "бай" ("бай любит жить на бойне..."). И поэтому "сарт", поющий "про все, что с ним случилось за день"

(реальная примета национального характера), оказывается "краснощек от г р е ч е с к и х легенд", и древнегреческие ассоциации: Афрусиаб - Акрополь пока еще ближе душе поэта, чем восточная реальность.

Точно такое же смешение живого и книжного, выдуманного и подлинного - и в стихотворении Адалис "Туркмения"[I] (июль 1925 г.). Традиционное описание Востока (здесь и "дым опия", и "розовый воздух", и "текинские певцы") прерывается вполне земным, разговорным обращением: "Не бойся, читатель, мохнатых туркменских собак, последуй за мной по курчавым границам аниса..." А рядом с эстетским, салонно-слащавым образом ветра, который "опасливо нежит" ноги джугары, на той же ассоциативной основе вырастает совершенно иной образ, яркий и неожиданный, окрашенный человеческим сочувствием автора к долгим бедам древней азиатской земли: "Но ветер читает историю грубой игры по линиям бед на голодных руках джугары..."

Подобные контрасты типичны для ранней азиатской поэзии Адалис, причем это контрасты не только отдельных слов или образов, но даже целых стихотворений. Одновременно (буквально одновременно, в один и тот же день) рождаются стихотворение "За рощами беспошлинной границы..." - и принципиально иное, тонко и умело стилизованное в духе восточной народной песни "Открой свое лицо, Шарафат..."[2] В этом же году

---

I "Красная нива", 1926, № II, стр.I.

2 На автографах обоих стихотворений стоит одна и та же дата: I9 июня I925 г. Первое хранится в личном архиве А.Адалис, второе - в рукописном отделе ИМЛИ (ф.84, оп.I, ед.хр. 7).

(I925) пишется одно из лучших стихотворений Адалис о Востоке "Я была в Бухаре..."[I] Эти произведения - счастливые "взрывы" подлинной поэзии, мгновенные прозрения молодого таланта, созданные на взлете мысли и вдохновения.

Каждое стихотворение Адалис в эти годы - своего рода эксперимент, проба сил и пера (не случайно они далеко не всегда предназначались для публикации); это поиск новых художественных принципов, соответствующих новому мировоззрению и новым темам. И чем резче контрасты, чем больше "амплитуда колебаний", тем шире диапазон этого поиска, тем сложнее творческий путь поэта.

Изучение Востока - это взаимодействие с его культурой, литературой, с его исторической и современной жизнью. И несомненно, что основной компонент этого взаимодействия - сама жизнь, окружающая поэта повседневная действительность. В зависимости от обстоятельств и от особенностей творческой индивидуальности художника различны формы этого общения и соответственно разнообразны его художественные проявления.

У большинства поэтов знакомство с Азией, ее художественное постижение начиналось с поэтического освоения каждодневного восточного быта.

"Куда спешить ... Вот глиняный дувал, арык холодной плещется водою, ишак бредет лениво к водопою ... Куда спешить..."[2] "Темно сияет синяя лазурь на падающих серых башнях. Курдюк овцы качается, как дыня..."[3] Подобные бытовые

---

I Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.8.

2 П.Дружинин. Зной.-Золотой ковш, М., I93I, стр.I33.

3 П.Скосырев. На крыше чайханы после полудня.-Бедный Хасан, М.-Л., I926, стр. I4.

зарисовки можно встретить в произведениях самых разных авторов.

У Адалис "общий ад", "однородный, хотя и пестрый хаос, сплошь одно кладбище, сплошь один котел пряностей"[I], каким представлялся Восток любому едущему туда впервые, - тоже обрастает множеством реальных примет. "Мохнатые туркменские собаки", "журчащие" карагачи, ягоды тутовника, "с мокрым стуком" падающие на палас; угощение, подающееся гостю на виноградном листе, - все эти элементы из самых разных сфер инонациональной жизни присутствуют в любом ее азиатском стихотворении.

Целый день на кошмах, на коврах, на восточных пирах
бедняков, на дворах,
Между тихо помешанных, но величавых верблюдов, которых
Удивляет мой вежливый взгляд ...
... Целый день на полу, на дрожащей земле бедняков,и покой
Возле чашек с горячей шурпой, меж объедков и розовых
роз ...[2]

Однако у большинства поэтов в начале и даже в середине 20-х годов изобразительность чаще всего оказывается самоцелью и не идет дальше открытого любования традиционными деталями застывшего азиатского быта. Даже у такого, впоследствии известного ориенталиста, как П.Скосырев, в сборнике 1926 г. "Бедный Хасан" еще встречаются стихотворения, рож-

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I,ед.хр.28, л.6I.

2 А.Адалис. Из восточных мотивов. "Новый мир", 1929, № 8-9, стр. 46.

денные созерцательным взглядом со стороны: "Я сяду в тень, мой синий Самарканд, и буду пить глазами старый город..."[1] Казалось бы, у Адалис - те же ковры, верблюды, розы ... Но силой обстоятельств "экзотика" - шурпа, кошма, пиала - воплощается в детали ее собственного быта и бытия, и детали эти, наполненные внутренним содержанием и движением, приходят в ее поэзию не как экзотический штамп, а как увиденные своими глазами приметы живой, невыдуманной Азии.

Именно поэтому для Адалис с самого начала оказались невозможны пустозвонные декларации, в великом множестве встречающиеся у других поэтов ("сном былого пески задремавшие надо к радостной жизни вернуть..."[2] "Зацветет по-иному Восток в золотистых песках..."[3]) Новый, современный Восток присутствует в ее поэзии в тех же бытовых деталях, в конкретных приметах каждодневной - ее собственной - жизни:

Ветер, полный земли, одинокий ночлег, папироса,
Никаких рубежей - и бумажный кулек урюка..
По свободной стране, от посева песков до покоса,
Я прошла ...[4]

И вполне закономерно, что восточные пейзажи и описания сменяются в этом стихотворении ("Я была в Бухаре...") искренним, вырвавшимся из сердца признанием, которое можно считать художественной квинтэссенцией нового мироощущения А.Адалис:

---

I П.Скосырев. На крыше чайханэ после полудня.-Бедный Хасан, стр.I4.
2 А.Плотников. Лирика пустынь.Ташкент,I922,стр.4.
3 И.Дружинин. Восток.-Золотой ковш, М., I93I,стр.I4I.
4 А.Адалис. "Я была в Бухаре..." Архив ИМЛИ, ф.84,оп.I, ед.хр.8, разрядка наша - С.К.

Все, что в сердце моем остается от долгой разлуки,
Все, что в песне моей занимает мельчайшие звуки,
Все, что в память мою залетело случайно, - мое!

"В сердце" и "в памяти" остается все больше ярких впечатлений, Азия становится все ближе и понятнее - и в "песне" А.Адалис появляются новые "звуки" - новые мысли, темы и настроения. Взгляд на Азию не "снаружи", а "изнутри", ощущение собственной причастности к ее повседневным заботам очень скоро рождает у Адалис новую, антитрадиционную, антиэкзотическую концепцию Востока. В 1939 году в очерке "Волшебное стекло" Адалис писала о проблеме постижения Востока и изображения его в литературе: "К понятиям Восток старый и новый припуталось понятие - Восток воображаемый!.. Женщины в чадрах, запертые в гаремы и пляшущие "танец баядерки"; бродячие "святые" нищие дервиши, муллы в белоснежных чалмах, пестрые покрывала, чумные эпидемии, тысячерублевые ковры - и больше ничего существенного. Это дешевая экзотика, порожденная невежеством туристов и верхоглядством ... исследователей"[1].

Этому воображаемому, выдуманному, неподвижному Востоку, этой дешевой экзотике противопоставляла Адалис уже в 20-е годы совсем иное поэтическое кредо.

Стихотворения "Робайят"[2] и "Посвящение лошади Наргыз"[3] близки по мысли и по форме ее выражения, и оба они очень типичны для Адалис, для ее, уже начинавшей складываться са-

---

I А.Адалис. Волшебное стекло. "Правда", 28 августа 1939 г.
2 А.Адалис. Власть. М.,"Сов.пис.", 1934, стр.63. Далее цитируется по данному изданию.
3 Там же, стр. 5I.

мостоятельной творческой манеры. Адалис всю жизнь была связана с книгой, с книжным, часто выдуманным миром. И теперь новая, пожалуй, даже злободневная восточная проблема решается поэтессой в соотнесении, в перекличке опять-таки и прежде всего с книжными источниками.

"Робайят"-это открытое обращение к персидскому поэту Омару Хайяму, обращение, строго выдержанное в классической восточной хайямовской форме рубайи и несомненно перекликающееся с его стихами, поставленными в эпиграфе.

Этот, казалось бы, чисто литературный прием как нельзя лучше отвечает особенностям таланта А.Адалис. С одной стороны, привычное обращение к литературе, книге. Но с другой стороны - если раньше (еще в Одессе и в Москве) литературная тема (чаще всего какие-либо древне-греческие сюжеты) не обновлялась, а просто перепевалась и конкретизировалась, то теперь у поэтессы уже достаточно жизненного опыта, впечатлений, наблюдений, чтобы литературному источнику противопоставить собственные мысли, чувства и убеждения - и в полной мере выразить в подобной перекличке свойственный природе ее творчества дух поэтического противоречия.

Именно такой процесс сложного взаимодействия происходит в стихотворении Адалис "Робайят".

Вот несомненно известные Адалис рубайи Омара Хайяма:

Кувшин мой, некогда терзался от любви ты,
Тебя, как и меня, терзали кудри чьи-то,
А ручка, к горлышку протянутая вверх,
Была твоей рукой, вкруг милого обвитой.

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
И стоны нежных флейт я б слушал неустанно.
Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
Пускай наполненным он будет постоянно[I].

Кувшин с вином, увиденный на родине Хайяма, вполне закономерно рождает реминисценции с излюбленным мотивом его творчества, рождает начальные строки оригинального стихотворения Адалис, перепевающие, обыгрывающие, как бы продолжающие во времени эти и многие подобные им хайямовские рубайи.

Кувшин с вином уже приносят нам:
Я провожу губами по краям...
Как пахнет глина солнцем и трудом!
Не твой ли это прах, Омар Хайям?[2]

Само по себе это обращение не несет в себе ничего нового и в какой-то степени связано даже с ранним периодом творчества Адалис[3].

Однако уже в следующей строфе стихотворения хайямовская тема осложняется явно современными акцентами.

---

I Омар Хайям. Четверостишия. Избр.Таджикгосиздат, 1954, стр.91,102. Стихи О.Хайяма даются в переводе О.Румера, т.к. в 1926 г., когда писалось "Робайят" А.Адалис, это был единственный русский перевод О.Хайяма.

2 А.Адалис. Робайят.Власть, М., 1934, стр. 63.

3 Не случайно подобное полуподражание, полуперевод того же Хайяма находим у ближайшего наставника молодой Адалис - В.Я.Брюсова

Не мудрецов ли прахом земля везде полна?
Так пусть меня поглотит земная глубина,
И прах певца, что славил вино, смешавшись с глиной,
Предстанет вам кувшином для пьяного вина...

(В.Брюсов. Опыты. М., кн-во "Геликон", 1918, стр.150 ).

Д е х к а н с к а я  лоза растет в горах,
Но кровь ее  б у н т у е т  на пирах!
Как пахнет  п о т о м  бедное вино!
Омар Хайям, не твой ли это прах?[1]

О том, что это не случайность, а определенная тенденция, говорит судьба этой темы в творчестве Адалис. Первый вариант той же строфы (стихотворение помечено 1926 г.) был, хотя и шире чисто-хайямовской цепи ассоциаций (поэт - прах - глина - кувшин с вином), но еще достаточно традиционен и нейтрален:

Б е з в е с т н а я  лоза растет в горах,
А кровь ее  г у л я е т  на пирах ...
Как пахнет глиной  с к в е р н о е  вино!
Омар Хайям, не твой ли это прах?[2]

В варианте 1929-34 гг. традиция резко нарушается в пользу нового содержания, происходит своего рода демократизация темы, ее идейное расширение.

И, наконец, уже в последние - 60-е годы - у Адалис снова появляются рубайи - переклички с Омаром Хайямом и одновременно с собственным творчеством 20-х годов, и здесь эта демократическая тенденция еще больше обостряется и обнажается:

Люблю вино, уста к нему тяну,
Но не люблю я примесей к вину, -
Вино, я слышу, пахнет горьким потом
Рабов, топтавших виноград в чану!

---

1 А.Адалис. Робайят. Власть, стр. 63. Разрядка наша - С.К.
2 Рукописный отдел ИРЛИ, ф.209 (архив ж."Новый мир"), оп.1, ед.хр.1 Разрядка наша - С.К.

Как неприятен бедный рабский пот ...
Меня раздумье гордое берет:
Пускай царя жать виноград поставят, -
Мне будет сладок сок его работ[I].

Таким образом, классические четверостишия чаще всего оказываются для Адалис лишь источником, исходным пунктом творческого движения мысли. Проблема, даже форма ее выражения может быть подсказана книгой, но корень ее разрешения неизбежно лежит в сфере самой жизни, окружающей поэта. Поэтому "Робайят" Адалис гораздо шире одной только чисто литературной реминисценции, по своей поэтической сути - это попытка нового человека ответить на "проклятый" вечный вопрос Омара Хайяма (и далеко не одного только Омара Хайяма):

Я в этот мир пришел - богаче стал ли он?
Уйду, - великий ли потерпит он урон?
О, если б кто-нибудь мне объяснил, зачем я,
Из праха вызванный, вновь стать им обречен?[2]

Отталкиваясь от Хайяма, Адалис противопоставляет его созерцательной философии рожденную революцией новую концепцию - уже даже не столько Востока, сколько - через близкую ей в данный момент восточную тему - концепцию жизни вообще.

Все расширяющаяся цепь ассоциаций с творчеством древнего поэта уже с первых же строф стихотворения выводит хайямовскую тему за узкие рамки одного поэтического мотива. Не только кувшин можно вылепить из праха поэта. "Дехканская лоза растет в горах. Омар Хайям, не твой ли это прах?"

---

I Личный архив А.Адалис.
2 Омар Хайям. Четверостишия. Таджикгосиздат, 1954,стр.104.

"Шумят стихи настроенной листвой ... Омар Хайям, не прах ли это твой?" Сама жизнь есть продолжение земного существования многих поколений.

Тот же мотив, возникнув в самом начале, как бы обрамляя стихотворение, повторяется в его концовке, но уже не в соотнесении с Хайямом, а в раздумьях автора о самом себе. В этом поэтическом обнажении внутренней связи разных веков, народов и поколений раскрывается основная философская мысль стихотворения Адалис - о вечном обновлении земного бытия, о вечном бессмертии живой жизни.

Я зорко чувствую за годом год,
Как в землю молодость моя идет ...
Она встает вокруг меня травой,
И полон сил ее второй восход.

Как песня путника, за слогом слог
Уходит молодость моя в песок ...
Она уже деревьями встает, -
И полон сил ее живой восток[1].

Интересно, что поэтика, символическая образность этих строф подсказана уже не только формой хайямовских рубайи, но и восточным фольклором, народной туркменской песней. В уже упоминавшемся очерке "Волшебное стекло" Адалис приводит слова этой старой песни: "Молодость моя ушла в песок пустыни, и потерял я в песке пустыни след моей жизни. Жизнь моя - призрак"[2]. И в творчестве Адалис эти страшные образы обретают новое звучание, новый смысл. "Знать, что молодость не

I А.Адалис. Робайят. Власть, стр. 66.
2 "Правда", 28 августа I939 г.

"уходит в песок", энергия не рассеивается бесплодно, жизнь не тратится бесследно.., а дает реальные плоды, - основа счастья"[I].

И если в очерке это просто декларация, то в стихотворении та же самая мысль - не только в обнаженной символике последних строф, но во всем его свежем, радостном, оптимистическом настрое: в настойчивых светлых эпитетах - "честный путь", "бодрый бой", "дома, прекрасные собой", "милые лица", "светлая, полная, молодая вода"; в напряженной, как бы задыхающейся ритмике, сменившей спокойную хайямовскую философичность первых строф; в типичных для Адалис и в то же время близких восточному стиху повторах слов и строк, параллелизмах синтаксических конструкций, как бы нагнетающих мысль и чувство:

Так близко солнце этих спелых лет,
Так сладко красен этот круглый свет,
Что, положив на виноградный лист,
Отдам его соседям на обед!

Ответ Хайяму - и в щедро рассыпанных по стихотворению противостоящих старому Востоку приметах новой Азии, причем интересно, что постепенно приходящее к Адалис знание, понимание, чувство Востока помогает избежать декларативной обобщенности, подсказывает ей близкие восточному человеку, подчас даже традиционные образы ("дрожит фонтана тополь голубой"). Не случайно светлое начало новых преобразований совсем по-восточному связано с образом воды - этим вечным сим-

---

I "Правда", 28 августа 1939 г.

волом счастья и благополучия для человека пустыни: "Набухли влагой свежие слова"; "в твой ветхий край, как новая вода, проведена победа и шумит!"; "как дождевая туча, собралась поэзия над нами - в первый раз". Это очень смелая, необычная и в то же время очень тонкая стилизация восточной поэтики.

Однако Адалис не ограничивается лишь внутренними, скрытыми контрастами настроений и ощущений. Непосредственные обращения к древнему поэту (многочисленные "ты любил", "ты говорил", "твой край") выливаются в кульминационных строках стихотворения в открытый спор с ним - и подспудно с определенной, твердо установившейся концепцией уже собственно-восточной проблемы.

Зачем, старик, ты говорил, что нет
У этих мест преданий и примет?..

У этих мест и память есть и честь!
У этих мест горячий воздух есть! -
Он потому так дорог, что его
За час до казни пили двадцать шесть
Бакинских комиссаров ...

Восток не столь уж неподвижен, здесь есть двадцать шесть бакинских комиссаров, "и стар и мал поют про их удел"; здесь "шумит" новое слово "свобода", и былая неподвижность постепенно уступает место более активной и деятельной жизни.

Интересно, что впоследствии ту же проблему утверждения новой концепции Востока в перекличке с восточной классикой несколько иначе решат Б.Лапин и З.Хацревин в книге стилизо-

ванных стихотворений "Новый Хафиз". Если у Адалис - открытый спор с древним автором, противопоставление его концепции каких-то совершенно новых мировоззренческих взглядов, то у Лапина и Хацревина не столько спор, сколько перекличка с Хафизом, продолжение, переосмысление на современном материале наиболее близких нам демократических мотивов его творчества.

На толчке стучал разносчик о мангал:
"Не забывай!"
Дай мне счастья и богатства,
Обо мне не забывай!..
... И ему в ответ горшечник закричал:
"Не забывай!"...[I]

Этот "образец ремесленного Хафиза" вырос из классической газели, искуено продолжив во времени ее главную мысль: "О душа моя, в тенетах тяжких бед всех друзей ты с их скорбями вспоминай..."[2] И это - еще один способ взаимодействия русской советской поэзии с классической восточной литературой.

Утверждение все той же, новой концепции Востока, но уже в несколько ином по форме варианте - и в стихотворении А.Адалис "Посвящение лошади Наргыз"[3]. Это произведение связано с проблемой романтизма в русской советской литературе 20-х гг.

Как известно, именно в это время романтическое миро-

---

I Б.Лапин и З.Хацревин. Просьба.-Новый Хафиз, М.,б-ка "Огонек", 1933, стр.7.
2 Хафиз. Газель (перевод К.Липскерова). Антология таджикской поэзии. М., 1957, стр.385.
3 Власть, стр. 5I.

ощущение преобладало в литературе, особенно в поэзии. Основа его - гиперболизированное, космическое восприятие событий, политическое и психологическое утверждение личности: новые принципы нашли в первые годы революции наиболее полное свое выражение именно в романтизме.

Однако в связи с Востоком и восточной проблемой понятие "романтизм" трактовалось несколько иначе. Прежде всего, оно было гораздо более традиционным. С одной стороны, романтизм - не столько мироощущение, сколько своеобразный литературный стиль, - превалировал в собственно-восточной классике. Ведь все эти "красавицы-розы", воспеваемые в преувеличенно-восторженных тонах, - не что иное как элементы романтического метода. "Романтизм в этих (восточных - С.К.) литературах составляет национальную стилевую традицию, и она выбивается на поверхность не в определенные, наиболее благотворные для возникновения романтических тенденций времена, но неизменно сопутствует литературному развитию", - пишет Г.Ломидзе[1]. Термин "восточный романтизм" прямо употребляется в работах советских литературоведов[2].

С другой стороны, именно романтическая ориентальная традиция создавалась, как известно, русской классической литературой, начиная еще с декабристов и раннего Пушкина.

Но если во времена декабристов, по справедливому утверждению Г.А.Гуковского, "восточный (имеется в виду романтический - С.К.) стиль стал не только модой, но для передо-

I Г.Ломидзе. Единство и многообразие. М., 1960, стр.197-198.
2 См.: Г.Ломидзе. Единство и многообразие, стр. 198; К.Зелинский. Литературы народов СССР. М., ГИХЛ, 1957,стр.267.

вых кругов литературы - символом освободительной героики по преимуществу", "стилем свободы"[1], то позже - и чем дальше, тем больше, он становился именно модой, увлечением, пустым скоплением туманных слов и формул. Признаки восточного пестрого слога окаменели, яркие романтические ориентальные образы превратились в застывшие экзотические штампы.

В то время, когда в русскую литературу входили молодые советские ориенталисты, термин "романтизм" в применении к востоку был дискредитирован и сливался с понятием "экзотики" в самом ложном и дурном смысле этого слова. "Началась э к з о т и к а , корабли пустыни, вольнолюбивые сыны степей и прочее р о м а н т и ч е с к о е тягло"[2], - читаем в "Золотом теленке" И.Ильфа и Е.Петрова. "Повесть почти совершенно свободна от этой "р о м а н т и к и " и "э к з о т и к и " , без которой никак не может обойтись ни один советский Фаррер", - пишет в 1929 г. Вл.Орлов в рецензии на книгу Б.Лапина "Повесть о стране Памир"[3]. Эту же тенденцию к отождествлению двух понятий - романтизма и экзотики - прекрасно выразил В.Брюсов в стихотворении "Романтикам"[4]: в перечислении общепризнанных романтических символов в поэзии разных веков и народов в одном ряду с "Людмилой" Жуковского и с "голубым цветком" Новалиса равноправно стоят и "тени султанов ... в кристальных бассейнах, в знойных гаремах, окутанных в сладостный дым..." - то есть бесспорные

---

1 Г.А.Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр.215.
2 И.Ильф и Е.Петров. Золотой теленок. Собр.соч., т.3, М., 1961, стр.27, разрядка наша - С.К.
3 "Звезда", 1929, № 9, стр. 214, разрядка наша - С.К.
4 В.Брюсов. Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта. Л., 1961, стр. 440.

элементы любого экзотического восточного орнамента.

Не удивительно, что А.Адалис, несмотря на то, что в ее собственной поэзии достаточно сильно было романтическое начало (в 30-е годы она сравнивалась критиками с такими признанными романтиками, как В.Луговской и Э.Багрицкий[I]), тем не менее выступает против этого ложного, "экзотического" романтизма. "И не ленив и не жесток твой р о м а н т и - ч е с к и й восток"[2], - восклицает поэтесса, и интересно, что в черновиках она перебирает все традиционно-экзотические эпитеты восточного человека: "и не лукав и не жесток"; "и не речист и не жесток" - и, наконец, останавливается на "не ленив"[3].

Со всей силой молодого отрицания обрушивается она на Пушкина, своего кумира, к которому совсем недавно обращалась в самом лирическом, даже интимном тоне (стихотворение "Что делать, Пушкин?"[4]).Теперь поэтесса, отталкиваясь от Пушкина, (как раньше от Омара Хайяма), противоречит ему, спорит с ним, противопоставляет его жизненной концепции новые мировоззренческие принципы, причем делает это опять-таки в его собственном стилистическом ключе. Самое интересное, что исходным пунктом противопоставления поэтесса берет не какое-либо собственно-восточное произведение Пушкина, а строки из его "Пира во время чумы" ("Песнь председателя"), к Востоку, как известно, никакого отношения не имеющего.

---

I См.: Дека. Второе рождение поэта."Литературная газета", 24 ноября I934 г.,Дневник критика."Литературный критик", I934, № I2, стр.I52.
2 А.Адалис. Посвящение лошади Наргыз. Власть, стр.5I, разрядка наша - С.К.
3 См.: Отдел рукописей ИРЛИ, ф.209 (архив ж."Новый мир"), оп.I, ед.хр.4, а также "Новый мир", I929, № I0, стр.I4.
4 Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.I.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы[I].

Для Адалис неважно, что здесь нет восточной темы как таковой. Эти пушкинские строки становятся для нее квинтэссенцией того самого экзотического романтизма, который упивался всем необычным, выходящим за рамки каждодневной человеческой жизни, будь то "дуновение чумы" или "аравийский ураган" - "все, все, что гибелью грозит".

Интересно, что подобная трактовка этого произведения Пушкина резко противоречит общепринятому мнению исследователей, сводящемуся обычно к следующему: "Борьба с судьбой, презрение к ее ударам и мужественная непреклонность, противопоставляемые опасности, - таков основной пафос пушкинского "Пира во время чумы"[2].

Можно спорить о правомерности своеобразной трактовки Адалис - она во всяком случае очень субъективна, - но не вызывает сомнения пафос ее собственного произведения, рожденного этой сложной литературной реминисценцией.

Кульминационные пушкинские строки "переигрываются", переиначиваются поэтессой, она как бы конструирует "от обратного" нечто противоположное по мысли и по стилю,нарочито-сниженное, подчеркнуто антиромантическое.

---

I А.С.Пушкин. Пир во время чумы. Полн.собр.соч.в IO тт., т.5, Изд-во АН СССР, М.-Л.,1949, стр.4I9.
2 Б.П.Городецкий. Драматургия Пушкина. Изд-во АН СССР,М.-Л., 1953, стр.302.

Н е т   у п о е н и я , дружок,
В   ч у м е   р о г а т о г о   с к о т а ! -
Лишь глухота и немота ...
Иди, разумница, иди!
Угрозы слышишь позади?
Я   н е   б о ю с ь , н о   н е   п о ю -
Н е т   у п о е н и я   в   б о ю
С ордой гнусавящих попов!...
М н е   б о й   п р е т и т , - но я готов[I].

Здесь тоже чума - но не величественная в самом своем ужасе Чума с большой буквы, а вполне прозаическая, несущая много бед молодому государству "чума рогатого скота". И здесь идет бой - но опять-таки не абстрактный романтический бой вообще, а отвратительный, вынужденный и вовсе уж не возвышенный бой с "ордой гнусавящих попов". По тому же принципу контраста кинжал - эта обычная принадлежность всякого романтического стихотворения о Востоке, - сдается в милицию ("вон твой хозяин побежал сдавать в милицию кинжал"); "красавица в чарчэ ... с кувшином на плече" может "повздорить с миром поутру и в женотделе снять чадру!"

И даже вода, эта всегда поэтичная "юная вода, лепечущая легкий вздор", - используется здесь для вполне утилитарных целей - "чтоб рос кунжут и цвел кенаф вдоль оросительных канав!"

Эта подчеркнутая заземленность замысла рождает стиль стихотворения - нарочито-сниженный, даже немного шутливо-

---

I А.Адалис. Посвящение лошади Наргыз. Власть, стр.52, разрядка наша - С.К.

иронический. Пушкинская (тоже романтическая) "кобылица молодая, честь кавказского тавра" здесь трансформируется в "дочь карабахских табунов", скромно вершащую свой нелегкий лошадиный труд, "лошадку", "разумницу", "упрямицу" с "дряхлой сбруей" и "карими глазами".

Знаменательно, что именно к обыкновенной лошади обращено все стихотворение, и одно это уже свергает его с романтических высот. "Иди, заешь тебя аллах", "кто будет, слушай, дураком?" "иди, лошадка, в Ордубад" - эти разговорные интонации, просторечия, сниженная лексика и прозаизмы (" орда гнусавящих попов", "постылый дым", "сутулый, кряжистый мужик" - и рядом "милиция", "дайрайисполком", "женотдел") - все это служит одной и той же цели: противопоставить традиционной романтической (читай: экзотической) концепции Востока собственное, новое, современное его понимание и изображение.

Имел ли Пушкин амулет?
Быть может, да. Вернее - нет.
Да мы с тобой - другая стать:
Нам талисманов не искать! -
Нам не кидаются в глаза
Кальян, кинжал и бирюза.

Привычные романтические символы открыто снижаются и отвергаются, и в то же время в ранг поэтического возводятся самые обычные предметы, детали и понятия - и в этом все та же новая художественная концепция.

"Кости павшего ручья", "закат, пахнущий отдыхом" - подобные ассоциации рождаются знанием повседневной трудовой

жизни узбекского, туркменского или азербайджанского народов. И рядом, в том же поэтическом ряду - детали нового, советского быта, олицетворяющие новый Восток: "рудники", "тонкокрасный железняк", "ресницы крепкие ребят, забывших о трахоме злой, леченой грязью и золой". И, наконец, в концовке стихотворения появляется, казалось бы, знакомый традиционный образ:

Когда ж меня в стране такой
Уложит пуля на покой,
На сцену весело придут
Богатство, пурпур, изумруд,
И з а п о е т в с а д у г у с т о м
П т е н е ц н а д р о з о в ы м к у с т о м[I].

Но и этот символ ориентальной поэтики, оказавшись в одном ряду с иными по стилю образами, переосмысляется,превращается в символ радости, света, молодости (не случайно это не "соловей", а "п т е н е ц над розовым кустом").

"Посвящение лошади Наргыз" как бы завершило определенную линию в поэзии А.Адалис 20-х годов - преодоление традиционной, экзотической концепции Востока, сознательный переход к изображению Востока реального, живого, а главное - современного.

Параллельно тот же процесс шел и в прозе А.Адалис и шел, как уже говорилось, легче и последовательнее, чем в ее поэзии. Преодоление традиционной концепции выразилось здесь

---

I А.Адалис. Посвящение лошади Наргыз. Власть, стр.53, разрядка наша - С.К.

в изживании из собственной прозы незначительных и случайных экзотических огрехов. Если, например, в очерке 1927 г. "Еркамелейше!" описание наманганского землетрясения еще достаточно экзотично: "Еркамелейше - это рассыпавшиеся в прах дома ... широкие дворы больниц, переполненные ранеными в к р о в а в ы х  п о в я з к а х , бешенство дервишей под р е з н ы м и  в о р о т а м и  м е ч е т е й ..."[1] - то в редакции 1929 года "кровавые повязки" исчезают, а "резные ворота" превращаются в "подворотни"[2]. Подобные едва заметные детали значительно изменяют общий тон и стиль очерка, уничтожая легкий налет экзотизма. Точно так же зловещие зинданы, изображению которых посвящена большая часть очерка 1926 г. "Старая Бухара"[3], в 1928 г. уже осознаются как экзотика - и получают совсем иную художественную оценку: "Принято среди туристов испытывать в Бухаре некий зловещий ужас... Башня смерти, с которой во время оно сбрасывали преступников, подземные темницы для нарушителей Корана... Но советскому корреспонденту не должно как будто развлекаться ужасами..."[4]

Экзотические издержки чрезвычайно редки даже в самых ранних очерках А.Адалис. Единственным источником проблем и художественных образов с самого начала был для нее живой, реальный Восток. Позиция автора - не стороннего наблюдателя,

---

1 А.Адалис. Еркамелейше! "Наша газета", 30 августа 1927 г., разрядка наша - С.К.
2 А.Адалис. История одного еркамелейше. -Песчаный поход,М., "Федерация",1929, стр.109. Далее цитируется по данному изданию.
3 А.Адалис. Старая Бухара. "Красная нива", 1926, № 5, стр.10-11.
4 А.Адалис. Бухара-и-Шериф. "Наша газета", 18 мая 1928 г.

а заинтересованного участника, - определила аспекты видения и изображения событий и явлений, определила круг поднимаемых в очерках проблем.

Революция - и человек Востока, проникновение нового в застывший азиатский быт, взаимодействие новой культуры с национальными традициями; оседание кочевников - и бродяжничество безработных, зарождение ковровой промышленности и перевоспитание контрабандистов - все эти большие и малые, общие и частные проблемы в очерках А.Адалис всегда конкретны и актуальны, всегда подсказаны сложными обстоятельствами окружающей жизни. Причем доскональное, почти профессиональное знание обстоятельств позволяло А.Адалис не только значительно расширить обычный круг литературных проблем, но и ставить эти проблемы во всей их подлинной глубине и сложности.

Так, интересно и диалектично решается в очерках А.Адалис один из основных и наиболее спорных вопросов литературы о Востоке 20-30-х годов, в котором объединялись многие другие, большие и малые проблемы: взаимодействие старого и нового в современной азиатской действительности.

В очерке А.Адалис "Байрам-Али" есть такая сценка:

"Что такое случилось? - спрашиваю я своих спутников. И старый инженер-механик в колониальном шлеме отвечает: "О, это древняя Маргиана, город мертвых царств!" Но бедняк-дехканин, сын древнего и славного степного клана, пожимает плечами: "О, это Байрам-Али, хлопковый завод"[1].

В этом коротком эпизоде сконцентрированы два противоположных и наиболее типичных для того времени взгляда на Азию. К восторгам "инженера-механика" могли бы присоединить-

1 "Наша газета", 17 февраля 1928 г.

ся многие литераторы, видевшие в Азии преимущественно "города мертвых царств" и горько сожалевшие о том, что "элегантный пиджак от Москвошвея заменит национальный халат"[I].

С другой стороны, далеко не только местные жители, "бедняки-дехкане", видели в Азии одни лишь новые хлопковые заводы и электростанции. Немало писателей, стремясь поскорее покончить со злополучной "экзотикой", не задумываясь, "сбрасывали с парохода современности" красоту древних мечетей и поэзию восточных пейзажей. "Экзотика умирает, просто-напрасто запаршивев! И эти четыре минарета - четыре потухших свечи вокруг гроба"[2], - пишет Зуев-Ордынец в книге с вызывающим названием "Крушение экзотики". Он демонстративно обходит "зыбучее болото экзотики" "твердой тропкой, вымощенной фактами"[3], и большая часть его книги - это доскональное, добросовестное описание, выдержанное в скучном окололитературном стиле делового отчета. Даже такие известные ориенталисты, как П.Павленко, довольствовались в своих очерках цифровыми материалами и данными "об успехах реконструкции", искреннее считая, что "из всех исторических минаретов Бухары-и-Шериф водонапорная башня - наиболее важный исторический минарет"[4].

Сама А.Адалис была одной из очень немногих, кому уже в 20-е годы удалось найти ключ к решению этой сложной проблемы. Очерк, начинающийся приведенным выше эпизодом, в кни-

---

I Г.Гайдовский. Страна под чадрой. М., б.г., стр.93.
2 Зуев-Ордынец. Крушение экзотики. Л., I933, стр.88.
3 Там же, стр. I4.
4 П.Павленко. Путешествие в Туркменистан. Собр.соч. в 6 тт., т.5, ГИХЛ, М., I955, стр. 37.

ге "Песчаный поход" (1929) называется не "Байрам-Али", как это было в газетном варианте, и не "Древняя Маргиана", а просто "Зарево в пустыне", как бы объединяя в своем нейтральном названии обе, такие различные и, казалось бы, несовместимые точки зрения.

П.Скосырев в 1930 году писал: "Я не верю и не думаю, что стремительное завоевание новой жизни, которое так бросается в глаза приезжающему в Самарканд после долгого отсутствия, должно покупаться ценою забвенья и пренебрежения к мировым памятникам древней архитектуры ..."[1] Очерки А.Адалис, писавшиеся несколькими годами раньше, чем книга Скосырева, - художественное воплощение того же тезиса. Старое и новое дано здесь не в застывших величинах, безоговорочно оказывающихся по разные стороны баррикад, но в постоянном движении, взаимодействии и взаимообогащении. Как справедливо отметили авторы "Очерков истории русской литературы Узбекистана", А.Адалис, так же, как впоследствии Б.Лапин, Н.Тихонов и другие советские писатели, решала эту проблему диалектически, исходя из ленинской теории о двух национальных культурах[2].

С одной стороны, главным "действующим лицом" очерковой прозы А.Адалис был, конечно, новый, советский Восток. "Неистовая электрификация" рабочего поселка Байрам-Али[3] - и национальный праздник с факелами и ножами по поводу внесения сельхозналога[4]; кишлачный знахарь, обратившийся за помощью

---

1 П.Скосырев. В стране белого золота. М.-Л.,1930, стр.38.
2 См.: Очерки истории русской литературы Узбекистана,т.I, Ташкент, 1967, стр.99.
3 А.Адалис. Байрам-Али. "Наша газета", 17 февраля 1928 г.
4 А.Адалис. Бухара-и-Шериф. "Наша газета", 18 мая 1928 г.

в Бухарский тропический институт[I], - и неграмский контрабандист, пришедший в отдел защиты растений за удобрениями для своих молодых полей[2], - множество подобных, живых и конкретных признаков революционного обновления жизни восточных окраин можно встретить в любом произведении А.Адалис, будь то газетная заметка о восстановлении разрушенного Нахичеваня или очерк в книге "Песчаный поход"[3].

Причем очень важно и интересно, что, говоря о революции на Востоке, Адалис, в отличие от многих других очеркистов, далеко не ограничивается плакатным воспеванием и броскими сопоставлениями, она изображает сам процесс обновления и не боится заметить изъяны и противоречия этого процесса.

У А.Адалис нет ишаков, "презрительно обнюхивающих велосипеды"[4], или голосов муллы, заглушаемых звуками Интернационала[5]. Рядом с древним, полуразрушенным чигирем она видит не только школу и клуб, но и ... винные лавки[6], а в рабочем поселке Байрам-Али - не только залитые светом улицы и бодрые, плакатные лица девчат "в платьях, сшитых из чадры", но и "вечеринки с мордобоем", и халтурные представления самозванных "просветителей"[7]. Беспощадной иронии ав-

---

I А.Адалис. Бухара-и-Шериф."Наша газета", I8 мая I928 г.
2 А.Адалис. Под Араратом. "Новый мир", I927, № 5, стр.I30.
3 Заметим, что книга "Песчаный поход" составлена преимущественно из очерков, печатавшихся в I926-I929 гг. в журналах и газетах, поэтому "Песчаный поход" в настоящей работе не будет рассматриваться особо, тем более что как целая книга он уже служил предметом специального литературоведческого исследования (Очерки истории русской литературы Узбекистана, Ташкент, I967, стр. I00-II0).
4 П.Павленко.Путешествие в Туркменистан.Собр.соч.в 6 тт., т.5, М., I955, стр.9.
5 И.Саркизов-Серазини. В стране Тамерлана и жаркого солнца. М.-Л., I929, стр.56.
6 А.Адалис. Аул,где живет Мустафа.-Песчаный поход.М.,I929, стр.I5.
7 А.Адалис. Байрам-Али."Наша газета", I7 февраля I928 г.

тора подвергается общежитие в Нахичеване - архитектурное сооружение, "нечто среднее между воздушным замком биокосмистов и моделью небольшого холерного барака"[I], одинокое посреди пустыни, лишенное воды, тени и защиты от ветра, а потому приводящее в ужас рабочих, для которых было построено. Раздумье А.Адалис вызывает и безрадостная судьба молодой торговой кооперации, еще не научившейся соперничать с традиционным восточным базаром[2].

Все это, разумеется, не злая насмешка над "трудностями роста", но умение очеркиста проникнуть в сущность явлений и рассмотреть за гладкой красивостью и плакатным благополучием острые, современные проблемы.

С другой стороны, немало страниц своих очерков посвящает А.Адалис старому, экзотическому Востоку. Зло высмеивая "следы восторженной экзотики" "в описании каждого малейшего Константинополя, каждого Ташкента и каждой Эривани"[3], она в то же время не скрывает своего восторга перед яркостью азиатских красок и не боится остановить внимание на красоте развалин Мерва или куполов Биби-Ханым. Кажущееся противоречие объясняется особым, несколько отличающимся от общепринятого пониманием слова "экзотика".

Понятие "экзотика" чаще всего вызывает исключительно отрицательные эмоции, и большинство советских писателей в безоговорочном отрицании экзотики продолжают линию, берущую начало еще в литературе I9 века. "Что за чудо увидеть

I А.Адалис. Под Араратом. "Новый мир",I927,№5,стр.200.
2 А.Адалис. Текинский базар. "Наша газета", 26 апреля I928 г.
3 А.Адалис. Зарево в пустыне.-Песчаный поход, стр. 4I.

теперь пальму и банан не на картине, а в натуре, на их родной почве? Что удивительного теряться в кокосовых неизмеримых лесах, путаться ногами в ползучих лианах?"[1] - писал И.А.Гончаров в своих известных очерках "Фрегат "Паллада".

Та же самая мысль, только в еще более полемичной и определенной форме проводится и во многих произведениях советских писателей - от "Азиатских повестей" Л.Рейснер и статей Н.Тихонова 30-х годов[2] - вплоть до нашего времени.

"Какая же экзотика в самом Востоке? - восклицает Лариса Рейснер. - Здесь умирают просто и просто закапывают в землю ... Все это кажется нам чудесным только потому, что где-то есть гробница Микельанджело, американские механические плуги ... Но с точки зрения Солимановых гор, верблюды - наилучший и самый быстрый способ передвижения; вдоль глянцевитых, мутных и быстрых рек должен расти камыш, чтобы в нем охотиться и спать хищникам... Так было и должно быть во веки веков"[3].

"Нет стран или людей экзотичных самих по себе, а есть только наше восприятие иноземного, незнакомого, малопонятного. Если для меня пальма в пустыне - экзотика, то для африканца она не представляет собой ничего экзотического... Следовательно, дело не в экзотическом материале, а именно в восприятии экзотического материала"[4], - повторяет ту же мысль через много лет известный советский художник С.Чуйков,

---

I И.А.Гончаров. Фрегат"Паллада". Собр.соч.в 8 тт.,т.2,М., ГИХЛ, 1952, стр.19.
2 См.:Н.Тихонов. Нет произведения без политики."На литературном посту",1931, № 26, стр.18.
3 Л.Рейснер.Азиатские повести.М.,"Огонек",1925,стр.3.
4 С.Чуйков. Заметки художника.М.,"Молодая гвардия",1967, стр.77.

отказывая самому термину "экзотика" в праве на существование.

Однако есть и совершенно иное - гораздо менее распространенное - понимание "экзотики". В яркой и полемичной статье "Индия чудес и тревог", напечатанной в 1968 г. в "Комсомольской правде", критик В.Турбин дает этому слову такое толкование: "Экзотика - это выражение свойственного каждой нации чувства собственного достоинства, это щедрое обнаружение богатств нации... Экзотика - всегда приглашение, зов: приходи, посмотри, как богат и вечно нов я, русский, бенгалец, узбек, украинец, эстонец; и если сам я не могу до конца оценить экзотические стороны моего национального быта, ибо для меня они - норма, то ты, кто-то, посторонний и доброжелательный, сможешь оценить их, воспринять и раскрыть... Именно в экзотике нация экспонирует себя другим народам"[1].

Такая кардинальная противоположность определений объясняется тем, что в одно и то же слово вкладываются по сути дела совершенно разные значения. Попытка несколько расширить и детализировать привычно-отрицательное понятие "экзотики" была предпринята в 1928 г. критиком С.Вельтманом. В статье "Экзотика и быт" он противопоставляет заимствованной в западной литературе "экзотике как манере письма, как атрибуту художественного воспроизведения восточной действительности" - другую, "з д о р о в у ю" экзотику, понимая под последней то "прозорливое проникновение в реальную обстановку Востока", то просто "один из колоритных моментов вос-

---

1 В.Турбин. Индия чудес и тревог. "Комсомольская правда", 4 июня 1968 г.

точного быта"[1].

Позиция С.Вельтмана весьма туманна и непоследовательна, однако в самом стремлении разграничить содержание понятий, вкладываемых обычно в слово "экзотика", имеется определенное рациональное зерно.

Действительно, не будет ли правомерно во избежание терминологической путаницы разделить считающиеся идентичными[2] понятия "экзотика" и "экзотизм", понимая под экзотикой сами по себе характерные черты Востока, а под экзотизмом - определенную литературную традицию их восприятия и изображения, систему застывших штампов и отживших, утративших реальное содержание образов. Тогда слово "экзотика" потеряет "дурной привкус" и восстановит свой прямой, исконный и единственно верный смысл: "все то, что характерно для природы, быта, культуры отдаленных, малоизвестных стран и что кажется необычным, причудливым для иностранца"[3]. Понятие экзотики в этом его значении какой-то своей гранью сближается с гораздо более "благородным" термином "романтика", который "Словарь современного русского языка" определяет как "необычайность, сказочность чего-либо, вызывающая эмоционально-приподнятое отношение"[4].

Именно такое, возвышенно-романтическое восприятие Азии характерно для А.Адалис, именно такой принцип изображения противопоставляла она еще в 20-е годы пресловутому экзотизму: "В Советском Союзе есть красивые, романтические и за-

---

1 С.Вельтман. Литературные отклики. Экзотика и быт."Новый Восток", № 22 /1928/, стр. 240-248.
2 См.:"Экзотизм - то же, что экзотика". Словарь современного русского литературного языка, т.17, "Наука", М.-Л., 1965, ст.1744.
3 Там же.
4 Там же, т.12, ст.1451.

гадочные места, достойные фантастических и приключенческих романов... Советские окраины лежат в удивительных пустынях, в горах, где спрятаны по несгораемым сейфам земли ее великие богатства, в джунглях, глуше и опаснее индийских, и в снегах, по которым Джек Лондон, быть может, не осмелился бы погнать своих героев. На советских окраинах захватывающе интересно, и они ждут своего Киплинга", - писала А.Адалис в 1927г., мечтая о новой литературе, идущей на смену колониальной экзотике[1].

В защиту именно такой, "романтической" экзотики выступает уже в наши дни и В.Турбин: "Она не в почете была, и с ней, конечно, "боролись". Ее "изживали", "преодолевали"... Но толпы туристов продолжали валить хотя бы в нашу Среднюю Азию и , не отрицая, разумеется, того, что там есть и современная индустрия, и геологоразведка, и газ, люди все-таки тянулись к экзотике мечетей и медресе, к могиле легендарного Тамерлана, к обсерватории Улугбека..."[2]

Конечно, в 20-е и даже еще в 30-е годы гораздо важнее было заметить и изобразить едва видные ростки молодой "современной индустрии", чем воспевать привычные красоты медресе и мечетей. Но А.Адалис сумела увидеть за этой привычной, штампованной красивостью подлинную красоту и поэтичность, сумела не утонуть в цифрах и диаграммах роста, не скатиться на ЛЕФовские позиции голого факта, а тонким и уверенным пером мастера изобразить живую, прекрасную в

---

1 А.Адалис. О советской суше и советских морях.-Сб."На суше и на море", М.-Л.,1927, стр.5.
2 В.Турбин. Индия чудес и тревог. "Комсомольская правда", 4 июня 1968 г.

своей новизне - и неповторимую в своей национальной самобытности Азию.

В решении сложной и многогранной проблемы "старый и новый Восток" выражалась по сути дела определенная концепция восточной действительности. Новая, советская, антиэкзотическая концепция очерков А.Адалис - в самой художественной форме произведений, определенной их содержанием, в с т и л е ее очерковой прозы, который блестяще "соответствует теме". Причем, если проблемы очерков А.Адалис впоследствии самой жизнью менялись и обновлялись, если время оттачивало мастерство изображения характеров и подсказывало новые аспекты видения людей и событий, то своеобразный и неповторимый с т и л ь очерковой прозы А.Адалис установился очень быстро и в полной мере характерен уже для самых первых ее азиатских произведений. Это позволяет рассматривать проблему стиля очерков А.Адалис, почти не прибегая к хронологическому принципу.

Сущность очеркового стиля А.Адалис - в органичном слиянии двух тенденций: разоблачение и уничтожение экзотизма - и противопоставление этой устаревшей, традиционной форме качественно новых художественных принципов.

Воинствующий антиэкзотизм с самого начала составляет основной пафос очерков Адалис 20-х годов. Почти в каждом из них - и чем дальше, тем откровеннее и непримиримее, спорит она с книжными экзотическими штампами. "Узбечки, не играют на лютне, не дарят талисманов, не кусают в плечо, не делают почти ничего, принятого в поэмах..."[1] "Литература

I А.Адалис. Чайхана Якуба Умедова. "Новый мир", 1926, № 7, стр.202.

канонизировала некую форму миража в пустыне: он стал штампом на горизонте, этот традиционный мираж: made in Сахара - вода и над водой пальма и под пальмой газель. В прекрасных пустынях Туркмении существует оздоровленный советизированный мираж: вода и над водой электростанция. Но мираж не призрак, а приближение реально существующей натуры"[1].

Однако экзотизм как литературный принцип отвергается писательницей не только в подобных открытых декларациях, он взрывается изнутри целой системой разнообразнейших художественных приемов, составляющих основу очеркового метода и стиля А.Адалис.

Опять-таки, как и в поэзии А.Адалис, взгляд изнутри, сменивший первые восторги путешественника, превращает экзотические символы в реальные предметы, окружающие человека в повседневной жизни. Так появляются "зеленая, квадратная, г р я з н а я вода хауза", "г р о м о з д к и й мазар" и "о б л у п л е н н ы е старинные мечети"[2]. Так в привокзальной чайхане запоминаются "голубцы с жареными мухами"[3], а "пыль веков" собирают с развалин древнего Мерва "лишь мохнатые бабочки с холодными кривыми ногами"[4].

В очерках Адалис вместо привычного цветистого многословия - подчеркнутая деловитость описаний, нарочитая сухость перечислений, цифры и лаконичные факты. "По величине она (Нахичеванская республика - С.К.) равна 8-й части мос-

---

I А.Адалис. Песчаный поход, стр.I4.
2 А.Адалис. Старая Бухара. "Красная нива",I926, № 5,стр.I0-II, разрядка наша - С.К.
3 А.Адалис. Еркамелейше! "Наша газета",30 августа I927 г.
4 А.Адалис. Байрам-Али. "Наша газета", I7 февраля I928 г.

ковской губернии, а географически представляет собой скорее север Иранского плоскогорья, чем юг Закавказья. Главный процент ее населения - азербайджанские тюрки; столичный город - Нахчеван на Араксе..."[I] Или: "Регистан - старая площадь в отличие от новой площади, Ляби-Хоуза. Здесь расположены памятники - цитадель бывшего эмира и главная мечеть; здесь же - административный центр всей зеравшанской округи, средоточие всех советских и партийных учреждений"[2].

Конечно, если бы дело ограничилось лишь этой сухостью стиля и подчеркнутой фактографичностью, то очерки А.Адалис мало чем отличались бы от справочника для туристов И.Саркизова-Серазини[3] или от поверхностных этнографических наблюдений А.Сыркина[4] - произведений, выдержанных именно в таком, деловом стиле и несомненно лежащих за рамками литературы.

Неповторимую особенность очерков А.Адалис составляет иронический стилевой пласт: откровенная авторская ирония оказывается лучшим оружием в борьбе с пресловутой экзотикой. Плачущий шакал "с поднятым хвостом и головой набок", перенявший этот жест "у знакомых гиен"[5], "сытые верблюды с мещански взбитыми на висках кудерьками"[6], "хищные, косматые горы", расступающиеся перед путешественником, "подрагивая старыми облезлыми кустами"[7], святая Бухара, страдающая "припадками буйной восточной меланхолии"[8] - вся эта веселая

---

I А.Адалис. Под Араратом. "Новый мир", 1927, № 5, стр.199.
2 А.Адалис. Бухара-и-шериф.-Песчаный поход, стр.78.
3 И.Саркизов-Серазини. В стране Тамерлана и жаркого солнца. М.-Л.,1929.
4 А.Сыркин. Восток в огне. М., 1925.
5 А.Адалис. Чай-хана Якуба Умедова. "Новый мир",1926,№ 7.
6 А.Адалис. Аул у предгорий.-Песчаный поход, стр.II.
7 А.Адалис. У персидской границы. "Красная нива",1926,№ 32, стр.I4.
8 А.Адалис. Старая Бухара. "Красная нива",1926, № I5,стр.I0.

игра словами и образами оборачивается яркой и острой пародией на экзотику.

В этом ироническом контексте "экзотикой наизнанку" выглядит и "древнейшая башня Мерва посреди двора профбюро"[I], и минареты, похожие на фабричные трубы[2], и "призрачный караван верблюдов", напоминающий картинки, "вложенные в пакетики чая Высоцкого и К°"[3], и даже "душистые травы, вычитанные из восточных сказок", а теперь благоухающие "по-новому"[4].

Явно пародиен "шелковый торговец" в очерке "Еркамелейше", который сначала "ведет себя, как принято в халтурных романах о Востоке: "выхоленными пальцами поглаживает черную, как смоль бороду, медленно перебирает душистые, янтарные четки"[5], а потом вдруг оживает - и оказывается вполне реальным хитрецом и пройдохой.

Еще более комично выглядит экзотический штамп, спроецированный на живую повседневность: "Бирюзовое небо рассылало лучи, глаза сверкали, оглушительно звучал гортанный говор, пестрые толпы верующих устремлялись вперед". Но целью их устремлений были отнюдь не мистические радости, а два самых прозаических установления ... - хлопковый пункт и сберкасса"[6]. Даже если бы экзотическая цитата не была взята автором в кавычки, все равно был бы предельно ясен пародийный смысл этого резкого контраста между двумя противоположными стилями.

---

I А.Адалис. Зарево в пустыне.-Песчаный поход, стр.35.
2 А.Адалис. Бухара-и-шериф.-Песчаный поход, стр. 79.
3 А.Адалис. У персидской границы. "Красная нива", 1926,№ 32, стр.15.
4 Там же.
5 А.Адалис. Еркамелейше! "Наша газета", 30 августа 1927 г.
6 А.Адалис. Зарево в пустыне.-Песчаный поход, стр. 42.

Пародируется в очерках А.Адалис даже святая святых экзотической ориенталистики - так называемые традиционные образы. Большинство из них обретает здесь своего "двойника" - реалистический "антиобраз", как бы подчеркивающий контраст между выдуманным и настоящим Востоком. Загадочная безмолвная красавица с закрытым лицом превращается в "жилистую ластоногую старуху в чадре", бегущую "со свертками домашнего угощения для зятя"[1]. "Исступленный дивана ... похож скорее на предводителя романтических разбойников и конокрадов, чем на "святого"[2]... А в саду у бедняка Якуба вместо прекрасных роз "растут чахлые, незреющие абрикосы, мелкие вишни и полынь" и поют вовсе не соловьи, а лягушки[3].

Традиционные образы, столкнувшись с собственной противоположностью, самоуничтожаются, приобретая особую, ироническую окраску. Важно и интересно то, что Адалис высмеивает не "экзотику" как таковую, а избитые, штампованные методы ее изображения - и сама противопоставляет этому традиционному экзотизму принципиально иные творческие решения.

Базар - и чайхана, верблюды - и пустыня - вся эта "экзотика" есть и у Адалис, но все дело в том, к а к она изображается. И вот здесь-то действительно новаторское решение проблемы: экзотика не изгоняется, она преображается в р о м а н т и ч е с к о й призме авторского взгляда, она по-новому поэтизируется, она восстает из груды отвергнутых и высмеянных штампов в иных, романтических одеждах и обра-

---

I А.Адалис. У персидской границы."Красная нива", 1926, № 32, стр.15.
2 А.Адалис. Чайхана Якуба Умедова. "Новый мир",1926,№ 7, стр. 193.
3 Там же.

зах. Романтизм, эта неотъемлемая часть социалистического реализма, предстает в прозе А.Адалис как органичная часть ее стиля, и такой качественно новый принцип восприятия и изображения экзотики противостоит экзотизму – и побеждает его.

Интересно, что подобное художественное решение в прозе Адалис 20-х годов было больше интуитивным, чем осознанным. Вспомним, что в поэзии в эти же годы Адалис развенчивала романтизм, отождествляя его с экзотизмом ("Посвящение лошади Наргыз"). И лишь в конце 30-х годов новый принцип, ставший основной особенностью очеркового стиля А.Адалис, нашел "теоретическое" обоснование. "Экзотика экзотике рознь. Одно дело, когда туристское верхоглядство и поверхностный эстетизм мешает писателю разглядеть реальный Восток, реальную природу, историю, а также человеческие отношения. Эту ложную красочность и гурманство, которыми грешат многочисленные описания восточных городов прошлого и настоящего, надо безжалостно гнать из литературы, потому что наша литература должна быть правдивой и реалистической. Но иногда ругательное определение "экзотика" у нас применяют неверно, перегибая палку и гоняясь за модной критической формулировкой. Его применяют к поэтическому изображению характерных черт Востока. Такие критики забывают или не знают о том, что эти характерные черты есть и что они подчас действительно глубоко поэтичны. Они не могут быть выброшены из литературы только потому, что автор должен бояться подобных обвинений! Писатель, хорошо, а не скондачка знающий Восток, его исто-

рию, вправе передавать все бытовое своеобразие, не опасаясь, что он пишет "слишком красочно"[1].

Это блестящее высказывание Адалис о книге Л.Соловьева в полной мере можно отнести к ее собственной очерковой прозе, где нет штампованной "ложной красочности" и где романтический стилевой поток возносит "экзотику" на поэтические высоты.

Нет ни одной книги очерков о Средней Азии, в которой бы не встретилось описание восточного базара. Вот полу-восторги, полу-ужасы А.Зорича: "Он раскинулся на десяток кварталов, и посторонний человек, как в лабиринте, беспомощно путается, блуждая в его бесчисленных переулках и под темными сводами его крытых рядов. В торговые дни базар кишит людьми, как гигантский встревоженный муравейник"[2]. Вот бесстрастные, подчеркнуто деловитые, "антиэкзотические" описания А.Сыркина и Г.Серебряковой: "Базар - нерв жизни "старого города". Здесь в открытых лавочках стучат молотами кузнецы, работают ремесленники. Здесь в своих лавчонках, лениво вытянувшись на ковре, дремлют сарты в пестрых халатах, протянув вперед небольшие голые ноги"[3]. "Главный базар Бухары крыт деревянной крышей и имеет множество расходящихся во все стороны рядов - отделений ... Все это вместе кажется огромным универсальным магазином, раскинувшимся вширь, а не ввысь, по этажам ..."[4].

---

I А.Адалис. Возмутитель спокойствия. "Литературная газета", IО октября I939 г.
2 А.Зорич. В стране гор. М.-Л., I929, стр. 57.
3 А.Сыркин. Восток в огне. М., I925, стр.20.
4 Г.Серебрякова. Пестрая Бухара, М., I928, стр.4.

Надо было взять на себя смелость все же воскликнуть: "Величайшая радость здешних мест - шляться по базару!"[I] - и изобразить, не описать, а именно изобразить - пластично и образно "главный базар" Туркмении так, что он действительно воспринимается читателем, как "праздник" (" п р а з д н у е т с я главный базар"), как ожившая сказка "I00I ночи" - и в то же время как современная, реальная, живая и подвижная "ярмарка в пустыне", где советская кооперация конкурирует с частной торговлей, куда "тянутся огромные толпы молодых туркменов" и куда приносят продукцию молодой артели туркменские ковровщицы.

"Как с балконов и плоских кровель тысячи и одной ночи, он виден во все концы с утлой терраски Мервского горисполкома ... По понедельникам и четвергам в тумане золотой пыли, в песке жестких ветров празднуется главный базар Туркмении.

Непокрытым табором он раскинулся на краю пустыни - вот бесплодная площадь для продажного скота, косматые кони, угрюмое синее солнце в желтых небесах; вот вокруг бродячих музыкантов густая, темно-пестрая толпа, и пара медных труб, поднятых над толпой, похожа на рога улитки...

... Текинский базар весь на ладони пустыни, - с трех сторон желтый простор, с четвертой сизый город ... По обеим сторонам пути тянутся оглушительные, как джазбанд, харчевни и лавки, похожие на земляные очаги... Дальше, перед площадью домашнего скота - площадь домашнего европейского скарба; дряхлые кресла с выпотрошенными брюхами, хромые столы, за-

---

I А.Адалис. Текинский базар. "Наша газета", 26 апреля I928 г.

чумленные кровати. И рядом с этим барахлом красуется работа молодых туркменских кустарей ..."[1]

По смелости, даже, пожалуй, экстравагантности образов это может сравниться только с описанием Кокандского базара в "Бродячем целителе" Л.Соловьева - "странного мира, невообразимого смешения времен, звуков, красок и запахов"[2]. Но даже там не встретишь романтические "белые паруса базарных навесов, играющие волнистыми мускулами ткани" или "хлопающие голубые крылья лавчонок"[3].

Не менее разительно преображается в очерке А.Адалис достаточно распространенный, даже избитый образ-сравнение: "пустыня - море". Все эти "мертвые холмы сыпучих барханов, похожие на застывшие вдруг, по мановению какого-то волшебного жезла пенистые гребни морских волн"[4] резко отрицает и развенчивает П.Скосырев: "Затасканный, переставший быть даже поэтическим по своей затасканности образ "море песков" есть даже и не образ вовсе. Море песков - это самое добросовестное, почти канцелярское по своей прозаичности констатирование факта"[5].

Отрицание Адалис гораздо более действенно: реалистическое объяснение "пустыня - бывшее морское дно" снимает возможность излишне экзотического толкования этого сравнения и в то же время как бы оправдывает рождение на той же основе в ее собственном очерке гораздо более поэтичного и оригинального образа: "Здесь море заменяет пустыня. Зеленова-

I А.Адалис. Текинский базар."Наша газета",26 апреля I928 г.
2 Л.Соловьев. Бродячий целитель."Семь дней",I929,№I9,стр.I4.
3 А.Адалис. Гузаль-Андижан.-Песчаный поход, стр.98-99.
4 А.Зорич. В стране гор. М.-Л.,I929,стр.II7.
5 П.Скосырев. В стране белого золота. М.-Л.,I930,стр.IOI.

то-голубая ранней весной, свинцовая - осенью, бурная и бурая ветреным летом, она с рокотом, слышным только вожакам караванов, катит свои пески между Гератом и Хивой. На дне ее покоятся сокровища погибших царств, кости павших верблюдов качаются на ее волнах, и на гребнях ее волн растет редкая, горько-соленая трава..."[I]. "Флот верблюдов", "струи песка", "отлив и прилив пустыни", "маленький солнечный порт", стоящий "на берегу стихии", - все это органично вливается в развернутый образ, придавая ему достоверность - и неповторимость.

А.Адалис-очеркист не просто по-своему изображает экзотику; самим принципом изображения она дает оценку, подчас резко расходящуюся с общепринятой.

"Турист, который захотел бы понять экзотику края, должен в часы ночи спуститься на улицы старого города, прогуляться вдоль безмолвных дувалов и в задумчивом созерцании выпить чай в кругу отдыхающих узбеков на мягких коврах приветливых чайханэ"[2]. Вот что такое чайхана в обычном, "экзотическом" ее понимании. "Можно ли забыть когда-нибудь задумчивые группы степенных узбеков, пьющих из широкой пиалы ароматный кок-чай или затягивающихся одурманивающим чилимом..."[3], - восторженно восклицает И.Саркизов-Серазини. Очень похожими красками рисуется чайхана и в книге очерков Е.Чернявского "Блики древнего города": "...Усевшись на коврах, скрестив ноги, узбеки и таджики медленно и важно вы-

---

I А.Адалис. Мерв.-Песчаный поход, стр. 50-5I.
2 И.Саркизов-Серазини. В стране Тамерлана и жаркого солнца. М.-Л., I929, стр.75.
3 Там же.

цеживают чай из пиалы, время от времени подзывают опу с чилимом (огромной трубкой), спокойно вытерев конец трубки полой своего халата сжимают его зубами, затягиваются раза 2-3 и снова продолжают пить свой кок-чай. Так проходят часы, тягучие, как белая густая мишалда..."[1]

Неторопливое, плавное повествование, нарочитый подбор определенной лексики: "задумчивые группы степенных узбеков", "возлечь на ковры", "медленно и важно выцеживают чай","часы, тягучие, как белая, густая мишалда", - и образ чайханы становится олицетворением традиционно экзотического, сонного, задумчивого и неподвижного Востока.

Совсем иная чайхана у А.Адалис, - веселая, пестрая и радостная карусель, искрящаяся белым электричеством и рубиновыми узорами ковров, полная жизни и движения. Здесь "люди не только возлежат на пестрых нарах и пьют зеленый чай днем и ночью вечером и утром". Но в это же время "на чистых постелях чайханы устраиваются хитрые дела, завязываются мертвым узлом недоразумения, разрубаются дружбы, шумят товарищеские суды ... Здесь пьют из круговой пиалы бесконечный кок-чай, спят вповалку, едят из общей чашки плов, приготовленный вскладчину, сплетничают, каются, думают, перерешают и режут дыню за дыней кривым ножом с расцвеченной рукояткой (такой нож в сафьяновых ножнах, похожих на стручок красного перца, носит у пояса каждый ферганец)"[2]. Такая

---

I Е.Чернявский. Блики древнего города. М., 1928, стр.35.
2 А.Адалис. Карусель. "Наша газета", 14 сентября 1927 г.

чайхана - не сказочное сонное царство, представляющееся земным раем случайному гостю-туристу, это "первобытный зародыш коллектива", значение которого нельзя не учитывать, строя новый Восток[I].

Даже такой, казалось бы, однозначный и штампованный образ, как "бирюзовое небо" Азии, тоже ставший одним из символов восточной неизменности, переосмысляется в очерке А.Адалис, распадается на множество разнообразнейших образов, сама калейдоскопическая смена которых как бы опровергает представление о природной неподвижности Востока. "Низкое туркестанское небо", на котором "переливаются белые звезды"; "желтое песчаное небо, пересыпающееся низко над головой и кажущееся много тяжелее бледного лесса"; "бледно-голубое" - и "добела раскаленное", "прозрачное и словно обсахаренное небо" - как далеко все это обилие и разнообразие эпитетов, тропов и сравнений от экзотизма, синонимом которого стало слово "штамп".

"Крепкие, широкоскулые, фиолетовые горы"; "круглые, теплые, тяжелые, как девичья коса на затылке, мягкие, как вечерний воздух, пахнущие перцем и мускусом розы"; "медленно восходящий в южной ночи прекрасный силуэт развалин Биби-Ханым в черных облаках карагачей", "длинная, легкая, перистая зелень садов"; "черные вечера с винно-красными звездами и долгим, теплым ветром" - такие необыкновенные слова, возвышенно-романтические, подчас даже экспрессионистские образы находит А.Адалис для тысячи раз описанных и воспетых

---

I А.Адалис. Гузаль-Андижан.-Песчаный поход, стр. IOI:

восточных красот. И здесь уже дело не только в "экзотизме" и "антиэкзотизме", но и просто в таланте поэта, пришедшего в очерк и перенесшего сюда свое особое поэтическое видение мира. Если, с одной стороны, очерк, как уже говорилось, послужил неплохой школой для поэзии А.Адалис, для упрощения ее стиля и образов, то, с другой стороны, именно поэзия обогатила в этом диалектическом взаимодействии сам очерк, внесла в него яркую образность, романтическую приподнятость, так характерные для очеркового стиля А.Адалис.

Стиль очерков А.Адалис сложен и многозначен. Деловитая фактографичность - и романтическая приподнятость, ирония - и поэтичность, и все это в органичном слиянии разных планов и стилевых потоков в единый, оригинальный и неповторимый очерковый стиль.

Художественная форма восточных очерков Адалис была столь необычна для того времени, что критика по сути дела не сумела в ней разобраться. Откровенная пародия на традиционные экзотические штампы была принята за экзотизм, и Адалис многими зачислялась в ранг "журналистов.., налетающих на наши республики с необычайной легкостью в мыслях и питающихся исключительно затхлым медом восточной экзотики"[I]. И это писали об Адалис, изъездившей Среднюю Азию вдоль и поперек и немало сил и таланта отдавшей борьбе с экзотизмом!

Время закономерно раскрыло подлинный смысл и значение очеркового творчества А.Адалис. Можно с полным основанием

---

I К.Треплев. Глазами случайного посетителя. "Туркменоведение", I93I, № I-2, стр.66; см. также: Г.Блок. Заметка без названия. "Молодая гвардия", I929, № 20; И.Сергиевский. Путешествие по неведомому . "Новый мир", I930, № 5.

сказать, что художественные открытия прозы Адалис 20-х годов - один из истоков литературных принципов, по которым создавались "Кочевники" Н.Тихонова, "Путешествие в Туркменистан" П.Павленко и другие известные произведения советской очерковой ориенталистики.

"Горький первый понял, каково значение очерков в советской литературе: они соприкасаются с жизнью особенно тесно", - писала А.Адалис в 40-е годы[I]. Еще до горьковских "Наших достижений", независимо от громких лозунгов ЛЕФа, А.Адалис избрала очерк как жанр, верный правде жизни, и сумела сказать свое слово в этом необычайно трудном виде литературы.

x x

x

Изображение человека - цель любого искусства, и поэтому вполне закономерно, что вопрос о новой концепции Востока и о новом к нему отношении уже в литературе 20-х годов оказался непосредственно связан с более узкой проблемой - постижения и воплощения в художественном слове национального характера населяющих Азию людей и народов.

"Писать о людях было труднее, - вспоминала впоследствии А.Адалис. - Очеркист, умевший пленительно "отобразить" лазурные купола самаркандской мечети.., становился в тупик перед качествами человека. Где было найти слова, чтобы писать о людях непомерного и счастливого труда? О людях, дозревших до истинной творческой свободы.., простых и весьма сложных, малых - и огромных людях?"[2]

---

I А.Адалис. Мысли о новом. "Литературная газета",22 марта 1947 г.
2 Там же.

Одна из ведущих в реалистическом искусстве, проблема характеров и обстоятельств осложнилась в литературе о Востоке тем, что здесь речь шла об изображении характеров инонациональных, то есть далеко не всегда понятных по своей психологии и национальной специфике. Поэтому творческим успехам здесь предшествовало долгое знакомство и сближение с живыми людьми, изучение и постижение их конкретных характеров. Писателям инонациональной темы понадобились годы совместной работы, общих дел, мыслей и переживаний, чтобы традиционные книжные представления о загадочных, спокойных и неподвижных людях Востока сменились подлинным пониманием всей глубины и многогранности характеров обычных, земных узбеков, таджиков, туркменов.

А.Адалис прошла этот сложный путь сближения и узнавания одной из первых. Интерес к живому человеку с самого начала определяет направленность ее художественных поисков."Спросить бы о живых людях пустыни, об их лицах и голосах, спросить, что они едят, как встречают путников..."[I] - думает она, разговаривая перед поездкой I925 года с П.И.Козловым, известным исследователем Азии.

Не из книг и не в мимолетных случайных встречах, а в постоянном непосредственном общении, в совместных делах и заботах, за общей касой шурпы и пиалой чая, в вечерних задушевных разговорах и в громких спорах о новой жизни узнавала Адалис мысли, взгляды, характеры окружающих ее людей разных национальностей - и переносила все это на страницы

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека. Рукопись.Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.28, л.68.

своих произведений, лирических стихотворений и многочисленных очерков.

Понятие "национальный характер" настолько сложно и многогранно, что в литературоведении до сих пор нет его твердого определения. Еще более усложняется эта проблема, когда речь идет о лирической поэзии: как может проявляться национальный характер, если в произведении нет эпического, то есть абстрагированного от личности автора персонажа?

Как говорил еще В.Г.Белинский, "тайна национальности" заключается "в манере понимать вещи"[1]. "Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа", - варьируется та же мысль в общеизвестном высказывании Н.В.Гоголя[2].

В этом смысле проблему национального характера можно понимать очень широко. Даже самое обычное сравнение облака с лебедем - или с верблюдом, а стройной девушки - с березкой или с кипарисом - это уже две различные национальные манеры понимать вещи, два различных элемента художественного видения мира. Таким образом, речь может и должна идти не только о произведениях, изображающих конкретного человека в конкретном действии, но и о лирике гораздо более широкого плана - пейзажной, философской, любовной.

Национальная специфика характера в таком его понимании может сказаться в любом художественном образе, одни и те же явления окружающего мира могут быть увидены людьми разных

---

1 В.Г.Белинский. Статьи о Пушкине. Полн.собр.соч.,т.7, Изд-во АН СССР, М., 1955, стр.443.
2 Н.В.Гоголь. Несколько слов о Пушкине.-В кн.: А.С.Пушкин в русской критике. ГИХЛ, М., 1953, стр. 42.

национальностей с разных точек зрения. И соответственно самыми разнообразными могут оказаться в лирической поэзии способы создания национального характера.

С одной стороны, совсем не обязательно, чтобы л ю б о е стихотворение о Востоке было так или иначе связано с проблемой и н о национального характера: "хорошо" писать о чужой стране можно не только с точки зрения ее жителя. "Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии",[I] - писал Н.В.Гоголь.

Именно так, "глазами своей национальной стихии" смотрит на Азию А.Адалис в одном из самых ранних своих стихотворений о Востоке "Я была в Бухаре..." Стихотворение, к сожалению, никогда полностью не публиковавшееся[2], стоит того, чтобы его процитировать:

Бухараре дидем, Кандагаре дидем ... [3]

(Таджикская песня)

Я была в Бухаре, Кандагар я судила жестоко;
Полюбив Асхабад, уложила в стихи Фирюзу.
Я прошла Туркестан от разлива песков до истока,
И не хватит устам завоеванного Востока,
И сибирские льды у меня, как бельмо на глазу.

Ветер, полный земли, одинокий ночлег, папироса,
Никаких рубежей и бумажный кулек урюка.
По свободной стране от посева песков до покоса

I Н.В.Гоголь. Несколько слов о Пушкине.-В кн.:А.С.Пушкин в русской критике, стр. 42.
2 Отдельные выдержки из него приведены в кн.: Очерки истории русской литературы Узбекистана, т.I, стр.I76.
3 Здесь и далее нерусский текст дается в транскрипции и написании А.Адалис.

Я прошла по следам Македонского молокососа,
Мановеньем ресниц отметая века и века.

Есть закон золотой у великой военной науки:
За особый грабеж постоит боевое житье.
Все, что в сердце моем остается от долгой разлуки,
Все, что в песне моей занимает мельчайшие звуки,
Все, что в память мою залетело случайно, - мое![I]

Судя по эпиграфу, источник этого стихотворения - тот же, что и в известной стилизации Б.Лапина и З.Хацревина "И Самарканд, и Кандагар я видел..."[2] Эта творческая перекличка (вполне закономерная, если вспомнить о совместных путешествиях Лапина и Адалис по Средней Азии) - еще один пример того, сколь многообразны художественные способы взаимодействия русской поэзии с Востоком. Если у Лапина и Хацревина народная песня определила сущность поэтической ф о р м ы произведения, то для Адалис она послужила лишь первоисточником главной т е м ы . Стихотворение Адалис выполнено совсем в ином, далеком от поэтики восточного фольклора стилистическом ключе.

Восток здесь - в географических названиях (Ашхабад, Кандагар), отчасти - в деталях быта человека пустыни ("бумажный кулек урюка", песок, "ветер, полный земли" и т.д.). Но манера видения и чувствования - несомненно чисто-русская. Это не только "папироса" (внешняя деталь локализации характера), но и возвышенные, славянские "уста", и разговорно-

---

I Архив ИМЛИ, ф. 84, оп.I, ед.хр. 8.

2 Б.Лапин и З.Хацревин. Стихи на индийской границе. М., 1932, стр.6.

русское, чуждое восточному человеку "сибирские льды - как бельмо на глазу", и даже "македонский молокосос" - выражение, которое очень характерно для романтического, гиперболизированного лирического "Я" самой Адалис этого периода, но которое вряд ли придет в голову человеку Востока, чей народ до сих пор поет о подвигах великого "Двурогого Искандера".

И тем не менее это одно из лучших стихотворений А.Адалис о Востоке, захватывающее своей искренностью и напряженным лиризмом.

Обнаженно-яркое, страстное, романтически-окрашенное восприятие окружающих обстоятельств и собственных ощущений. Напряженность ритмики, нарастающая от строфы к строфе, как бы нагнетаемая и постоянными анафорами, и особым строфическим построением: "лишняя" 4-я строка в каждой строфе, рифмующаяся с 3-й (абааб) - как бы разрывает спокойную плавность речи. Своеобразная гиперболизированная образность,бесконечно расширяющая пределы авторского мира: если уж прошла по Туркестану, то "от разлива песков до истока", "от посева песков до покоса"; если уж "заглянула" в историю, то "мановеньем ресниц отметая века и века"; если узнала Азию - то "не хватит устам завоеванного Востока...". Все это обнажает подчеркивает, проносит через все стихотворение главное в нем - даже не столько мысль, сколько романтическое ощущение, открыто вырвавшееся на поверхность в последних, кульминационных строках: все, что вижу, слышу и помню - мое!

Таким образом, если вернуться к вопросу о национальном характере поэтического видения мира, то это, пожалуй, тот

самый случай, когда поэт, описывая "сторонний мир", создает произведение подлинно художественное, оставаясь в пределах психологии собственной национальности.

Не менее интересен и другой вариант. Поэт любой национальности, живущий в Азии и относящийся к ней так, как относилась Адалис, несомненно обретает какие-то элементы инонационального восприятия, обогащая тем самым собственное художественное видение и создавая своеобразный "западно-восточный синтез"[1] характера лирического героя.

Сохраняя все богатство русской национальной культуры, имея возможность даже в стихах об Азии вспомнить пушкинские цитаты, использовать какие-то чисто-европейские ассоциации, Адалис в то же время вводит в свои произведения и новые, впитанные ею уже непосредственно в азиатской действительности элементы восприятия и изображения людей и событий[2]. Это и органично вливающаяся в поток русской речи национальная лексика: "кунжут", "кенаф", "шербет", "алыча", "чарчэ", "кошма", "ханым". Это и манера разговора, синтаксическое построение фраз, восточная образность: "Кто будет, слушай, дураком?", "Селям-алейкум, друг полей!"... Но в то же время рядом могут оказаться русские "ручей", "дружок", "очи" и т.д. И все это не эклектика, не бессистемное смешение всего и вся в неудавшихся поисках нужной национальной формы, но органичный синтез, закономерный в произведении, написанном поэтом русским, но живущим в Азии.

---

I Выражение И.С.Брагинского:"Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина",ж-л"Народы Азии и Африки",I964, № 4.

2 См. стихотворения А.Адалис "Посвящение лошади Наргыз", "Робайят", "Пограничная баллада".

И, наконец, наиболее близки к решению проблемы инонационального характера, так сказать, в чистом виде, те произведения, в которых автор умеет увидеть мир глазами чужой национальной стихии и описать его так, что людям другой национальности покажется, "будто это чувствуют и говорят они сами"[I]. В этом случае речь идет об умении художника перенять и н о н а ц и о н а л ь н у ю "манеру понимать вещи".

В поэзии Адалис 20-х годов нет абстрагированных от личности автора эпических персонажей. Даже инонациональный характер здесь - чаще всего характер лирический, и способ его самовыражения подсказан обычно формами и приемами восточного народного искусства - любовной песней, плачем, жалобой.

"... Будь тысячу раз газетным очеркистом, писателем, будь этнографом или языковедом - тебе так и не откроется до дна та подспудная сила истории, что называется народной душой", - несколько категорично заявляет Адалис в своих "Записках счастливого человека". - Она проявлялась естественно лишь в том, что как раз и кажется искусственным:в  с т а р о - н а р о д н о м  и с к у с с т в е . Здесь, защищенная видимостью вымысла, она позволяла себе быть вполне правдивой"[2].

Адалис слушает, запоминает и пытается перевести и записать песни старика-певца и юноши, поющих про свои дневные дела; она вставляет в свое стихотворение, посвященное Омару Хайяму, слова из старой туркменской песни; она делает отры-

I Н.В.Гоголь. Несколько слов о Пушкине.-В кн.:А.С.Пушкин в русской критике. ГИХЛ, М., 1953, стр.42.
2 А.Адалис. Из записок счастливого человека. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.28, л.7I, разрядка наша - С.К.

вок из таджикской песни эпиграфом одного из лучших своих стихотворений ("Я была в Бухаре"). Восточный фольклор органично вливается в ее творчество и становится одним из основных источников не только познания, постижения особенностей национального характера людей, живущих на Востоке, но даже в очень большой степени источником той поэтической, художественной формы, в которой воплощала Адалис эти характеры в собственном творчестве.

Стихотворение 1925 года "Открой свое лицо, Шарафат", произведения 1929 года "Встреча" и "Жалоба тигру" - все это очень умелые стилизации народных лирических песен, стилизации, в которых перевоплощение автора в своих лирических героев настолько полное, что речь может идти даже о своего рода художественных мистификациях.

В 30-е годы, когда "собирание современных народных песен вышло на первый план"[1], когда целые писательские экспедиции снаряжались для записи произведений народного искусства, когда издательство "Правда" выпустило огромный сборник "Творчество народов СССР", - в этот период подобные мистификации составили целое литературное явление. Многие оригинальные произведения Б.Лапина, П.Васильева, Л.Мартынова, Л.Соловьева да и самой Адалис выдавались за переводы и действительно мало чем отличались от восточных образцов. "Особенность этого движения - так называемые фальсификации, вольная обработка при переводе, иногда делающая честь самим переводчикам и превращающаяся чуть ли не в оригинальные стихи"[2], - отмечала Адалис в статье "Голосуют песней".

1 А.Адалис. Голосуют песней. "Октябрь", 1937, № 11,стр.232.
2 Там же.

В конце 20-х годов мистификация как таковая еще не получила столь широкого распространения. Не случайно стихотворение Адалис "Встреча" при первой публикации ("Новый мир", 1929, № 4) имеет подзаголовок "П о д р а ж а н и е тюркскому", а в сборнике 1934 года "Власть" оно уже приписано несуществующему "ашугу Хабибулле Гуссейнову"; точно так же "Жалоба тигру" в "Новом мире" (1929, № 4) представлена как "подражание старотюркскому", а в издании 1934 года - как опять-таки "п е р е в о д песни путника, встреченного на границе". Однако каков бы ни был подзаголовок, художественная сущность подобных произведений всегда одна: это проявление своеобразного таланта стилизации; это умение овладеть чужой литературной манерой художественного выражения, то есть отождествить изобразительную манеру третьего лица со своей собственной.

В интересной статье "Проблема литературной мистификации" Е.Ланн очень точно характеризует психологическое содержание художественного процесса стилизации: "У стилизатора происходит ... двойной процесс творчества: во имя художественной правды перевоплощение в героев - во-первых, и овладение специфическими средствами изображения, свойственными третьему лицу, - во-вторых. Первый процесс есть процесс каждого художника, второй - достояние тех из художников, которые отмечены стилизаторским дарованием"[1]. Для Адалис, очевидно, оба эти процесса сливались в один, так как ее инонациональные герои - лирические; другими словами "овладеть

---

1 Е.Ланн. Проблема литературной мистификации. "Печать и революция", 1928, № 8, стр. 35.

средствами выражения, свойственными третьему лицу", - как раз и означало для нее перевоплотиться в это "третье лицо" - в своего инонационального героя.

"Я связывала в стихи слова, записанные наспех под диктовку переводчика... Подражала интонации поющего старика, строила фразы на восточный лад. К о н е ч н о , э т о н е л ь з я б ы л о н а з в а т ь п е р е в о д о м . Я с л о в н о и г р а л а р о л ь с т а р и к а - п е в ц а "[1],-воссоздавала впоследствии Адалис процесс написания одного из таких стихотворений, и в этих последних словах, пожалуй, основной секрет успеха: она действительно всегда очень умело "играет роль" своих героев.

Хотя в данном случае "это нельзя было назвать переводом", тем не менее переводчик тоже очень часто "играет роль" инонациональных авторов. "Какой клапан раскрыть в своем сознании, чтобы туда дружелюбно хлынула чужая жизнь? Актеру знакома эта тяжкая работа души"[2], - писала сама же Адалис о процессе художественного перевода ... То есть стилизация и перевод вызывают одинаковые ассоциации (с профессией актера) и оказываются для Адалис (и, очевидно, не только для нее) очень близки по своей психологической сути.

Действительно, ведь перевод - это тоже "овладевание средствами выражения, свойственными третьему лицу", это максимально возможное перевоплощение в "чужого" автора, умение сделать своим иной по национальному колориту взгляд на окружающую действительность. И не случайно поэтому талантливый

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека, л.55. Разрядка наша - С.К.
2 Там же, л. 30.

стилизатор Адалис становится известнейшим переводчиком с языков восточных народов, а у многих поэтов-переводчиков появляется потребность писать оригинальные стилизованные стихи на инонациональную тему (Б.Пастернак, Н.Заболоцкий, Н.Тихонов и др.). Перевод и стилизация - это две разные стороны одного и того же процесса воссоздания в художественном, чаще всего поэтическом слове лирического инонационального характера. Разница лишь та, что в первом случае "переводчик... слагает песню - п о ч т и собственную, но она близнец той, что прислана из-за тридевяти земель"[I], то есть он стремится найти в русском языке максимально адекватную форму. Во втором же случае автор гораздо более самостоятелен в выборе художественной ситуации, мотивов, тем, образов и ограничен лишь самым общим требованием быть верным инонациональной "манере понимать вещи".

Как же происходит у Адалис творческий процесс создания инонационального характера?

С одной стороны, она вполне закономерно использует какие-то уже готовые, традиционные, имеющиеся в подлинных произведениях искусства того или иного народа элементы и особенности художественной манеры - ритма, стиля, образной системы. В произведениях Адалис нетрудно найти почти точные совпадения с фольклорными и классическими первоисточниками.
Это мотив неразделенной любви к женщине, отданной богатому баю: "Шарафат, ты богатому баю отдана... Ой, как я буду жить,

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека, л.30.

Шарафат, без твоей любви"[I]. Это и мотив-сравнение зверя и человека в стихотворении "Жалоба тигру"[2]: "Не уподобься нашему мулле - ты человечнее его, джольбарс". ("Не бойся хищников-зверей, они иных людей добрей", - поется в туркменской народной песне[3]). Это и распространенная в восточном фольклоре тема тоски по родине, мечты о возвращении к родному краю ("Жалоба тигру"). Нередко точно соответствуют "подлинникам" и образные ряды стилизаций. "Бидана моя, Шарафат!.. В клетке поет бидана" несомненно перекликается с распространенным образом девушки - птицы - певуньи в фольклорной песне любого восточного народа: "Я птицей была на ветке родной, я пела и веселилась, теперь я птица в клетке чужой, давно я петь разучилась"[4]. Даже такой однозначный, но непривычный для русского поэта эпитет, как "б е л а я луна" ("Открой свое лицо, Шарафат!") восходит к народному: "Я вижу ночью белую луну"[5]. И неудивительно, что один и тот же стилизованный образ может встретиться у совершенно разных русских поэтов. Так, у Павла Васильева в стихотворении о коне, очевидно, на той же художественной основе восточной народной поэтики появляется необычное сравнение "ноздри как розы"[6], напоминающее более распространенный и яркий образ Адалис "Там розы

---

I А.Адалис. "Открой свое лицо, Шарафат!" Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 8.

2 А.Адалис. Жалоба тигру.-Власть, М., I934, стр.59.

3 Туркменские народные песни. Ашхабад, I96I, стр.I8.

4 Из таджикской народной поэзии, Душанбе, I964, стр.95.

5 Там же, стр. III.

6 П.Васильев. "Мню я быть мастером..." Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта, Л.,"Сов.пис.", I968, стр.I5I.

пахнут мясом с молоком, как ноздри теплые твои, джольбарс" ("Жалоба тигру").

Точно так же связана с подлинными восточными произведениями и ритмика некоторых произведений Адалис. На автографе стихотворения "Открой свое лицо, Шарафат!" рукой автора помечено: "Читать, выделяя грамматические ударения". И эти неравномерно распределенные грамматические ударения, бесконечно-длинные разговорные строки-предложения - и в то же время настойчивые внутренние рифмы, повторы слов, характерные анафоры "ой ..., ой..." - все это точно соответствует поэтическим принципам восточной песни-импровизации, лишенной четкого ритма и композиции, нанизывающей одна на другую мысли и образы, создающейся по принципу: "что вижу, то пою".

Белая луна смотрит целый час в один и тот же сад...
Шарафат,ты богатому баю отдана;в клетке поет бидана;
Шумным и темным народом полна красная чайхана!
Ой, Шарафат, я не пью вина, в глазах повернулся сад.
Ой,как я люблю твой неверный голос,бидана моя,Шарафат!..

Очень важно, что все эти совпадения и соответствия - не просто подражание восточным классикам и перепевание фольклорных мотивов, а творческое использование восточной традиции в собственной поэзии.

Не менее значителен в творческой манере Адалис и другой, гораздо более сложный и интересный прием: заимствованные традиционные образы и изобразительные средства обычно сочетаются в ее стихотворениях-стилизациях с чем-то оригинальным, часто даже придуманным, неповторимо-авторским -

и при этом настолько типичным и достоверно-восточным, что не возникает сомнений: именно так, если не обязательно видел, думал и говорил, то м о г говорить и чувствовать человек другого народа. Фактически это закономерный процесс создания типичного реалистического характера - в применении к характеру инонациональному.

Не обязательно в фольклоре или классике любого восточного народа встретятся такие образы и тропы, как " с в е ж и й голос", "карагач ж у р ч и т ", "земля с л а д к а я", "пища ч и с т а я " и т.д. Но все это соответствует узбекской, туркменской, таджикской национальной манере мышления и видения мира, а потому - достоверно и уместно в произведениях Адалис. По-восточному замысловат, цветист и широко ассоциативен такой остро-современный, чисто-адалисовский образ: "Тучи находят на зарю; старость находит на лицо, - и безумье на свет человека... Старости, тучам, безумью подобна твоя фаранджа" ("Открой свое лицо, Шарафат!"). Точно так же несомненно восточный оттенок у несколько эстетизированного, очень типичного для самой Адалис сравнения: "Шарафат, ты на душе, как золотой дым на куполе Биби-Ханым!"

Убедительно восточны даже не очень типичные для азиатского фольклора пейзажные описания в стихотворении "Открой свое лицо, Шарафат!". "Раздуваются душистые травы ... Множество лягушек поют за стеной... В Хоузе вода лежит на боку..." - подобные зарисовки лексически и интонационно не выбиваются из общего поэтического ряда произведения.

Точно так же трансформируется и ритмика стиха. В "Жалобе тигру" за ритмическую основу принят обыкновенный русский пятистопный ямб.

О, полосатый герирудский тигр,
Гроза широких камышей, джольбарс!
Дай мне взаймы, немного денег дай
На возвращенье в СССР, джольбарс!

Но неправильно чередующиеся пропуски ударений, синтаксическое построение фраз, сквозной рефрен - "джольбарс,... джольбарс" - все это, типичное не для русского, а для восточного стиха, неузнаваемо изменяет ритмику и интонацию, придает стихотворению опять-таки неповторимо-восточный песенный колорит.

Во всех этих случаях достоверность лирического инонационального характера достигается не точным копированием поэтических приемов первоисточников, а органическим синтезом подлинного - и удачно "изобретенного", почувствованного, интуитивно угаданного.

Так в мелочах и в крупном, намеренно, а иногда, пожалуй, и случайно, действительно "войдя в роль" своего инонационального лирического героя, создает Адалис песни-стилизации, в которых подчас больше Востока, чем в иных переводах подлинных восточных произведений.

Не менее важно и то, что, бережно сохраняя мельчайшие детали и особенности сложившейся веками инонациональной манеры понимать вещи, Адалис в то же время умело и тонко вводит в свои произведения такие типичные элементы характе-

ров, которые лишь зарождаются у нового человека в новой, социалистической действительности. Инонациональный характер, таким образом, обретая динамику развития, - в то же время не теряет живых человеческих черт, оставаясь типичным - становится современным.

"Открой свое лицо!" - казалось бы, что может быть традиционнее такого обращения! Именно так называлась древняя таджикская народная песня, и цепь ассоциаций, стоящая за этими строками, - весьма определенна: диалог влюбленного юноши с красавицей-пери, признание в любви, воспевание ее красоты - "Открой свое лицо на миг, рабом навек я стану!"[1] Совсем иная ассоциативная основа этих строк у Адалис: "Открой свое лицо, моя жизнь! ... Страшная на тебе фаранджа, душная фаранджа!" Противопоставление "красной чайханы", полной "шумным и темным народом", - "душной парандже" не оставляет сомнений о времени и месте действия. В традиционной (любовной) песне появляются остро-современные акценты, а лирический характер обретает не только национальную, но и социальную определенность.

Современный социальный оттенок привносится Адалис даже в древний мотив восточных народных песен, ставший основой стихотворения "Жалоба тигру". Интересно, что в первом варианте[2] стихотворение было гораздо более традиционно.

О зеравшанский полосатый тигр,
Гроза широких камышей, джольбарс!
Дай мне взаймы, немного денег дай
На возвращение домой, джольбарс!
... Чтобы на родину свою попасть,

---

I Из таджикской народной поэзии,Душанбе, I964,стр.I62.
2 А.Адалис. Бедственное положение,"Новый мир",I929,№4,стр.90.

Лишь у тебя прошу взаймы, джольбарс...

Как вспоминала сама Адалис, по замыслу это вообще была очень личная шутка-импровизация, созданная под влиянием собственных денежных затруднений - и вылившаяся в форму восточной народной песни[1]. Стихотворение так и называлось "Бедственное положение" и не претендовало на широту обобщений. И лишь затем в переработанном варианте текст несколько видоизменяется. Нейтральное не уподобься брату Абдуллы , не откажи мне в пустяке, джольбарс" - трансформируется в "не уподобься б а ю Абдулле, он мне за труд не заплатил, джольбарс". Появляется новый мотив: "Ты человечнее м у л л ы , джольбарс". "Теперь на родине родят поля и люди сытые поют, джольбарс... Поселки светятся на тех горах,и трубы длинные свистят, джольбарс" - все эти детали воспринимаются самим героем как приметы нового бытия, и он мечтает уже не просто об отчем крае, но о "возвращенье в СССР". Лирическому национальному характеру, таким образом, сознательно придается вполне определенное социальное звучание.

Еще более современен герой в стихотворении"Встреча"[2]. В сущности, здесь даже два действующих лица: "человек дрянной на лихом коне", повстречавшийся в горах лирическому герою, становится тоже своего рода лирическим характером, так как основным средством характеристики оказывается его собственная речь.

Два героя, два самораскрывающихся инонациональных характера. Причем важно и интересно то, что Адалис,не изменяя

---

I Из личной беседы с А.Адалис.
2 Власть, стр.6I.

достоверности национального, сумела создать характеры, контрастные по своей социальной сущности, по заложенной в них идее. Это не просто встреча двух врагов, но столкновение двух миров, двух мировоззрений.

Если у одного единственный источник силы - "богатый зять Курбаши Курбан", то у второго "родство" исчисляется совсем иными категориями: "Мой приемный дед - кипарис густой! Мой молочный брат - зеравшанский барс!" Единство героя с землей и природой всегда и у всех народов было гарантией его правоты и непобедимости.

Хвастовство, пустые угрозы, высокомерное презрение слабого - и спокойная уверенность в себе, радость и гордость "живого человека" - хозяина в "трудовом краю" - таковы лейтмотивы этих двух лирических инонациональных характеров.

Таким образом, в поэзии А.Адалис инонациональный характер с самого начала - характер лирический и - благодаря этому, удачно соответствующему специфике таланта Адалис ракурсу изображения - художественно достоверный.

Как известно, "национальный характер в литературном творчестве выступает как конкретный характер"[I], и речь должна идти не о схематическом сочетании тех или иных специфически - национальных и общечеловеческих, национально-положительных и национально-отрицательных черт, а о характере литературного героя в целом, о художественном образе как таковом, об умении автора изобразить живого, реального человека во всей сложной диалектической взаимосвязи националь-

---

I Г.Ломидзе. Единство и многообразие. М., 1960, стр.279.

ных, социальных, типических и общечеловеческих его черт и особенностей. Национальная специфика характера не может быть выделена сама по себе как некая абстрактная реальность, она существует лишь в тесной, органической связи со всеми остальными компонентами характеристики литературного героя.

Действительно, если в очерке П.Скосырева водитель трамвая, "узбек в тюбетейке, халате и с неизменной розой, включая и выключая мотор, поет вполголоса так же, как он пел, стоя на арбе"[I], эта примета национального оказывается достоверной деталью художественной характеристики литературного персонажа. И наоборот, когда в очерке С.Субботина женщина-узбечка говорит: "мне сдается, там очень плохо женработа идет", или студент Ходжаев пишет: "братило мой орудует в кишлаке"[2], то это не только недостоверность национального, а прежде всего слабость художественного воплощения характеров.

Если в поэзии А.Адалис лирический инонациональный характер уже в самых первых произведениях полностью соответствует единственно верному критерию художественности, то в ее очерковой прозе освоение "человеческого материала" происходит медленнее и сложнее, и самобытные, яркие, реалистические инонациональные характеры появляются несколько позже. Очевидно, лирическая направленность таланта А.Адалис позволила очень быстро постичь "тайну перевоплощения" в лирической поэзии. Но знание и умение ориентироваться в инонацио-

---

I П.Скосырев. В стране белого золота. М.-Л.,I930, стр.30.

2 С.Субботин. Шагает Азия. М., I930, стр. I23, разрядка наша - С.К.

нальных обстоятельствах далеко не сразу переросло в способность изобразить глубоко и разносторонне характер э п и ч е с к и й , то есть абстрагированный от собственной личности автора.

"Печальный и черноглазый красноармеец-узбек"[I], "содержатель териак-ханы, торжественно восседающий у кибитки"[2], "перевязанные старики", молча поглаживающие бороды и изредка вставляющие в разговор русское "да"[3], - таковы в ранних очерках А.Адалис немногочисленные и маловыразительные инонациональные персонажи, которые еще никак нельзя назвать характерами. Даже гораздо более живой и конкретный Якуб Умедов изображается с традиционной розой за ухом и разговаривает на исковерканном русском языке[4].

Трафаретен и статичен инонациональный характер и в рассказе I926 г. "Подвиг"[5]. Бай Джелаллэддин бьет слугу, жестоко мстит вступившемуся за мальчика Борису Михайловичу, курит гашиш, "м е д л е н н о подносит ко рту пиалу с кок-чаем", "в ы с о к о м е р н о поднимает брови и опускает веки", разговаривает все на том же ломаном русском языке - и по сути дела ничем не отличается от героев тех самых "халтурных романов", которые так остро высмеивает впоследствии сама А.Адалис[6].

---

I А.Адалис. Старая Бухара. "Красная нива", I926, № 5,стр.II.
2 А.Адалис. У персидской границы."Красная нива", I926, № 32, стр.I4.
3 Там же.
4 А.Адалис. Чай-хана Якуба Умедова. "Новый мир", I926, № 7.
5 "Красная нива", I926, № 35, стр.2.
6 А.Адалис. Еркамелейше! "Наша газета", 30 августа I927 г.

Таким образом, в изображении эпических, а тем более вымышленных (рассказ "Подвиг") инонациональных характеров А.Адалис на первых порах исходит, пожалуй, не столько из жизненных впечатлений, сколько из литературной традиции.

Однако уже очень скоро на страницах очерков А.Адалис появляются живые люди советского Востока. Таков азербайджанец Исмаил, "нахчеванский гидальго", - амбал-носильщик, которому специально посвящен один из очерков в цикле "Под Араратом"[I].

Неповторимые, индивидуализированные черты его характера - уже в немногочисленных, но ярких деталях портрета: "горящие кофейные глаза", очень маленький рост - и "кривые ноги", прочно стоящие на земле; наконец, искусственный горб - "деревянная махинация, служащая вьючным седлом для тяжестей" и вызывающая ассоциации то с добрым, трудолюбивым животным ("он выглядел усталым и двугорбым"), то с древней мудростью искалеченного человека ("у него умные повадки горбуна").

Еще более важны для раскрытия характера "утверждения Исмаила", пересказанные и прокомментированные автором - и соответственно преломленные через добрую и остроумную призму его восприятия: "Исмаил утверждает, будто ишаки и лошади - тяжеловозы не боятся его конкуренции только потому, что им все равно приходится отдавать деньги хозяевам"... Исмаил живет в развалинах развалин и "утверждает, что звез-

---

I "Новый мир", I927, № 5.

ды греют. В полдень же он ... устраивает свою пыльную голову в тени близотоящего верблюда. Остается лишь добавить,что в полдень верблюды не дают тени...

И третью вещь утверждает Исмаил: что союз пищевиков, в котором он по острому недоразумению состоит, не только не в состоянии помочь ему, но еще нуждается в его членских взносах. Если нуждается - пусть берет, - говорит нахчеванский гидальго"...[I]

Интересно, что в этой несобственно-прямой речи, как и во всем очерке, авторская интонация превалирует над голосом самого героя, и Адалис почти не стремится передать специфику национального в характере Исмаила. Его национальная принадлежность определяется лишь именем, прямым авторским указанием:"мы не понимали тогда тюркского языка, Исмаил не умел говорить по-русски", - да еще, пожалуй, неизменным "кулюк" (спасибо), которым сопровождал "нахчеванский гидальго" свои добрые дела. Автора интересуют прежде всего общие, типические черты характера, пробудившегося к новой жизни - и в этом смысле симптоматичен сам выбор объекта изображения. Как и в поэзии, внимание автора привлекает герой с зарождающимся социальным чувством, бедняк-труженик, которому революция открыла путь к нормальному человеческому существованию. "Исмаил очень твердо знает, кто хозяин Нахчеваня" - таков лейтмотив очерка, и выбранные автором обстоятельства помогают раскрыть характер героя именно в этом - главном - аспекте.

---

I А.Адалис. Исмаил. "Новый мир", 1927, № 5, стр.122.

Вот, "укротив" хрипящую в руках москвичей пастушескую свирель, он "надышал" на ней песни, которые "на языке дыхания означали солнечное утро, вдоволь воды, человеческую дружбу и урожай". Вот - "гостеприимство - долг хозяина" - он ежедневно угощает в чай-чи обезденежевших корреспондентов - и исчезает, как только они получают деньги. Вот он мчит в случайно доставшемся ему на день фаэтоне своих друзей, обессилевших от дальней дороги. "О, счастливый носильщик! Он случайно стал извозчиком на целых пять часов! Он заработал рубль и, кроме того, катал своих гостей!"

Подобные эпизоды немногочисленны, но ярки и достоверны, именно в них раскрывается сущность характера героя.

Вообще А.Адалис по своей творческой манере тяготеет не к портретным (типа "Исмаила"), а к проблемным очеркам. Очевидно, еще и поэтому в ее ранней прозе - при всей глубине и сложности проблем - почти полное отсутствие действующих лиц. Писательница идет от проблем к характерам, и яркое доказательство тому - сравнение разных редакций ее многочисленных очерков.

Так, уже в очерке 1927 г. "Карусель" ставится и интересно решается сложнейшая проблема тех лет -европеизация так называемой "красной чай-ханы", то есть, в более широком аспекте - все та же проблема взаимодействия старого и нового на Востоке, в восточной культуре. Красные чай-ханы в те годы вызывали немало безудержных восторгов. "Здесь нет перепелов, нет чилима. Но есть эстрада, где выступают кружки, есть радио и газеты!" - восклицает Ник.Северяк[I]. У Адалис

---

I Ник.Северяк. Красная чай-хана. "Наша газета", I июня 1928 г.

этот же факт рождает гораздо более глубокие вопросы и раздумья. "Надо освободиться понемногу от казенщины и подойти с уважением к национальному своеобразию страны", - пишет она в очерке "Карусель" по поводу тех же перепелов, покинувших свои извечные клетки в чайханах, и других добрых и интересных национальных обычаев, усиленно изживаемых ортодоксальными носителями новой культуры. "Немало уродливого пришлось мне перевидать хотя бы в кзыл-чайханах Союза Совторгслужащих. Так, в одной из них официально принято презирать народную узбекскую музыку - старинные песни поются здесь на мотив "Кирпичиков" и "Сильвы", в другой запрещается играть в шахматы за пределами крохотного красного уголка: примет, мол, приезжий русский экскурсант эту игру за азартную - что тогда делать? А в третьей нельзя приносить с собой певчих перепелок, ибо во времена Тимура устраивались, бывало, перепелиные бои"[1].

В последующих редакциях очерка (в книге "Песчаный поход") это авторское описание превращается в острую, драматизированную сцену, и те же проблемы переходят от автора к самим героям, органично возникают и решаются в их конкретных диалогах и спорах, в сложном взаимодействии их характеров. Вот Файзлэддин, "молодой узбек в больших роговых очках и розовом халате", поющий "гортанным голосом дервиша" отрывок из оперетты "Сильва". Вот его приятель, бывший заведующий красной чайханой, с пеной у рта отстаивающий принципы европеизации восточной культуры: "Кто велел из чайханы перепелки выбросить, мужиковские птицы? Я велел. Кто велел

---

I А.Адалис. Карусель. "Наша газета",14 сентября 1927 г.

азиатские пиалы выбросить, стаканы купить, ложки купить? Кто велел певцов в шею гнать, чтоб не кричали, как баба рожает? Кто велел книги в шкаф прятать, дуракам не давать? Я велел..."[I] Несколько противоречивый портрет этого героя ("У него юношеское худое лицо с резкими и благородными чертами, глаза фанатика, чистый небольшой лоб"), слегка насмешливая и в то же время сочувственная интонация немногочисленных авторских ремарок ("Он задыхается. У него талант агитатора и слабое сердце"). Наконец, речевая характеристика, в которой наиболее ярко проявляется именно национальная специфика характера (система "вопросов и ответов", повторы слов и т.д.) - все это воссоздает оригинальный, индивидуализированный инонациональный характер, - характер человека, целиком захваченного определенной догматической идеей и поэтому еще не сумевшего найти верный путь в искренне принятой им, но не до конца понятой действительности.

Столь же конкретен и типичен и его антипод - гораздо более близкий автору по своим взглядам Олимджон Рагимов, ветеран борьбы с басмачами, "нынешний председатель красной чайханы" . И этот характер раскрывается через содержание, построение, интонации его речи. "Старый Олимджон" не "кричит", а "говорит медленно, обдуманно": "Темный народ посылал тебя на свои деньги учиться, напрасно посылал. Уметь читать - не значит понимать, что читаешь, уметь видеть - не значит понимать, что видишь. Говорят тебе, возвращайся в кишлак школу строить, почему отказываешься?"

---

I А.Адалис. Гузаль-Андижан.-Песчаный поход, стр.I04.

Плавность, фольклорная напевность по-узбекски построенных фраз, афористичность утверждений, знакомство с мировой культурой (в разговоре с автором он упоминает Аверроэса и Абу-Нуваса), - за всем этим встает совершенно иной характер человека, спокойного и уверенного, отчетливо представляющего будущее своего народа.

Все эти действующие лица очерка - не иллюстрации идей, но живые люди, и в изображении их споров, этих своеобразных диспутов, где один "кричит", другой "вопит", а "группа молодежи, теснящаяся на соседнем ковре", "ревет", - автором ставятся и решаются сложные и актуальные проблемы, умело передается сама атмосфера жизни национальных окраин 20 гг., когда "все переворотилось и только еще укладывалось".

Примерно в том же плане трансформируется и очерк 1928 г. "Иски-Чарджуй". Скучный, растянутый диалог двух туркменов о будущем родного аула лишь иллюстрировал основную проблему: пути развития Туркмении. "Оттуда - протянется широководный канал, а в сторону пустыни лягут тенистые аллеи общественного парка... Вы видите, какая у нас земля? Дать этой земле воду - и на скудных полях, истощенных солнцем..."[1] и т.д. Таким бледным, газетным языком разговаривали оба героя. Оба они безымянны и безлики, лишены каких бы то ни было признаков индивидуального и национального.

В редакции "Песчаного похода" учитель и секретарь исполкома обретают не только имена, но и конкретные, индивидуализированные характеры.

---

1 А.Адалис. Иски-Чарджуй. "Наша газета", 1 марта 1928 г.

"Ничего, ханум, - обращается ко мне Мустафа, - скоро здесь будет электростанция.

- Ты знаешь нашу кассу, - испуганно обрывает секретарь исполкома, - зачем обманываешь? Нельзя еще об этом думать!

- А я уже хочу начать думать!

- Голос Мустафы дрожит от гнева: здесь будет электростанция!

Сулиман сипло хохочет:

- Эй, друг! Для электростанции что нужно? Вода нужна. А для полей что нужно?...

Мустафа ударяет по помосту папахой, - Вода? Здесь будет вода!...

Сулиман ... долго рисует на клочке оберточной бумаги, потом говорит:

- Мустафа, ты прав. Здесь будет вода, потому что я нарисовал ее. Аму-Дарья даст..."[1]

И здесь в коротком диалоге - не только "проблема", но и живые люди - восторженный, экспансивный молодой мечтатель Мустафа; спокойный, ироничный Сулиман, страдающий бессонницей от непривычно сложных раздумий (своеобразная новая черта инонационального характера), - живые люди современной Туркмении.

Таким образом, не сама по себе проблема в ее чистом и абстрактном теоретическом значении, а ее конкретное преломление в характерах людей, в формирующих эти характеры обстоятельствах - таков в конце 20-х годов основной принцип очеркизма А.Адалис.

---

1 А.Адалис. Аул, где живет Мустафа.-Песчаный поход, стр.18.

Обстоятельства почти во всех очерках Адалис - это увиденные ею самой социалистические преобразования в жизни восточных окраин. И неразрывно связанными с этими обстоятельствами, зависящими от них и одновременно творящими их оказываются инонациональные герои ее очерков.

Как и в поэзии, герой очерка А.Адалис всегда современен. Будь то уже упоминавшийся амбал Исмаил (очерк 1927 г.) - или 90-летний казах в "Записках о казахских колхозах" (1931 г.), - в характере каждого из них автора прежде всего интересуют переломные, зарождающиеся черты, и именно в этом аспекте решается одна из основных в прозе А.Адалис - проблема инонациональных характеров и обстоятельств.

Молодой узбек Якуб Умедов в своей импровизированной песне поет не только об Александре Македонском, но и о советском фининспекторе, и о правде, которую стало не страшно говорить бедным людям ("Чайхана Якуба Умедова").До революции презираемый всеми водонос мечтает, чтобы его внук учился в Ташкенте и "сделался наркомом пастушества"("Бухара-и-Шериф"). А старый туркмен Дада Мамед говорит о братстве племен, о свободе и вольности ("На границе Афганистана").

Закономерно,что ситуации, в которые попадают герои, так же, как обстоятельства, формирующие их характеры, нередко оказываются сходны для многих авторов. Тем интереснее разница в трактовке тех или иных общих проблем. Так, сюжет: узбек (или туркмен), учившийся в "центре" (в Москве или в Ташкенте), возвращается в свой кишлак - встречается в рассказе Е.Зарт "Куп-кары"[1],в очерковой книге Зуева-Ордынца[2] -

1 Е.Зарт. Куп-Кары. - Восточные рассказы. М., 1926 г.
2 Зуев-Ордынец М.Е. Закон возврата. - Крушение экзотики, М., 1933.

и в двух очерках А.Адалис[I]. Но если Е.Зарт и М.Е.Зуеву-Ордынцу национальные характеры их героев представляются чем-то статичным, издревле сложившимся и неизменным /"голос крови" оказывается сильнее благоприобретенной новой культуры/, то для Адалис инонациональный характер интересен именно своей динамичностью, способностью к перерождению.

"Режь мое горло, режь, кушай - в кишлак не вернусь! Шесть месяцев не для того учился, чтобы вшей давить в кишлаке!.."[2] - так своеобразно понимает законы новой жизни все тот же "преобразователь" красной чайханы.

И вовсе не "голосу крови" следует герой противоположного по смыслу эпизода:

"Парня зовут Солейман. Он едет из Москвы.

- Что ты там делал? - строго спросил хромой узбек...

- Я учился.

- Но чему ты выучился?

- Я выучился работать.

- Но почему же ты возвращаешься обратно?

- Меня посылали из кишлака, чтоб я вернулся в кишлак"[3].

То есть, создавая инонациональные характеры, Адалис идет от жизни, а не от традиционных идеалистических теорий.

Художественные принципы воплощения инонациональных характеров в прозе Адалис очень близки ее поэзии. И здесь лирическая струя, выражающаяся в самохарактеристике героев,- оказывается наиболее удачным и продуктивным способом типи-

---

I А.Адалис. Гузаль-Андижан; Бухара-и-шериф. - Песчаный поход.
2 А.Адалис.Гузаль-Андижан. - Песчаный поход, стр.I04.
3 А.Адалис. Бухара-и-Шериф. - Песчаный поход, стр.83-84.

зации и индивидуализации характера. В спорах друг с другом, в беседе с автором, в длинных монологах, обращенных к кому-либо из действующих лиц, - оживают уже упоминавшиеся учитель Мустафа, председатель исполкома Сулиман и посетители красной чайханы; сапожник, "приходящий под стены техникума погордиться своим племянником", - и молоденькие учительницы Айче и Сачинэ, приехавшие учить грамоте туркменских детишек; старый казах, потрясенный тем, что русский человек не отказался разделить с ним его "куже", - и многие, многие другие реальные, конкретные люди, "густо" населяющие произведения А.Адалис.

"Кого я больше всего люблю? Я, конечно, могу сказать, тебя, но это лишь восточная вежливость. Потом я могу сказать - аллаха, но не так чтобы очень, потому что от него я не жду милостей! Потом я люблю дочку, но она скоро выйдет замуж и ее обещает любить муж. Потом я люблю свободу, независимость, вольность...

Э, друг, зачем ты спрашиваешь, кого я люблю? Я люблю очень многое. Пока я живу и кости мои не смешались с землей, я люблю пыль селенья, которую вдыхаю полной грудью после месячного перехода, мутную воду колодца - после двухдневной жары, вонючую прохладу базаров, когда лошади бесятся от солнца! О, мир хитро устроен, и я не знаю, на какой любви мне остановиться! Но если бы ты спросил: "Эй, Дада Мамед Кули, положа руку на сердце, скажи без утайки, кого ты ненавидишь", я бы сказал только одно слово... Ты слыхал ли, друг, про такое имя - инглиз?"[1]

---

1 А.Адалис. На границе Афганистана."Наша газета",12 мая 1928 г.

В этой простой, бесхитростной и в то же время поэтичной речи - характер и мировоззрение старого туркмена, для которого понятия "любовь" и "счастье" по-восточному соотносятся с водой и прохладой, для которого злые силы всего мира еще концентрируются в колонизаторах-англичанах, но в сердце которого уже доброй музыкой зазвучали слова "братство племен" и "независимость".

Еще более ярок и неповторим старик в очерке I93I г. "Записки о казахских колхозах"[I]. К этому времени заметно возросло мастерство А.Адалис в обрисовке инонациональных характеров. Удачно выбранная форма - до предела насыщенный содержанием диалог без единой авторской ремарки - помогает в лаконичной (не больше 30 журнальных строк) сценке раскрыть главное и важнейшее в характере героя. "Слава времени Ленина" (вместо традиционного "слава аллаху!"), "Джасасун русские рабочие, братья казахских дехкан!" - все это не нарочито приписывается автором 90-летнему старику, а осторожно, ненавязчиво вводится в его речь, органично вытекает из логики развития диалога - и раскрывающегося в нем характера. Типично казахские обороты речи ("Я н е в и д е л таких слов, как ты говоришь","Я слышу твой б о г а т ы й , у ч е н ы й голос"), восточные повторы, казахские слова, приспособленные к новым предметам и понятиям ("У тебя хурджум из хорошей желтой кожи - мне сказали уже, что он называется портфель") - все это умело вставляется автором в речь героя, индивидуализирует ее стиль, акцентирует национальную принадлежность оригинального собеседника.

---

I А.Адалис. Первый разговор.-Записки о казахских колхозах. "Новый мир", I93I, № 6,стр.I35.

Для раскрытия национальной специфики характеров немалую роль в очерках Адалис (и снова, очевидно, не без влияния ее поэзии) - играет фольклор, традиционная восточная народная песня, в содержание которой укладывается вся окружающая человека повседневная жизнь. "Надышал" на свирели пастушеские песни амбал Исмаил; "поет про все, что с ним случилось за день", Якуб Умедов... Но этот восточный обычай "что вижу - то пою" - для Адалис не только примета инонационального характера, для нее важно и само содержание песни: видеть и воспевать можно разное и по-разному, и это тоже способ самохарактеристики героев ее очерков.

Возница Саты, нищий казах, "имя которого скрипело на зубах у дехкан, как песок", проезжая мимо казахских сенокосов, "пепельно-стальных, как северные моря", мимо полей пшеницы, "жиденькой, как плохой овес", - "когда уныние становилось нестерпимым", запевал свою песню и свирепо кричал "Джаксы!"(Хорошо!).

"У меня записаны в переводе его простые слова:

- Мы ехали с товарищем среди пышных плодородных полей. Наши высокие колосья доходят человеку до самых икр. Зерно пшеницы больше зерна проса в пять раз. Съешь десять зерен с кислым молоком, будешь почти сыт... Кругом лежали чудесные сенокосы. Раньше никогда казахи не собирали сена, трава пропадала. Теперь мы в первый раз сложили траву в кучу, и она наполовину не пропадет! Ты говоришь: наша трава черная и белая? По-казахски этот цвет как раз называется "зеленый"!

Я показывал наш хлопок, - у него есть маленькие листики, через каждые два негодных листика один вполне годится:

из хлопка можно сделать рубахи и штаны. Раньше там, где хлопок, было лысое место ..."[1]

В этих простых словах казахской песни - сущность характера и мировосприятия Саты: то, что на сухом языке теории называется "оптимизм" и что более поэтично и возвышенно означает способность мечтать и верить, и видеть в крохотных ростках хлопка на сухой казахской земле будущее богатство своего народа.

Таким образом, герои А.Адалис "говорят сами за себя". В ее очерках почти нет лобовых характеристик, но в то же время А.Адалис далеко не безразлична к своим героям. Ее активность в изображении характеров, ее отношение к действующим лицам очерков - в самом стиле повествования, в тонко расставленных акцентах, в интонациях авторской речи. Случайно встреченный торговец шелком "лениво повествует" о своих взглядах на новую жизнь, а затем "смывается на фаэтоне в город"[2] - и в этих лаконичных, полных уничтожающей иронии ремарках содержится не меньше информации о характере персонажа, чем в его собственной напыщенной и лживой речи - и чем могло бы быть в прямой авторской характеристике.

В другом очерке ("У подножья Илан-Дага") сочувственное, доброе отношение А.Адалис к героине проявляется в не совсем обычном употреблении избитой метафоры, обретающей в данном контексте новый смысл: Пери Искандерова - "тюркская крестьянка без чадры с д в а ж д ы  о т к р ы т ы м спокойным лицом..."[3]

---

I А.Адалис. Джаксы.Записки о казахских колхозах."Новый мир", I93I, № 6, стр. I34.
2 А.Адалис. Еркамелейше! "Наша газета", 30 августа I927 г.
3 А.Адалис. У подножья Илан-Дага."Красная нива",I927,№ 7, стр.I4. Разрядка наша - С.К.

Интересна роль авторской интонации в очерке "Добрый кузнец" (из "Записок о казахских колхозах"[1]). Герой очерка - хитрый Нагман Шукуралиев, разбогатевший на подборке потерянных колхозных колосьев, - по определению самой А.Адалис - "подлец и классовый враг". Но эта, столь не свойственная Адалис, лобовая характеристика появляется лишь в последнем абзаце очерка, как бы обнажая и подытоживая то, что фактически составляет смысл всего произведения.

Характер персонажа и одновременно отношение к нему очеркиста - в самом стиле повествования, на сей раз почти лишенного речевых самохарактеристик.

Шукуралиев - "простой, милый человек, почти колхозник", "с доброй, тихой улыбкой" он угощает гостей "мягоньким кульчитаем", и в его доме всегда найдутся для уставшего путника молоко и подушка.

"Приятно жить по слову законов", а закон гласит:"все, что растет в саду человека, - собственность человека". В саду Шукуралиева растет непередаваемо прекрасный клевер."Он растет там по наивности сеявшего его (клевера по существу так мало, что он не подлежит сдаче. Шукуралиев посеял его, "боясь сенофуражных заготовок... По темноте и невинности мало ли что может изобрести середняк!"). А еще в саду Шукуралиева "растет" мельница. Она по ночам "обмолачивает зерно соседей, они платят хозяину зерном. Он не сеял. Он нуждается. Каждое утро с добрым и тихим лицом он запрягает арбу" и едет подбирать колосья. "Он может обеспечить себя, как птичка...","Неустанным трудом" сколотил он свои богатства...

---

I "Новый мир", 1931, № 6, стр. 138-139.

Подобные контрасты между содержанием и интонацией авторской речи создают несомненный сатирический эффект и играют решающую роль в раскрытии характера героя.

Интересно, что автор необыкновенно активен даже в пейзажных зарисовках. Растущие в саду Шукуралиева ореховые деревья "з а д у р и в а ю т  г о л о в ы  г о с т я м непрерывным поступательным шумом"; "б е з  у м о л к у  з а г о в а р и в а е т  з у б ы вода в арыке, обегающем сад, к а к  м ы ш ь".

На этом общем ироническом интонационном фоне столь же сатирично и уничтожающе звучат заискивающие речи самого Нагмана: "твои слова - золотые слова: нельзя гнать людей в колхоз насильно; расскажи нам, товарищ, что было на I6-м съезде, чтобы мы понесли эти золотые слова темным людям в горах. Уж мы обязательно понесем"."...Отдыхай, справедливый товарищ! Пусть дом Шукуралиева будет твоим домом!..."

Таким образом, роль авторской характеристики в этом и во многих других очерках А.Адалис тем больше, чем органичнее сливается авторский голос со всей системой разнообразнейших художественных средств обрисовки инонациональных характеров.

Инонациональные герои прозы и поэзии Адалис - несомненно живые, реальные люди - узбеки, туркмены, казахи, азербайджанцы. Но в то же время нельзя не заметить некоторой национальной неразграниченности их характеров. Разумеется, не ставя эту особенность в заслугу А.Адалис, попытаемся лишь дать ей определенное логическое объяснение. Очевидно, приехавшую в Азию русскую писательницу интересовали в 20-е годы

не столько специфично-национальные, сколько обще-восточные, отличающие ее героев от русских национальных характеров, черты.

Общеизвестно, что исторические связи некоторых народов определяют частичное сходство их национальных характеров.Не случайно даже в наши дни еще существует весьма спорное мнение о необходимости теоретического выделения общерегиональных национальных характеров ("восточных", "прибалтийских" и т.д.)[I]. Тем более простительна эта невольная оплошность для писателя 20-х годов, не ставившего своей целью точно дифференцировать национальную специфику характеров разных народов, а лишь пытавшегося - и несомненно удачно - изобразить увиденных воочию живых, интересных людей восточных республик.

Таким образом, А.Адалис была одной из первых, кому уже в 20-е годы удалось не только увидеть лицо подлинной Азии, но и, преодолев определенную литературную традицию, воплотить новую концепцию Востока в своем творчестве. Это тем более важно и интересно, что для самой писательницы это была не просто литературная победа, но поворотный этап в ее жизни и творчестве: постижение азиатской действительности оказалось постижением принципов новой жизни вообще. Как справедливо отмечали критики, А.Адалис подошла к теме социализма "через Восток" - через своеобразие, резкие контрасты старого и нового в национальных республиках[2]. Именно в

I См.: И.Брагинский. Взаимодействие советских литератур народов Средней Азии. Тезисы.-В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур, М., Изд-во АН СССР,I96I, стр.208.

2 См.: Дневник критика. "Литературный критик", I934, № I2, стр. I52.

Азии произошло ее первое столкновение с реальной действительностью, расширившее эстетский книжный мирок до масштабов необъятного мира живых людей и событий. Именно в Азии восторженные юношеские строки о любви к человечеству и революции наполнились живым содержанием и превратились из деклараций в подлинную, осознанную реальность.

Более того, именно здесь в творчестве А.Адалис появляется конкретный, живой человек - житель советских восточных республик. Тот закономерный литературный процесс, который для большинства советских писателей происходил под знаком "поисков героя", для Адалис оказался гораздо более сложным процессом поисков героя инонационального. В восточных произведениях А.Адалис 20-х годов берет начало проблема героя, которая станет главной в ее последующем творчестве 30-40-х годов.

126-1

# Г Л А В А  П

## ПУТЬ  К  ЧЕЛОВЕКУ

/Проблема героя в творчестве А.Адалис 30-х - начала 40-х годов/

Если попытаться коротко определить сущность каждого этапа в творчестве А.Адалис, то 20-е годы - это сложный путь писательницы к решению важнейшего вопроса: я и р е в о л ю- ц и я. Путь, прошедший через Восток, через его эстетическое постижение, через решение проблемы инонациональных характеров и обстоятельств.

В 30-е годы на первый план выдвигается другая, не менее важная проблема, которую рано или поздно решает для себя каждый советский писатель: я - р е в о л ю ц и и . 30-е годы для Адалис - это поиски "места поэта в рабочем строю", поиски нового художественного метода, соответствующего запросам времени, поиски нового литературного героя.

Если в человеке советского Востока Адалис интересовали прежде всего переломные черты, лишь зарождающиеся особенности нового характера, то теперь она ищет и учится изображать героя, олицетворяющего революционное общество, стоящего "в авангарде эпохи", во главе социалистических преобразований.

Связующим звеном между двумя этапами творчества А.Адалис, программной книгой, подводящей итог уже пройденного пути и в то же время впервые ставящей новые проблемы, стало произведение "Вступление к эпохе". Чрезмерно усложненная, громоздкая форма книги затрудняет ее восприятие и тем самым значительно снижает ее художественную ценность. Несмотря на это, "Вступление к эпохе" требует пристального литературоведческого внимания: это своеобразный документ, во многом отражающий сам процесс поисков и открытий писателя, предваривший и обусловивший появление многих других произведений А.Адалис 30-х годов.

О значении, которое придавала этой книге сама писательница, говорит письмо А.Адалис от 31 января 1934 г., адресованное издательству "Советская литература". "Я узнала о том, что книга "Вступление к эпохе" исключена из числа книг, издаваемых к съезду писателей. Для автора эта мера ведет к катастрофическому срыву всей его работы - литературной и организационной - так как, не имея в руках книги, подкрепляющей некоторые рабочие тезисы и аргументы, ... автор лишается морального права на большую задуманную им организационную работу - можно сказать, лишается права голоса на съезде..."[1] Адалис пишет о злободневности книги, проблемы которой "прямо обращены к писательскому съезду, к писательской общественности"[2]. И примечательно, что на письме стоит резолюция, признающая литературно-общественное значение произведения: "включить в план к съезду"[3] - и книга А.Адалис "Вступление к эпохе" выходит в мае 1934 года.

Это книга неопределенного жанра. По форме она напоминает пьесу: здесь и список действующих лиц, и три отчетливо выделенных композиционно драматургических акта, и целая система авторских ремарок, по всем правилам комментирующих происходящее.

Но драматургическое действие составляет особую - не художественную, а своего рода теоретическую часть книги. Поступки главных героев случайны и необязательны, характеры их

---

1 ЦГАЛИ, ф.627, оп.1, ед.хр. 25. Подчеркнуто А.Адалис.

2 Там же.

3 Там же.

лишь схематично намечены. "Писатель", "Слесарь", "Служащий зоопарка", "Девушка" лишены не только имен, но и каких бы то ни было признаков индивидуальности, и роль их в книге сугубо служебная: это люди-символы, напоминающие античные маски, откровенные носители авторских идей. На протяжении всего произведения они ведут между собой очень важную для автора философскую беседу, обсуждают волнующие автора вопросы и проблемы, и драматургическое оформление этой беседы - чисто условный литературный прием, придающий хотя бы внешнюю композиционную стройность многоплановой, многопроблемной и очень сложной по форме книге.

Драматургическое действие, составляющее основную сюжетную канву произведения, то и дело прерывается длиннейшими лирическими отступлениями - воспоминаниями героев. Воспоминания эти, оформленные в виде очерков, - вторая, художественная часть книги. Они призваны иллюстрировать, конкретизировать, художественно расшифровывать теоретические идеи, которые возникают и обсуждаются в философском разговоре главных героев.

Таким образом, "Вступление к эпохе" - это одновременно и "диалоги", и книга очерков[I]. По сути своей, а не по форме, по обнаженности и философичности проблем, по степени откровенности авторских симпатий и антипатий произведение это, пожалуй, ближе всего к лирическому дневнику. Именно так - "Дневник писателя" - и должно было оно называться по первоначальному замыслу. Однако Адалис сознательно снимает

I Именно так - "книга очерков" - определили жанр "Вступления к эпохе" авторы рецензий Б.Бегак ("Лит.газ.,30 сентября 1934 г.) и Т.Гриц ("Лит.критик",1934, № I2).

это название. Слишком сложна и искусственна для "Дневника" форма произведения, слишком беллетризированы авторские воспоминания.

Это книга свободной прозы, не связанной законами жанра; произведение, в котором автор присваивает себе право произвольно распоряжаться всеми известными ему элементами формы и строить замкнутый мир крайне субъективных художественных образов.

В расшифровке этой образной системы немалую роль играет уже само название книги. Слово "эпоха", неоднократно встречающееся и в других произведениях Адалис, - это не просто лексико-семантическое понятие. Это своеобразное художественное обобщение, романтический символ нового времени. Соответственно и "вступление к эпохе" тоже образ, символизирующий сложный и противоречивый процесс зарождения новой жизни, почти библейский - в понимании Адалис - но "доступный внешним чувствам акт сотворения мира"[1].

Библейские мотивы звучали, как известно, еще в поэзии "Кузницы". Вторая волна возвышенно-библейской литературной струи поднялась в 30-е годы - в годы великих социалистических преобразований. "День второй" - таково характерное название романа И.Эренбурга. Об эпохе "великого переселенья народов из капитализма в социализм" говорят герои Б.Ясенского. И если после революции это была тема разрушения старого мира, "бушующих дней мирового потопа"[2], то теперь - это мотив созидания, "сотворения нового мира". Именно так звучат библейские ассоциации и в книге Адалис.

---

1 А.Адалис. Вступление к эпохе. М.,"Сов.литература",1934, стр.42. Далее цитируется по этому изданию.

2 В.Кириллов.Красный Кремль.-В кн.:В.Александровский,В.Кириллов,С.Обрадович,С.Родов.Крепь.Стихи.Вологда,1921,стр.13.

"На крайнем юге Закавказья, на пограничном с Персией клочке земли закончен производством глубинный физико-химический процесс сотворения мира... Мне посчастливилось прожить там около года. В те времена маленький новый мир был еще ничем. Пыль вместо земли, пыль мертвой и перегоревшей социальной ткани...

При мне открывались первые родильные дома и первые педтехникумы. При мне зародилась сера и кристаллизовалась соль.

При мне, клубясь, зазеленел первый совхоз имени Буниат-Задэ в шипящей долине Шарура.

При мне еще не было законов. Я не знаю, что раньше,что потом.

Разложение прошлого и начало новой жизни шли в удивительной одновременности..."[I]

"Прах","пепел", "лаборатория жизни", "первичная туманность страны", "шипящая долина", как бы возникающая из небытия, - вся эта своеобразная лексика, неизменно появляющаяся в книге в рассказах о новых стройках и социалистических преобразованиях, - вызывает ассоциации вполне определенного плана, и мотив "сотворения нового мира" становится одним из стержневых во "Вступлении к эпохе", становится тем образным облачением, в котором предстает тема революции.

Строительство дороги в горах (очерк "Сера") - и первый паровой молот в механических мастерских, ухавший "ритмично и невыразимо прекрасно"("Пепел и соль"); лаконичный приказ комиссариата внутренних дел Нахичевани "давать воды на рудники столько, сколько было велено, и за исполнением следить

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр.I4-I5.

следить, следить" ("Это было в 1926 году") - и победа над страшной малярией в Харурской долине (там же); первое социалистическое соревнование на маленькой кавказской МТС ("Трус") и организация рабочего контроля на соляных промыслах ("Это было в 1926 году") - все эти большие и малые дела Революции составляют в произведении А.Адалис конкретные реалистические детали одного символического образа "сотворения мира".

В адалисовской концепции "сотворения мира" есть немаловажная деталь: "Этот процесс проделан человеческими руками, хотя всегда считался нерукотворным... Я там был. Но я лепил, мял, вертел и не видел ничего, что было бы сделано богом..."[1] На фоне библейского образа возникает важнейшая проблема произведения: человек новой эпохи. "Дискуссия о новом человеке" - это название одной из рецензий на книгу[2] действительно как нельзя лучше выражает сущность ее содержания.

Прежде всего, эта проблема решается Адалис в плане, так сказать, теоретическом: в философской беседе героев-резонеров постепенно, как бы при участии читателя, разрабатывается наукообразная "теория социального происхождения нового человека".

"Интересуюсь я переходом низшего вида развития живого существа в более высокий вид... в применении к человеку", - "открывает" тему Писатель[3]. "Мы... выясняем положение со-

---

1 А.Адалис.Вступление к эпохе, стр.43.
2 Б.Бегак. Дискуссия о новом человеке. "Литературная газета", 30 сентября 1934 г.
3 А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. 9.

циалистического человека в ряде живых существ",- вторит ему Служащий зоопарка[1]. И весь этот "философский", "научный" слой книги строится на откровенных ассоциациях, нарочито подчеркнутых параллелях с биологическими и социальными теориями самых разных авторов - от Дарвина и Спенсера до Энгельса.

Подобно превращению обезьяны в человека, внутри "человеческого вида" происходит своя эволюция - от низших классовых форм к высшей, социалистической - такова основная посылка, такова сущность разработанной "теории". Не забыты в ней и борьба за существование: выживает сильнейший - "тот, кто в грохоте, при сумасшедшем огне, в ужасе дикого труда, ... в лесу опасных машин сумел сохранить разумную мысль"[2]; и классовая сущность человеческого общества: "класс - это и есть... вторая природа человека. Высший вид - в высшей форме общественности"[3].

Подобные "научные" положения, выдвигаемые участниками "философской" беседы, развиваются, варьируются, наслаиваются одно на другое, но в конце концов неожиданно приводят к единственному простейшему выводу: "Высшая порода - это порода большевиков. Лучшие из лучших - те, кто уже "выбился в люди", объединяйтесь! Смыкайте железные ряды ВКП!"[4]

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. I00.
2 Там же, стр. I07.
3.Там же, стр. I08.
4 Там же, стр. II3.

Зачем же понадобились писательнице сомнительные параллели, научная терминология - вся сложная "философская" система? С одной стороны, возможно, для того, чтобы как-то расцветить, замаскировать чрезмерную прямолинейность основного итога, важного для Адалис, но чересчур газетного уже и для того времени. Однако необычная и в общем-то весьма далекая от литературы форма изложения, выбранная А.Адалис, вопреки воле автора затемняет и нарочито усложняет основную мысль книги. Эти социологические эксперименты над Дарвином нетрудно принять за давно устаревшую научную и философскую доктрину - так называемый социальный дарвинизм, и читатель далеко не сразу догадывается, что замысловатые философствования в книге вовсе и не претендуют на действительную научность и представляют собой не больше чем оригинальный художественный образ, главное назначение которого - выразить адалисовскую концепцию нового человека. Образ, который, по мысли автора, наиболее ярко выделит и подчеркнет "новизну" героя-большевика, его принципиальное, разительное отличие от человека прежних времен ("Пропасть лежит между человеком и собакой, но еще большая пропасть между мною и кулаком..."[I])

Этот искусственный,малоудачный, но полюбившийся писательнице образ появляется не только в прозе, но и в стихах Адалис того же периода. "Новое детство человека","первые люди на планете", "простой человеческий тип", "двуногие утконосы", "звериные норы" старого времени - все эти аналогии в сборнике Адалис "Власть" (1934) - вариации того

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр.53.

же самого сложного и странного образа-символа, образа-аллегории, и подлинный смысл их подчас окончательно проясняется лишь при тщательном сопоставлении с "первоисточником" - с книгой "Вступление к эпохе".

Закономерно, что дискуссия о новом человеке, ведущаяся во "Вступлении к эпохе", есть одновременно дискуссия о новом литературном герое. Писатель, во многом дублирующий автора, на протяжении всей книги ищет нового героя не только современной жизни, но и литературы - и находит его на глазах у читателя. Это один из собеседников, Слесарь - типичный представитель нового поколения, "один из миллионов лучших", которые строят города и заводы, выигрывают соревнования и ликвидируют прорывы, - тот самый, о ком пишут газеты и о ком нужно слагать песни и стихи.

Именно такой герой действительно становится в этот период центральной фигурой советской литературы. "Чумазый Марат"-сапожник Н.Тихонова, "механики, чекисты, рыбоводы" Э.Багрицкого, "большевики пустыни и весны" В.Луговского, "строитель" Д.Кедрина и многие, многие другие безымянные герои поэзии конца 20-х - 30-х годов; стоящие в том же ряду, но обретающие имена и достоверные реалистические характеры персонажи романов В.Катаева и И.Эренбурга, Л.Леонова и М.Шагинян - все они принадлежат к когорте "победителей" и воплощают в себе черты человека новой эпохи.

Однако в произведении Адалис Слесарь оказывается предметом не столько художественного, сколько опять-таки теоретического исследования. Это заведомо искусственная схема, не герой, а лишь авторское представление о том, каким дол-

жен быть герой современной литературы. Лишив его индивидуальности, Адалис наделяет Слесаря лишь самыми общими, типичными чертами, наиболее характерными, по ее представлениям, для человека нового времени.

"Молодой член партии - образец здорового и сознательного организатора на социалистическом производстве..."[1] Он молод, красив, энергичен, он "один из миллионов лучших"; он рассуждает об эндокринологии и декламирует застольную песню Пушкина ("какой рост культуры!" - отмечает Писатель). Наконец, - и это его главная роль в книге - он произносит страстный монолог, декларирующий, по мысли Адалис, взгляды на мир современного "героя эпохи": "Я - живая часть мира... В нем моя кровь течет... Мир - это я ... Мир - это не только я, а еще каждое другое сознательное я. Я - это мир, но ты тоже этот самый мир... Это очень похоже на звездное небо. Уйма звезд! Каждая звезда - центр!.. Я хочу вечно жить..."[2]

Неважно, что монолог этот составлен чуть ли не полностью из манифестов Уолта Уитмена: "Я широк. Я вмещаю в себе множество разных людей... И все они льются в меня, и я выливаюсь в них. И все они - я ... И каждая пылинка ничтожная может стать центром Вселенной..."[3] Совпадения почти дословные. Найденные когда-то американским поэтом слова вполне соответствуют сегодняшним художественным потребностям А.Адалис, и она с легкостью использует эти готовые формулы: ведь монолог условен, как условен и персонаж, его произносящий.

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. 82.

2 Там же, стр. IO3-IO4.

3 У.Уитмен. Песня о себе. Избранное, М., 1954, стр.IOI,60, 99.

Автор неизменно подчеркивает, намеренно утрирует его условность, "газетность", декларативность: Слесарь входит в повествование с газетой в руках, читая вслух статью о самом себе, и в авторских комментариях по этому поводу отчетливо звучит столь свойственная Адалис ирония ("О, какой парень!" и т.п.) Адалис делает все возможное, чтобы читатель понял: Слесарь не литературный герой, в художественной системе книги это лишь завершающее звено авторской концепции нового человека.

Герой нового времени, таким образом, был найден, сконструирована его схема. По-видимому, эта схема должна была наполниться конкретным содержанием, обрести живые, человеческие черты в очерковой части книги, по замыслу зеркально отражающей теоретические положения "Вступления к эпохе". Но примечательно, что среди всей разноликой галереи ярких образов, самобытных характеров, действующих в очерках, нет ни одного конкретного живого человека, воплотившего в себе черты идеального героя своего времени.

Члены правительства Нахичеванской республики - это неизменно безликие "смирные парни в ситцевых рубашках"[I]. Главный комиссар Хуссейнов, которому уделено немалое место в очерках, тоже ненамного более ярок и достоверен. Но зато гораздо реальнее и живее его посетители: сапожник "с бесконечно добрыми глазами", не желающий платить налог, контрабандисты, не умеющие обрабатывать землю. И даже в характере рабочего Акимова наиболее живая человеческая черта - это чудаческая боязнь болезней, и "послали его на помощь посев-

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. I7,I9,22.

ной не как лучшего из лучших, а потому что завком... пожалел выделить... настоящих людей, боясь остаться без готового актива"[1].

Так же, как и в 20-е годы, писательское перо Адалис достаточно умело изображает людей, лишь начинающих понимать и принимать социалистическое "сегодня", "щенков нового человека", по образному выражению Писателя, "детей" по душевному и социальному возрасту ("Подростки, люди беспокойные, опасный возраст"[2], - говорит о людях новой эпохи Служащий зоопарка), - но останавливается в нерешительности перед "героем эпохи".

Разумеется, сама Адалис не могла не почувствовать этого. "В книгах - люди плоские, неинтересные, почти без души. Человек уже давно не такой, как в книгах"[3], - замечает ее герой-Писатель и пытается ответить на сложный и очень важный для автора вопрос "почему?"

"Я не могу очень хорошо писать, потому что я не впереди тех людей, о которых пишу, - признается Писатель.- Как я буду писать о новом человеке, если я знаю только то, что он есть? Я вижу со стороны его поведение, но не понимаю, какой он; я могу мерить его только на свой аршин. Писатели всегда мерят героев на свой аршин - поэтому так ограничены большей частью новые люди в нашей литературе"[4].

Симптоматично, что эти слова были написаны задолго до того, как их почти дословно повторил с трибуны Первого съез-

---

1 А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. 83.
2 Там же, стр. 9.
3 Там же, стр. 65.
4 Там же, стр. 44.

да писателей Ю.Олеша: "Мне трудно понять тип рабочего, тип героя-революционера. Я им не могу быть. Это выше моих сил, выше моего понимания. Поэтому я об этом не пишу..."[I]

Этот тезис, который, очевидно, в какой-то степени можно отнести и к самой А.Адалис начала 30-х годов, отражает типичные колебания писателя-интеллигента, сложными путями пришедшего к революции.

Один из способов приближения литературы к герою, которого она нашла, но еще не всегда умела изображать, заключается, по мысли Адалис, в появлении нового типа писателя, стоящего р я д о м с героем, "в авангарде" новой эпохи. "Материал нынче пошел такой, что недостаточно быть талантливым писателем... Настоящему писателю наших дней нужно быть таким человеком, которому партия может доверить целый совхоз"[2]. Это писательское кредо далеко не одной только А.Адалис, это своего рода программа всей литературы тех лет. Еще в 1927 году в "Новом Лефе" появилась статья В.Шкловского о второй - практической профессии писателя[3]. "На производство"[4], "Писатели в борьбе с прорывами на производстве"[5] - такими характерными названиями пестрят журналы и газеты начала 30-х годов. Дискуссия о роли писателя в социалистическом строительстве проводилась в 1933 году журналом "Рост"[6]."Вмешательство поэта" не словом, а конкретным делом - поездки по стране, работа знаменитых писательских бригад - все это сыграло

---

I Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет.М.,1934, стр.236.
2 А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. 10,93.
3 В.Шкловский. О писателе. "Новый Леф", 1927, № I, стр.29.
4 "Литературная газета", 6 января 1930 г.
5 "Литература и искусство", 1931, № I, стр. 134.
6 "Рост", 1933, №№ II-I2.

немалую роль как для развития советской литературы в целом, так и для творческих судеб многих известных советских писателей. И сама А.Адалис, сменившая в восточных республиках множество самых разных профессий, фактически давно уже воплощала в жизнь этот только что теоретически оформленный ею тезис.

Загадка художественной достоверности героя - не только в личности п и с а т е л я , но главное - в художественном м е т о д е новой литературы. Таков следующий тезис, следующий этап размышлений действующих лиц "Вступления к эпохе" - и самого автора.

"Как писать живому о живых, не убивая их, к а к и м м е т о д о м ?"[I] - вот вопрос, составляющий сущность впервые поставленной в творчестве Адалис проблемы "писатель и время". По сути дела, это наиболее актуальный для всего литературного процесса этого периода вопрос о методе социалистического реализма. И, очевидно, именно поэтому так важна была для Адалис эта книга перед Первым съездом советских писателей.

Но положительный идеал А.Адалис пока еще весьма абстрактен. "Сравнительно близко то время, когда так называемое произведение литературы будет естественно и неприметно переходить в действительную жизнь"[2]. Что же это за поэзия, имеющая право "конкретно влиять на мир", дающая Писателю возможность "переделать мир своими руками"? "Стенгазета", - "робко" предлагает Служащий зоопарка. Но Писатель, согла-

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. II. Разрядка наша - С.К.
2 Там же, стр. II3.

сившись с ним, тут же признает: "Но такой нет... А я все-таки хочу писать о живых людях"[1]. Здесь трудно согласиться с В.Канторовичем, понявшим "стенгазетный" идеал чуть ли не буквально и обвинившим писательницу в отказе от вымысла и в фанатическом превознесении очерка как "единственной литературной формы современности"[2]. Ведь речь во "Вступлении к эпохе" идет не о жанре, а гораздо шире и серьезнее - о творческом методе советской литературы. Здесь очень важно замечание Писателя: "Стенгазета? Вы правы! Гигантская, н е в е р о я т н о  х у д о ж е с т в е н н а я стенгазета"[3]. Очевидно, "стенгазета" - это просто еще одна аллегория в общем образном ряду книги, еще один образ, как бы буквально раскрывающий общеизвестную метафору "я хочу, чтоб к штыку приравняли перо", но не претендующий на законченность и буквальность. Практического же ответа на вопрос о новом методе "Вступление к эпохе" так и не дает. Художественная часть книги, которая могла бы стать положительным образцом, на самом деле оказывается лишь оригинальным голосом в споре автора произведения с самим собой.

Очерки, вошедшие во "Вступление к эпохе", не менее интересны, а художественно гораздо более значительны, чем запутанные, порой противоречивые философские построения книги. Это образец зрелой прозы Адалис, сохраняющей лучшие традиции ее очерков 20-х годов. Не случайны здесь столь многочисленные образные, сюжетные, тематические переклички с произведениями предыдущего десятилетия[4]. Каждый из этих очерков

---

I А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. II.
2 В.Канторович. На пути к простоте. "Наши достижения",1935, № 3, стр. 159.
3 А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. II. Разрядка наша - С.К.
4 Ср."камешек серы", похожий на желтого цыпленка", во "Вступлении к эпохе" (стр.20) - и"цыплячья серная руда" в "По-

вполне мог бы стать самостоятельным литературным произведением[I]. Но в то же время ни по стилю, ни по манере рассказа, ни по способам постановки проблем и обрисовки человеческих характеров очерки эти фактически не вносят ничего принципиально нового в художественный почерк писательницы. Это творческий итог, а не художественное открытие, завершение, а не начало очередного этапа писательских поисков. Современная же эпоха, а главное, ее герой - требует, по мысли Адалис, каких-то иных слов и приемов, иных способов художественного изображения.

И второй голос в этом оригинальном литературном споре принадлежит самой Адалис, оценивающей свое творчество с точки зрения сегодняшнего дня, поднявшейся над собственными произведениями, "выросшей" из них, не удовлетворенной ими, размышляющей о новых путях и решениях.

Интересна в этом отношении фигура столичного журналиста - героя одного из очерков[2]. Это тот самый тип писателя, который высмеивала Адалис еще в "Песчаном походе". Его заметки написаны штампованным газетным языком; он восхищается рабочим дворцом, которым так возмущалась когда-то А.Адалис[3]. Его инонациональные герои говорят на ломаном русском языке и неустанно восклицают: "Якши новая жизнь". Казалось бы, это просто дань прошлому, еще одна пародия на давно отвергнутый и высмеянный экзотизм. Но удивительно и даже парадок-

---

священии лошади Наргыз"; "каменные комоды армянских надгробий" - во "Вступлении к эпохе" (стр.22) и в очерке "Исмаил" и мн. др.

I Характерно, что многие из них были напечатаны в 1933 г. в журнале "Молодая гвардия" (№ 9) под общим названием "Сотворение земли".

2 А.Адалис. Беюк-Дуз - дорога на соль.-Вступление к эпохе, стр.45.

3 См.: А.Адалис. Стоянка Ноя.-Песчаный поход.М.,1929,стр.I2I.

сально: в заметках этого журналиста мелькают цитаты из ранних очерков самой А.Адалис[I], и Писатель, откровенно дублирующий автора, признается: "Это был я..."

Никогда не была похожа А.Адалис на этого высмеянного ею героя, но в порыве всеотрицания она принижает даже собственное творчество, отождествляет его с экзотическими поделками, клевещет на самое себя и отвергает достигнутое ею самой, пускаясь в поиски совершенно новых художественных принципов.

Поиски эти лишь начинаются в программной книге "Вступление к эпохе". Они займут не только 30-е, но и военные - 40-е - годы, и лишь в поэме 1945 г. "Прогулка в ноябре" будет подведен первый и очень важный творческий итог. Путь художника к этому итогу окажется долгим, сложным и непрямолинейным.

С одной стороны, это будет постепенное углубление,расширение самого художественного понятия "человек". Адалис, начав с поисков формы, придет к пониманию того, что новый метод - это прежде всего новые принципы взаимодействия писателя со временем и героем. Взаимодействия не поверхностного, выражающегося в трудовом общении "на производстве", а гораздо более серьезного, ведущего к постижению истинной духовной и идейной сущности "героя эпохи".

С другой стороны, такое взаимодействие неизбежно приведет поэта к ощущению своей, личной причастности к делам "эпохи", своей духовной общности, единства с объективным героем. Будет происходить своего рода "лиризация" поэзии Ада-

I Ср.,например,"огромные розово-зеленые черепахи расползшихся холмов" в "Стоянке Ноя"("Песчаный поход",стр.I2I) и "розовые или полосатые,как сердолик,нашлепки холмов,похожие на гигантских спящих черепах" в записках журналиста ("Вступление к эпохе", стр. 45) и др.

лис, постепенное усиление в ней авторского, лирического начала. Это движение поэтической формы отразит внутренний процесс развития авторской мысли, изменение художественной концепции, лежащей в основе творчества поэта.

Лирика А.Адалис 30-х годов - это первая попытка ответа на вопросы, поставленные во "Вступлении к эпохе", это первые нечастые находки - и пока еще довольно многочисленные потери на очень важном этапе писательских поисков.

- "Вышла книга стихов Адалис "Власть". Трудно назвать другую равноценную книжку за последний год"[1].

- "Неплохая, но погоды не делающая, холодная, риторическая, "умственная" книжка Адалис "Власть"[2]...

- "Небольшая, но очень цельная, эта книга стихов показала нам яркую поэтическую индивидуальность, новое явление в поэзии"[3].

- "Это лишь освеженное, но не новое раскрытие настроений и чувств,.. знакомых по творчеству Багрицкого и Луговского"[4].

- "Такие стихи, как "Элегия", "Ода гордости", "Диалектика сыну" - праздник советской поэзии"[5], - восклицает Д.Мирский.

- "Отмена праздника"[6], - полемизирует с этим мнением уже само название статьи Н.Брауна.

---

1 Дневник критика. "Литературный критик",1934,№12,стр.152.

2 Ю.Добранов. О "философской" поэзии и ее критиках."Книга и пролетарская революция",М.,1935, № 8, стр.102.

3 Ал.Смердов. Первая книга поэта."Сибирские огни",1940,№2, стр.174.

4 Ник.У. Заметки поэта."Советская литература",1935,№3, стр.154.

5 Д.Мирский.Вопросы поэзии."Литературная газета",5 февраля 1935г.

6 Н.Браун. Отмена праздника."Литературный Ленинград",1 апреля 1935 г.

- "Адалис пишет просто, ясно и умно"[1], - замечает А.Тарасенков.

- "Стихи растянуты, им не хватает внутренней ясности и простоты"[2], - таково мнение А.Македонова.

- У лирического героя Адалис "типичное самочувствие о б ъ е к т а революционной переделки"[3], - считает А.Сурков.

- "А.Адалис хочет не только в о с п е в а т ь революцию, но и быть выразителем мыслей и чувств ее у ч а с т н и к о в "[4], - пишет в своей литературоведческой книге по поводу "Власти" А.Селивановский.

Этот оригинальный многоголосый диалог нетрудно продолжить: сборник стихов А.Адалис "Власть", вышедший в том же, что и "Вступление к эпохе", - 1934 году, - вызвал бурную дискуссию.

Трудно утверждать чью-либо абсолютную правоту в этом споре: книга А.Адалис действительно давала повод для самых разных, порой противоположных выводов и мнений. Но гораздо важнее другое. "Власть" настолько злободневна по самой сущности ее содержания, что, несмотря на явно экспериментальный характер отдельных стихотворений, даже несмотря на художественное несовершенство некоторых из них, тем не менее стала заметным явлением в советской поэзии своего времени. Именно поэтому дискуссия о ней вышла за рамки узкого критического спора. Поэзия А.Адалис послужила поводом, вокруг

---

1 Ан.Тарасенков. Поэзия первого разумного века."Знамя",1935, № 2, стр.209.
2 А.Македонов. О "Власти" и лирике больших обобщений."Наступление", 1935, № 4-5, стр.135.
3 А.Сурков. Откуда ждать хорошей погоды?"Литературная газета", 6 марта 1935 г. Разрядка автора.
4 А.Селивановский.Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936, стр.341. Разрядка автора.

которого разгорелась яростная полемика уже не столько об одной конкретной книге, сколько о решаемых в ней проблемах - о проблемах, вставших перед всей советской литературой в это важнейшее для нее десятилетие.

Необходимо сразу оговорить, что следующий поэтический сборник - "Братство" (1937) - гораздо менее удачен, и даже лучшие его стихотворения лишь повторяют находки и открытия "Власти". Именно поэтому мы позволим себе, несколько отступив от хронологического принципа, вести речь об особенностях лирики Адалис 30-х гг. в целом и, привлекая для исследования наиболее интересные стихи из сборника "Братство", не анализировать эту книгу отдельно.

Несмотря на то, что "Власть" - первый увидевший свет поэтический сборник А.Адалис, автор не включил в него ни одного (!) раннего стихотворения. За исключением нескольких наиболее удачных восточных опытов конца 20-х гг., "Власть" составлена из произведений, писавшихся одновременно со "Вступлением к эпохе", - в 1932-34 гг. Адалис, таким образом, и в поэзии как бы отказывается от всего ранее созданного и ставит перед собой принципиально новые художественные задачи. И главная из них - это, как и во "Вступлении к эпохе", герой нового времени, постижение его характера, поиски художественных принципов его изображения.

Что касается поисков героя - первой и неотъемлемой части общей проблемы, - то этот вопрос в лирике Адалис уже не стоит: о ком писать - было решено во "Вступлении к эпохе", и программное стихотворение "Элегия", открывающее сборник "Власть" и представляющее читателю главного героя лирики

А.Адалис этого периода, буквально повторяет на языке поэзии монолог уже знакомого нам Слесаря:

Я, верно, огромен, что слышат меня беспрестанно!
Я, верно, летаю, что править страной не устану!
... Так дико я близок с чужими людьми и делами,
Что часто мне кажется: мир есть мое продолженье.
... Как центр мирозданья и главная гордость его же
Я полон сознаньем горячей, искрящейся дрожи!
Но прочие люди - такие же центры вселенной,
И это явленье на звездное небо похоже![1]

Условные, гиперболические образы ("бессмертное тело мне дали гигантские люди", "я, верно, огромен", "мир есть мое продолженье"); спокойная, размеренная, величавая,почти без пропусков ударений ритмика пятистопного амфибрахия, в которую легко укладываются многосложные и "многогласные" слова; возвышенная философская лексика ("эпоха", "вселенная", "мирозданье") - вся художественная система стихотворения раскрывает, по мысли Адалис, внутренний мир современника, его мироощущение победителя, гордого своей безграничной властью над миром, историей, природой, Вселенной[2].

Тем не менее и в "Элегии" чувствует и мыслит не живой, конкретный человек, а некая обобщенная, гигантская, космическая и несколько отвлеченная личность, пока еще лишь дублирующая в поэтическом варианте все того же схематичного Слесаря. Цель поэта - оживить эту сконструированную во

---

I А.Адалис. Элегия. - Сб. Власть. М., "Сов.писатель",1934, стр.8. Далее цитируется по этому изданию.
2 Именно в этом - символическом,философском смысле следует понимать название сборника "Власть".

"Вступлении к эпохе" схему, изобразить художественно достоверный, многогранный человеческий характер.

Однако само понимание сущности этого характера, сам принцип авторского отношения к герою, в какой-то степени общий для всей литературы 30-х гг., несколько ограничили художественные возможности при попытках достижения этой цели.

Через много лет, в поэме 1945 г. "Прогулка в ноябре", вспоминая о прошлом, сама Адалис создаст обобщенный образ, очень точно воспроизводящий принцип отношения к человеку, типичный для 30-х гг.

Казались нам строители метро
Гигантами
без маленьких страстишек,
Колумбы нам предчувствовались в них,
Когда они шагали мимо слабых...[1]

"Гиганты" - и "слабые", герои - и все остальные. Линия разделения неизменно существовала, и внимание писателя привлекал чаще всего не обычный "средний" человек, а именно "Колумб", первооткрыватель, "лучший из лучших" - идеальный, даже идеализированный герой. И если даже декларировался как раз человек обычный - "сосед по квартире" (Кирсанов), "один из миллионов лучших"(А.Адалис), воспринимался он все равно как герой, как человек исключительный." Время такое - сплошная героика, и стать героем - у каждого шанс"[2]. Здесь акцент стоит и на слове "каждом", и на слове "героем".

---

I А.Адалис. Прогулка в ноябре. -Стихи и поэмы, М., 1948, стр.109.
2 С.Кирсанов. О героях. - Актив, М., 1933, стр. 16.

Не менее важно и то, что линия разделения между "героями" и "не-героями" проходила чаще всего в сфере труда. Ведь не случаен был писательский лозунг "на производство". Не просто "ближе к жизни", а именно "на производство" - к станку, на завод. Считалось, что только там проявляются во всей полноте главные, важнейшие черты характера современного человека.

Вспомним, что в литературе этих лет преобладает образ "делателя вещей" - человека труда, рабочего, непосредственного участника "сотворения нового мира". Гидрографы, ветеринары, рыбоводы -"победители" Багрицкого; "р а б о т н и - к и пустынь и полей" - у Луговского. Примеры нетрудно множить. Дело, работа, труд - на первом месте в характеристике человека и в творчестве А.Адалис. Именно по профессиям различаются нарицательные персонажи "Вступления к эпохе" (Слесарь, Писатель, Служащий зоопарка); всегда и прежде всего человек дела - герой сборника "Власть".

Строитель или геолог, бетонщик или плотник, прораб или кузнец... Он строит города и дома ("Мы город выстроим в степи"), добывает нефть или ищет руду ("Бакинские стихи","Песня о граде"). Человек или в процессе труда, или в разговоре о труде, но всегда так или иначе связанный с трудом - таков один из основных принципов изображения героя А.Адалис.

Такая трактовка героического характера закономерно обедняла его, ограничивала поэтические возможности изображения человека. На втором плане нередко оказывались не только "маленькие страстишки" "Колумбов", но и большие страсти, и большие мысли - все то, что, наряду с любовью к делу рук

своих, составляет внутренний мир человека.

У Адалис в 30-е годы почти нет любовной, философской лирики. Понятия "счастье", "любовь", "человеческое тепло", даже "искусство" - ассоциируются у нее с "потаенным дном души", с "нежностями неприличными","скрываемыми страстями" ("Полуночный разговор"). А если речь идет все же о любви ("Любовь"), то опять-таки лишь в одном определенном плане:

Ты теперь уже такого склада,
Что годишься для великих дел...
... Голосом своим послужишь людям,
Будешь музыкантом у меня...[I]

Сама Адалис несомненно понимает: время "кожаных курток" давно прошло; живой человек умнее, сложнее, интереснее, чем подобная схема. "Надо писать о чувствах нового человека", - заявляет она во "Вступлении к эпохе"[2].

Хороший, сильный человек,
Который любит свет и снег,
Или стеклянные шары
Степной лазури и жары,
Бассейны, горные ключи...
... Дорогу в горы, гул морей,
Людей, моторы и зверей -

- то есть всю "перекатную полноту" жизни - декларируется и в сборнике "Власть"[3]. Но именно декларируется - и далеко не всегда художественно осваивается.

I А.Адалис. Любовь. - Сб.Братство.М., ГИХЛ, 1937,стр.10. Далее цитируется по этому изданию.
2 А.Адалис. Вступление к эпохе, стр. 44.
3 А.Адалис. Мы город выстроим в степи. - Власть, стр. 43.

В наиболее интересных стихах А.Адалис 30-х годов намечены определенные возможности выхода из этого ощущаемого самим поэтом противоречия.

Во-первых, герой лирики Адалис романтичен. Именно романтизм, с его возвышенным мировосприятием, с его гиперболизмом оценок и эмоций, позволяет художественно достоверно изобразить героя - "гиганта", возвеличить его,приподнять над действительностью, в то же время не особенно вдаваясь в конкретные детали его реального, земного бытия[I].

Действия человека в стихотворениях Адалис - это всегда не будни, а подвиг, "не в тылу, но под обстрелом"[2] - некаждодневные, исключительные обстоятельства, требующие максимального напряжения духовных сил. "Дорогу сносит с ног буран ... И был аврал, и ветер выл..." в "Бакинских стихах"[3]. "Гиблые края", "сухой ад" - место действия "Песни о граде"[4]. "По глухим, неезженным местам, по степям, от зноя обалделым, и таинственным погранпостам" проходит герой стихотворения "Любовь"[5].

Романтичен и постоянный гиперболизм образов в поэзии А.Адалис: ее герои строят не просто дома, но "дома, подобные

---

I Это романтическое изображение типического характера в исключительных обстоятельствах роднит лучшие произведения А.Адалис 30-х годов с творчеством таких признанных советских романтиков, как Э.Багрицкий и В.Луговской.Не случайно имя А.Адалис нередко ставилось критикой в один ряд с именами этих поэтов. См.:Н.Степанов. Советская поэзия за 20 лет. "Литературная учеба",1937, № 10-II; А.Селивановский. Очерки по истории русской советской поэзии.М.,1936;Дека. Второе рождение поэта."Литературная газета",24 ноября 1934 г. и др.).

2 А.Адалис. Диалектика сыну. - Власть, стр. 28.

3 А.Адалис. Бакинские стихи. Там же, стр. 32.

4 А.Адалис. Песня о граде. Там же, стр. I6.

5 А.Адалис. Любовь. - Братство, стр. I0.

далеким хребтам Гиссар и Сулейманов"[I]; невиданно перевыполняют нормы - "кладут по тридцать три замеса при старой норме двадцать два"[2] (интересно, что в черновике "разрыв" еще неправдоподобнее: "двести десять при старой норме тридцать два"[3]). В этом же образном ряду стоят и "большой, восхитительный глобус", "бесчисленные фонари" ("Ода гордости"), "невиданный сад" ("Полуночный разговор"), "безбрежный баритон"("Мы город выстроим в степи") и т.д. Отсюда же - и максимализм чувств героя: "едва выносимая жалость", "страшная боль" ("Ода гордости"), "счастье, бившее через край" ("Полуночный разговор"). И традиционно-акмеистическая, но переплавленная в горниле нового метода и служащая новым целям эмоциональность эпитетов и тропов: "зеленая жизнь", "воинская свежесть"("Ода гордости"), "просторный" взгляд, "двухверстка праздничной окраски" ("Дома, подобные..."). И даже пейзажи, которые при всей их изобразительной точности и конкретности всегда несут в себе и эмоциональный заряд, передают приподнятое, "победное" настроение героя: "счастливое небо", "молодая луна" ("Ода гордости"), "светлые воды" ("Мы город выстроим в степи"), "теплый гул морей" ("Песня о граде"), наконец, яркое, многоцветное, праздничное:

Алеют горы в синем дыме,
В зеленых
молниях
снегов![4]

Романтический герой А.Адалис - в силу особенностей та-

---

I А.Адалис. Дома, подобные...-Власть, стр. 35.
2 Там же, стр. 36.
3 Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. I3.
4 А.Адалис. Дома, подобные ... - Власть, стр. 37.

ланта самого автора - закономерно отличается от своих литературных собратьев. Рядом с мягким, лиричным М.Светловым, рядом с грубоватым, цветистым Э.Багрицким и философичным, задумчивым В.Луговским - романтизм А.Адалис как-то чрезвычайно возвышен, торжественен, чуть ли не космичен.

Это и высокие, библейские ассоциации в рассказе о повседневном труде: "Землю вылепить из пыли и пройти по ней.Воду, вроде Моисея, высечь из камней..."[1] Это и "космическое" ощущение героя: "мир есть мое продолженье" ("Элегия"), позволяющее ему не только принять в свое сердце "говор нерусской реки"[2] и "плач испанских матерей"[3], но и почувствовать, как под ногами "слегка качается земля"[4] - планета, летящая в мировом пространстве. И интересно, что это не тревожная, "сумрачная", чуть ли не роковая, как у ищущего и часто сомневающегося героя В.Луговского, подчиненность космическим законам ("Мы - новое время - в разгромленной мгле стоим на летящей куда-то земле... История встала над нами"[5]), а более свойственная всему духу поэзии А.Адалис уверенная в себе гордость "героя эпохи", творящего историю своими руками.

С космической направленностью романтизма Адалис связан оригинальный, лишь ей свойственный способ создания романтического образа.

Как справедливо заметил В.Огнев, "может быть, самая главная черта той стихии, которую мы именуем романтической

---

I А.Адалис. Песня о граде. - Власть, стр. I6.
2 А.Адалис. Это сердце мое. - Братство, стр. 28.
3 А.Адалис. Весна. "Смена", I938, № 5, стр. 5.
4 А.Адалис. Мы город выстроим в степи. - Власть, стр. 39.
5 В.Луговской. Кухня времени (I929 г.). Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта, М., I96I, стр. 87.

поэзией, есть чувство непомерности"[I]. Сущность романтического мироощущения - это умение "за каждой мелочью революцию мировую найти"; цель поэта-романтика - приукрасить каждодневное, превознести, возвысить обыденное.

В Госторге у горящего костра
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов...[2]

Этот очень мирный, приземленный, ничего общего с романтикой не имеющий зачин стихотворения В.Луговского "Большевикам пустыни и весны" вдруг резко прерывается всего одной строкой совсем иного, гораздо более обобщенного и возвышенного настроя: "А ночь была до синевы светла..." И снова, как ни в чем ни бывало, продолжение земной, каждодневной картины:

Член посевкома зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука...

И опять явно меняющее "ключ" обобщение:

А по округе, на плуги насев,
Водил верблюдов большевистский сев.

И так - от строфы к строфе, от образа к образу через все стихотворение Луговского проходит все более ясно ощутимым подтекстом возвышенная, романтическая тема, и лишь изредка она вырывается на поверхность, обнажая сущность авторского видения мира. От частного к общему, от низкого - к все более высокому - таков путь создания романтического эффекта у В.Луговского.

---

I В.Огнев. В.А.Луговской. - В кн.: В.Луговской.Стихотворения и поэмы, стр.7.
2 В.Луговской. Большевикам пустыни и весны. Стихотворения и поэмы, М., I96I, стр. I25.

А.Адалис исходит из другого, пожалуй, прямо противоположного принципа. Романтическая "непомерность" у нее не в подтексте, а непосредственно в содержании стиха. Ее герой гораздо более открыто выражает свои мысли и чувства. Именно поэтому в ее стихах немало того, что принято считать риторикой и декларативностью. Но в лучших своих произведениях Адалис умело заземляет патетику, связывает ее с вполне конкретной, земной основой. И не в возвышении низкого, а, напротив, в снижении чересчур - до риторичности - высокого заключается парадоксальная сущность создания романтического образа в поэзии А.Адалис.

Так, в "Полуночном разговоре" - герои, романтически-откровенно исповедующиеся "о заветном и дорогом", помещены автором в подчеркнуто реалистические обстоятельства: "соломенные тюфяки", "некрашеный стол", "стаканчики в руках", "слабый свет", "а под горкою, на востоке ржали лошади,выли псы" и т.д. А дважды повторенный обнаженно-декларативный, "высокий" рефрен ("нам приходится в жизни круто, нам знакомы и страсть и страх, а в решающую минуту мы оказываемся на постах") сочетается с нарочито-сниженным лексическим фоном: "бабенка", "болтать", "хорохориться", "братишечка" и т.д.[I]

В стихотворении "Дома, подобные..." отнюдь не романтические "промерзающие болота", "тяжелые бутцы" соседствуют с обобщенно-поэтическим, возвышенным образом: "Мы - люди дальности походной с короткой песенкой прямой ... в юртах, горячих и раздутых, в палатках будущих портов..."[2]

I А.Адалис. Полуночный разговор. - Власть, стр. I9.
2 А.Адалис. Дома, подобные... Там же, стр. 35.

Наконец, в "Диалектике сыну"[1], одном из лучших стихотворений этого периода, - очень "человеческое", как бы специально упрощенное самим незамысловатым ритмом старой солдатской песни обращение старшего поколения к подрастающей смене, становится одновременно наказом матери "настоящему" сыну:

Свой устав не перепутай,
Сгоряча не забывай:
Горло шарфиком укутай,
Ножки в боты обувай...
... Потеплей, сынок, укройся,
Одного, сынок, не бойся -
Днем и ночью быть в бою ...
... Проходи в походе смелом
Не в тылу, но под обстрелом,
В облаках и под водой...

Именно в этом столкновении двух разных планов и тем, двух стилевых течений заключается возможность прямой соотнесенности интимного, камерного зачина с приподнято-патетической концовкой, в открытой форме преподносящей основную авторскую мысль: "Хорошо на свете жить, будем жизнью дорожить!.. А бессмертья нам не надо, потому что смерти - нет!"[2]

I А.Адалис. Диалектика сыну.-Власть, стр. 27.
2 Интересно, что, перешагнув через три десятилетия, стихотворение это родило своеобразный поэтический отклик."Моя диалектика" - так называется стихотворение сына А.Адалис, поэта В.Сергеева, выросшие целиком из произведения Адалис, построенное на тех же образах и ассоциациях,выполненное в том же ритме, в том же стилистическом ключе:

В одиночку и с отрядом
Я шагал со смертью рядом
И познал в осьмнадцать лет,
Что бессмертья нам не надо,
Потому что смерти нет!

(В.Сергеев.Вокзальная площадь.М.,I969,стр.5).Закономерно, что и оно звучит не только как ответ сына матери,но и как перекличка двух поколений.

Подобное диалектическое сочетание великого и малого, общего и частного, абстрактного и земного в поэзии Адалис 30-х годов придает обнаженно-яркому проявлению мыслей и чувств героя не декларативное, не риторическое, а особое - возвышенно-романтическое звучание.

Еще одна интересная особенность поэзии А.Адалис 30-х годов заключается в самом художественном принципе изображения героя. Ее строитель, геолог, рабочий - это всегда герой не только романтический, но одновременно и герой л и р и ч е с к и й . Стихи этого периода написаны от первого лица, хотя поэт и не скрывает, что "лицо" это далеко не тождественно автору: это чаще всего даже первое лицо мужского рода. Фактически это все тот же, характерный для всей литературы 30 гг. человек нового времени, но у Адалис он выступает в поэтическом облике лирического героя. Лирик по направленности своего таланта, Адалис избирает для создания объективного характера старый, найденный еще в 20-е гг. для изображения инонациональных персонажей способ лирического перевоплощения.

В таком изображении героя свой внутренний смысл,своя программа, претворяющая в поэтической практике декларации "Вступления к эпохе": присоединение себя, своего авторского голоса к общему строю "миллионов лучших".

Критик Д.Мирский определил эту особенность Адалис как "поэзию лирического голоса без лирического героя"[1]. Вряд ли стоит вдаваться в детали схоластического спора о терминах.

---

1 Д.Мирский. Нам нужна поэзия больших лирических обобщений. "Литературная газета", 24 марта 1935 г.

Лирический герой, или лирический голос, - сущность этого художественного приема одна: автор ощущает свое право выступить от имени любого из тех, кто строит города и сажает сады.

С одной стороны, такое непомерно широкое "я" Адалис, включавшее, кроме личности автора, любого другого человека новой эпохи, несло в себе определенное зерно обезличения.

Мы город выстроим в степи!...
Не посреди вот этих вот
Катящихся назад - вперед ...
...Печатных знаков!...
...Мне город выстроить пора
Из полновесных кирпичей!...
... Я обещаю и берусь
Войти в работу и, войдя,
Остаться в качестве вождя,
Прораба или кузнеца,
Но быть упрямым до конца...[I]

Это уже не классическое отрицание "чистого искусства", обетованного "града поэзии", отделенного от жизни глубоким рвом, а скорее отказ от поэзии как таковой, еще один поэтический вариант призыва 30 гг. - "писатели - на производство!"

"Перевоплощение", основанное на таком лозунге, это в какой-то степени самоотречение поэта, отказ от собственной личности во имя приобщения к абстрактному лику "героя". И если в сборнике "Власть" это еще довольно редкие неудачи ("Полуночный разговор", "Бакинские стихи"), то в "Братстве"

I А.Адалис. Мы город выстроим в степи. - Власть, стр.42-43.

и тем более в последовавших за ним газетных и журнальных стихах конца 30-х гг. ("На родину", "Оттесняя врага", "Стихи о борьбе" и многие другие) - эта опасность обезличения реализовалась в полной мере. Космизм романтического героя в подобных стихах оборачивался риторикой, а декларации, не оживленные мыслью и чувством самого поэта, так и оставались холодными и рассудочными декларациями. Приглушение собственного голоса, нивелирование личности автора закономерно обедняло поэзию, и найденная Адалис форма в таких случаях утрачивала свое содержание и превращалась в пустую оболочку безликих, декларативных стихов.

Однако в том же способе лирического перевоплощения заложена и другая возможность, выводящая поэзию А.Адалис 30-х гг. на иные, более плодотворные пути.

В лучших стихотворениях этого периода - "Диалектика сыну", "Песня о граде", "Бессонница" и некоторых других живая многообразная личность автора не тонет, не исчезает в принятом на себя чужом художественном "я", а, напротив, легко и открыто прорывается через него - и оживляет,обогащает тем самым литературный образ героя.

В основе такого перевоплощения лежит духовная, психологическая, социальная общность поэта и "человека новой эпохи", облик которого поэт принимает. И чем теснее слияние, спаянность героя с личностью самого автора, чем органичнее взаимопроникновение лирических и эпических компонентов художественного образа, тем ощутимее полнота и цельность характера этого своеобразного лиро-эпического героя, тем удачнее, глубже, интереснее созданные А.Адалис стихи.

Интересно, что герой одного из стихотворений такого рода ("Песня о граде"[1]) начинает и кончает свой рассказ о том, как он "строил город в золотящемся тумане, на солончаке" – строками из старого (1929 г.) лирического стихотворения самой А.Адалис, обращенного к "вольному городу Самарканду" – любви ее "юношеских лет"[2]. Автор как бы приписывает герою собственные давние переживания – и в то же время сам будто действует "за него", ведет речь от его имени о его сегодняшних делах и новых чувствах, о любви "зрелости моей" к "городку из фибролита", выстроенному своими руками. Соответственно меняется и концовка стихотворения: уже не "вольный город Самарканд", а "городок из фибролита, помни обо мне!". Старое лирическое стихотворение используется, таким образом, для создания эпического по своему внутреннему содержанию характера, и одно это уже говорит о единстве автора со своим героем, о полноте и достоверности художественного перевоплощения.

Подобное перевоплощение в "Песне о граде" и других стихотворениях возможно и удачно прежде всего потому, что Адалис хорошо знакомы конкретные детали биографии действующих лиц ее произведений, реалистические обстоятельства их быта и бытия.

Основным источником литературного материала и в 30-е гг. продолжает оставаться для Адалис советский Восток, с которым все так же тесно связана ее общественная и литературная деятельность.

Многочисленные поездки в Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан. Работа по раскрепощению женщин в Нахичевани и по

---

1 А.Адалис. Песня о граде. – Власть, стр. 15.
2 См. А.Адалис."Если любит человек..." "Красная нива",1929, № 21, стр.5.

раскулачиванию в казахских степях. Очерки и корреспонденции в столичных и республиканских газетах и журналах на самые разные, но всегда важные и наболевшие темы[1]. Целая серия этнографических очерков в журнале "Наша страна" о восточных республиках и городах[2]. Активное участие в освоении современного фольклора восточных народов: сбор и редактирование фольклорных материалов[3], статьи о политическом и художественном значении этого движения[4]; И наконец - многочисленные переводы восточных народных песен и произведений молодых национальных авторов[5].

Творческое взаимодействие А.Адалис с советским Востоком продолжалось, и не случайно большинство лучших ее стихотворений 30-х годов построено на этом,хорошо знакомом поэту восточном материале. Здесь трудно провести границу между эпикой и лирикой: Адалис ведет речь от имени все того же "героя эпохи", но повествует об увиденном и пережитом ею самой.

---

I А.Адалис. Манна небесная. "Правда в степи", Чимкент, I2 сентября I930 г. Оседают кочевники. "Наши достижения",I93I, № 9, стр. 49. Вопросы худжума. "Революция и культура",I929, № I2, стр. 29. О клубной работе на Востоке. Там же, № I5, стр. 53. Тихая сапа. Там же, I930, № 7, стр. 30 и др.

2 А.Адалис. Жемчужина городов. "Наша страна", I937, № I, стр. II. Ташкент. Там же. I937, № 9, стр. 37. Страна сказочных перемен. Там же, I938, № 7, стр. 4. В краю таджиков. Там же, I938, № I2, стр. I6. Самарканд. Там же, I939, № 3, стр. 30.

3 А.Адалис. - один из редакторов сборника "Творчество народов СССР". М., изд-во "Правда", I937.

4 А.Адалис. Десять тезисов. "Лит.газета", II октября I933 г. Голосуют песней. "Октябрь", I937, № II, стр. 232. Поэзия народа. "Известия", I6 сентября I937 г. Начало счастья. "Литер.газета", I0 апреля I938 г. Волшебное стекло. "Правда", 28 августа I939 г. и др.

5 М.Рагим, О.Сарывели, С.Вургун и мн. др. Именно здесь,в этих первых опытах следует искать истоки столь известной и высоко ценимой переводческой деятельности зрелой Адалис.

Повернутые вспять человеком "крутогорбые реки" ("Элегия"), "кислое просо с хлебом пополам", "вместо хлеба - соль в лавчонках Туркмен-Сауды" ("Песня о граде") - это снова живая Азия, и в ее восприятии все усиливаются новые ноты: не просто пейзаж, не просто изображение, а конкретные приметы жизни человека, перестраивающего, обновляющего старый Восток.

Стихотворение А.Адалис "Бессонница"[1] - это воспоминание и одновременно мечта; это сегодняшняя "пыльная и знойная Азия" ("Все мне чудится полог шершавый, запах дыма и кашель овцы") - и в то же время будущий "зеленый приют молодых садов". Романтически обнаженные контрасты образов как бы подчеркивают смешение, сближение этих двух поэтических планов:

Бережок невысокий и с и н и й
Я купил бы для т у с к л о й реки,
Ч е р н о з е м бы собрал для п у с т ы н и
И мичуринских лоз черенки...
Я большие поселки построю
На сухом и пустом берегу...

Герой "Бессонницы" особенно, откровенно романтичен. Здесь и типичное для поэта-романтика стремление к необычному, непривычному, некаждодневному. Здесь и обнаженно-эмоциональное восприятие мира, открытое выражение чувств и ощущений.

"Бессонница" - наиболее яркий пример уже упоминавшегося, характерного для А.Адалис "заземления" высокого, уточнения абстрактного, романтизации риторического. Герою не просто мерещатся романтические "конь да луна", но "поводья

---

I А.Адалис. Бессонница. - Братство, стр. 5.

рукам моим снятся и усталым ногам стремена". "И восходят на скудном такыре небывалого вида дворцы..." и т.п. Но не только это придает герою стихотворения жизненность и реальность. Множество эпитетов, обилие красок, которые находит Адалис для изображения "неприютного мира" пустыни, задушевная интонация поэтической речи ("Отпусти меня лучше,товарищ...", "Не о том я грущу, командир..."), ласковые, разговорные "бережок" "ветерок долгожданный" - все это как бы освещает стихотворение изнутри "ни с чем не сравнимым чувством" - любовью поэта к стране его юности. И эта романтическая любовь автора к Востоку, помноженная на конкретное знание его, делает художественно достоверным героя этого стихотворения.

Несмотря на то, что Адалис, изображая нового человека, неизменно пользуется одним излюбленным способом лирического перевоплощения, герои ее стихотворений не похожи один на другого. Неоднозначны их характеры, разнообразны поэтические компоненты одного и того же художественного образа "героя эпохи".

Оригинальный вариант этого типичного для Адалис 30-х годов героя, продолжающий одну из художественных линий 20-х годов, - стихотворение "Журавли"[I] (1936).

Вышло так, что к друзьям я теперь улететь не могу,-
Над железной дорогой в тумане летят журавли...
Мне такая печаль, что в письме написать не могу,
Сквозь серебряный дождь вы летите на юг,журавли!

Это снова стилизация, снова инонациональный лирический характер. И опять в национальную форму восточной поэзии

I А.Адалис. Журавли. - Братство, стр. 35.

(мусаммат, четверостишия с оригинальной рифмовкой) вкладывается новое содержание, и классическая тема[1] обретает современное звучание.

У восточных авторов "Журавли" - это чаще всего тема скорби, отчаяния, безысходный, тоскливый плач поэта о навеки утраченной родине: "День и ночь я о родине слезы лью. Я,как вы, чужестранец в чужом краю; вдаль я вас провожаю, скорбя, журавли"[2]...

У Адалис же главной становится не судьба одинокого человека (да он и не одинок: "сотни тысяч друзей моих вдруг раскрывают глаза!"), а тема возрожденной и обновленной родины. И именно поэтому традиционная печаль первой строфы уступает место настроению светлому, торжественному, радостному.

Как мне вам рассказать о жемчужине мира - Баку?
Черный жемчуг - Баку, перламутровый воздух - Баку!...
О вдохните его, о вдохните его, журавли!...
... Где пустыня была - там кричит молодая вода! -
О глотните ее, о глотните ее, журавли!...
... Где увидите новый засеянный чаем гектар,
Затрубите над ним, затрубите над ним, журавли!...

Ритмика стиха, исполненная гораздо большей внутренней динамики и энергии, чем в "Журавлях" восточных поэтов и при этом не только не выходящая за рамки классической формы мусаммат, но рожденная сочетанием именно традиционно-восточных ритмических приемов (повторы, синтаксические параллелизмы, рефрен "журавли, журавли"). Светлые, эмоционально окра-

---

I См. "Журавли" Вагифа, Закира, Видади и др.

2 Закир. Журавли. - Антология азербайджанской поэзии, М., 1939, стр. I09.

шенные эпитеты и сравнения ("серебряный дождь", "нефтелив-бирюза", "появитесь для них, как цветущая ветвь, журавли!..") Более "оптимистичная" система образов, окружающих главный образ-символ: не "разрушенный кров" проплывает под крыльями журавлей (Закир), а "темный камень домов, как зеленая в море гроза"; не "крылатый злодей", "злобный сокол" на дороге их ждет (Видади), а "перламутровый воздух", "светлая вода" и голубые просторы. Все это придает характеру лирического героя весьма определенное - современное звучание.

В контрастном сопоставлении с характером-антиподом изображается герой в стихотворении Адалис "Памяти сэра Лоуренса"[I]. Конкретный Лоуренс - бессменный "восточный"деятель английской разведки - становится для Адалис обобщенным символом враждебного мира - мира лжи, лицемерия, угнетения, презрения к людям Востока.

Ни людям не друг,
ни деревьям,
ни звездам,
ни рекам,
И тем ты постыл,
кто твоей наигрался судьбой...
... И сколько б ни грабил,
ты не становился богатым;
Куда бы ни шел, за собой ты пустыню волок...

---

I А.Адалис. Памяти сэра Лоуренса. Из редакционного портфеля журнала "Знамя", I937, № 2. ЦГАЛИ, ф.6I8,оп.I,ед.хр.84. (Опубликовано в сб. "Январь-сентябрь" в другой редакции).

Образ пустыни - страшной и враждебной - сопровождает Лоуренса на протяжении всего стихотворения: "Пески и самумы. Пыльные переходы... Барханы Сахары - огромная, дикая спальня... Здесь время - как молот, пространство, как наковальня..."

Размеренная приглушенность тонов в рассказе о его жизни; назывные предложения, лишенные движения во времени и пространстве; даже звукопись - будто воспроизводящая лихорадочное бормотание больного ("свой бред о Британии, бывшей царице морей..."). Все это как бы создает вокруг героя трагическое настроение обреченности, неподвижности, подчеркивает пустоту и бесцельность его тайного существования.

И совсем по-иному звучит тема противостоящего Лоуренсу лирического героя стихотворения. Даже пустыня, его окружающая, - не мертвяще-холодная, а живая и обновленная:

Барханы - и звезды
над руслами будущих рек...
... Теперь зеленеют поля без единой межи.
Простая присяга
рабоче-крестьянского войска
Бойцов охраняла
от ужаса, бреда и лжи ...

Откровенная публицистичность, подчас излишне прямолинейный контраст утверждений и образов - все это оправдывается и окупается эмоциональной насыщенностью стихотворения, высокой нотой его лирического настроя. Гордое превосходство - и снисходительное сожаление к поверженному врагу ("Спи. Я победитель. Когда бы ты был моим братом, ты был бы сегодня

живая душа, а не прах...") ; уверенность в завтрашнем дне - и дружелюбие к смуглым "бродячим людям, делящим с гостем чурек" - эта сложная и многообразная гамма чувств и настроений лирического героя не придумана, не сконструирована в угоду прямолинейной поэтической схеме, но пропущена через сердце поэта, и в этом секрет удачи стихотворения.

Интересно, что произведение на эту же тему было почти одновременно написано Н.Тихоновым[I]. Не исключено, что именно оно послужило первотолчком для создания стихотворения Адалис[2], но нельзя не признать, что эмоциональный, страстный поэтический монолог Адалис намного удачнее растянутого, аморфного стихотворения Тихонова, построенного на сложных, отвлеченных реминисценциях (Лоуренс - скиталец Одиссей - безвестно гибнущий "Никто", забывший свое имя...). И, очевидно,не случайно известный поэт ни разу не включил своего "Лоуренса" ни в один последующий сборник, а "Памяти сэру Лоуренсу" А.Адалис, по досадной случайности не увидевшее света в 30-е годы, безоговорочно помещено в последнем, завершенном перед самой смертью ее сборнике, включившем, наряду с новыми,лучшие произведения поэтессы разных лет[3].

Говоря о поэзии А.Адалис 30-х гг., нельзя не упомянуть одну особенность, которая в этот период проявляется еще не

---

I Н.Тихонов. Лоуренс. - Тень друга. Л., 1936, стр.76.

2 А.Адалис откликнулась на тихоновского "Лоуренса" в рецензии на его книгу "Тень друга" ("Книга и пролетарская революция", 1936, № 5) и, возможно, именно у Тихонова позаимствовала композиционный прием параллелизма героев.

3 А.Адалис. Эпитафия сэру Лоу. -Январь-сентябрь. М., 1970, стр. 18.

часто, но в дальнейшем будет определять очень многое. В лирике этого периода есть стихи, в которых рядом с конкретным "делом", рядом с романтическим чувством открыто присутствует м ы с л ь - мысль поэта об эпохе, о "первом разумном веке", о месте человека в обновленном мире. Поэзия А.Адалис - "это не просто оптимистические славословия Родине, на которые так щедры бездумно трубящие в фанфары поэты. Это п р о д у м а н н о е, в з в е ш е н н о е, р а з у м н о е отношение к стране, которое ни капельки не становится от этого менее страстным и лирически напряженным", - писал о таких стихах А.Тарасенков[1].

И если, например, у Д.Кедрина сложные дороги новой эпохи проходят через с е р д ц е героя ("Над нами шумит эпоха, и разве не наше сердце - арена ее борьбы?"[2]), то у А.Адалис той же "ареной борьбы" оказывается человеческий р а з у м. "Что знаем мы о той эпохе, где только начинаем жить?[3]" - это лейтмотив тех стихов Адалис 30-х годов, в которых именно движение мысли, а не внешний событийный сюжет (даже если он есть) составляет основной поэтический стержень ("Элегия", "Ода гордости" и др.).

Так, в "Оде гордости"[4] три отчетливо выделенные композиционно части скреплены, казалось бы, чисто-внешней ассоциативной связью: небо - о к е а н над Москвой - "но даль о к е а н а пустынна,.. где шмидтовский лагерь разбит" - "мой стол, как рабочее м о р е, он с и н е й клеенкой покрыт"... Но внутреннее единство произведения - в общности

I А.Тарасенков.Поэзия первого разумного века."Знамя",I935,№2, стр.206.Разрядка автора.
2 Д.Кедрин.Поединок.-Избранное, М.,I957,стр.39.
3 А.Адалис. Дома, подобные..."- Власть, стр. 35.
4 А.Адалис. Ода гордости. Там же, стр. 9.

мысли-вывода,завершающей каждую из этих частей, мысли движущейся, как бы нагнетаемой и звучащей все громче по мере своего внутреннего развития: от несколько риторичного "Как много мы вынести в силах, как много мы можем поднять" - к более конкретному "Все страшное вынести в силах, любую печаль обуздать" - и, наконец, к романтически-преувеличенному "Все в мире мы вынести в силах - и землю поднять на руках".

Но такое п о э т и ч е с к о е выражение главной мысли становится в "Оде гордости" лишь основой для ее л о г и ч е с к о г о развития, и заключительная часть "Оды" - это открытое, в "лоб", декларирование, ничего не прибавляющее к уже сказанному ("Товарищ, товарищ, товарищ, мы начали жить по-людски..." и т.д.).

То же самое происходит и в "Элегии", и в еще большей степени - в "Надписи на скале у дороги". Адалис-философ в 30-е гг. еще не всегда умеет найти для мысли соответствующую ей художественную форму и сбивается на холодные, несколько рационалистичные рассуждения, вызывая справедливые упреки критики.

Тем не менее очень важно и, как мы увидим, закономерно само стремление Адалис к философским обобщениям, сама тяга к созданию поэзии мысли. По сути дела это первая в творчестве Адалис 30-х годов попытка поэта самому "взять слово", заговорить "во весь голос", не маскируясь под эпического героя, не принимая на себя чужого обличья. Попытка робкая, пока малоудавшаяся, но уже наметившая то новое,чему суждено было придти в поэзию Адалис гораздо позже - в 40-60 годы.

Лирика Адалис 30-х годов - это определенный этап художественных поисков поэта. В то же время это пусть небольшая,

но своеобразная часть общего литературного процесса страны. Ее открытия, так же, как и ее заблуждения, характерны для всей литературы этого десятилетия.

Значительное место в творчестве А.Адалис 30-х годов занимают произведения большой формы - поэмы "Кирову" (1934) и "Был я гостем в день рожденья сына" (1939). Главная проблема в них все та же: новый человек, герой эпохи. Но для разрешения ее Адалис находит новые поэтические возможности.

Толчком к написанию первой поэмы послужило убийство С.М.Кирова. Очень многие советские писатели и поэты откликнулись на эту неожиданную смерть. Поэмы М.Бажана, Б.Корнилова, С.Незлобина, Л.Поповой; стихотворения В.Луговского, С.Кирсанова, А.Гитовича, М.Голодного и многих, многих других. Художественные произведения, впоследствии составившие целые книги - "Писатели - Кирову", "Киров в поэзии", "С.М.Киров в художественной литературе", "Бессмертие". И на фоне всего этого выделяется поэма А.Адалис "Кирову". Выделяется, разумеется, не потому, что Адалис талантливее Луговского или Кирсанова. Просто событие, которое у большинства вызвало,как это часто бывает, искренний одномоментный отклик, в данном случае послужило поводом для создания давно назревшего,этапного произведения[1].

Казалось бы, главным героем такой поэмы должен был стать сам Киров - эпический персонаж с типичными и в то же время общеизвестными чертами биографии и характера. Но, как

---

1 Примечательно,что эту поэму единодушно выделили из общего потока и критики. См.: И.Гринберг.Образ вождя."Литературный Ленинград",8 декабря 1935г.;Ю.Островский. Лирический образ вождя. "Художественная литература",1935, № 12; А.Тарасенков. Поэма о Кирове. "Известия", 9 января 1936г.;Н.Степанов.Герои советской героической поэзии."Литературный современник", 1937, № 11 и др.

справедливо отметили критики, "прямого изображения Кирова поэма почти не дает"[1]. И это вовсе не слабость автора. Не эпическое изображение, а лирическое восприятие - таков основной принцип авторского отношения к материалу. "Создать в своей поэме образ товарища Кирова - такой мыслью я и не задавалась; в моем сознании не умещалось ничего, кроме личного чувства, которое было общим, и народного чувства, которое стало личным, моим, - писала впоследствии сама А.Адалис. - Мне не могли помочь ни биографические материалы, ни статьи, ни воспоминания других людей, потому что я писала о чувстве, а не о герое"[2].

Это уже нечто принципиально новое, по сравнению с лирикой Адалис. Характерна уже сама постановка вопроса "о ч у в с т в е, а не о г е р о е" - в то время как в стихах этого периода, как мы помним, "чувствам" отводилась лишь самая малая роль. Причем интересно, что это замысел поэмы - произведения, казалось бы, эпического. Лирика и эпос в творчестве Адалис 30-х годов как бы поменялись местами: в лирических по форме стихотворениях преобладает эпическое начало, действует по существу эпический герой, а эпическое произведение - поэма - получает подзаголовок "лирическая", который точно выражает ее художественную сущность. В поэме "Кирову" открыто присутствует сам автор - присутствует не действием, не участием в сюжете, даже не мыслью (как в философских стихах), а чувством, заинтересованностью в происходящем, непо-

---

1 И.Гринберг. Образ вождя. "Литературный Ленинград", 8 декабря 1935 г.
2 А.Адалис. То, чего нельзя забыть. "Литературная газета", 1 декабря 1939 г.

средственно выраженным отношением к героям и событиям.

Взволнованный поэт не выдерживает и нескольких строк беспристрастного повествования. Он все время вмешивается в действие, прерывает его восклицаниями, комментариями, авторскими рассуждениями. Даже пейзаж - казалось бы, нейтральная, чисто изобразительная картина северной природы - содержит в себе эмоциональный заряд, и каждый эпитет при всей своей живописной точности передает в то же время настроение автора, его отношение к изображаемому:

Мимо
    тихого Уржума
Шла
    холодная река,
Низко
    и неторопливо
Шли седые облака.
Стлались плоские дороги,
Уходя из городка,
Где весна была угрюма,
Радость лета - коротка...[1]

Тем более не может остаться равнодушным поэт, ведя речь о смерти Кирова. Уже само известие об этой трагической смерти не приходит в поэму эпически-повествовательно, как нечто уже пережитое и лишь упоминаемое (как, например, в стихотворении В.Гусева на ту же тему:"И вот он убит, об этом в ночи товарищ сказал мне сурово"[2]), - но неожиданно врывается в действие со всей силой и непосредственностью впервые

---

1 А.Адалис. Кирову. М., Гослитиздат, 1935, стр. 25. Далее цитируется по этому изданию,страницы указываются в тексте.

2 В.Гусев.Любимец партии.-С.М.Киров в художественной литературе.Л.,1937, стр.19.

услышанного, как бы переживается заново вместе и одновременно с читателем.

Легкое, радостное начало того отрывка, завершением которого будут два коротких и страшных слова: "Киров убит", ничем не предвещает трагедии. Еще в "воздухе" стиха - в светлых эпитетах, в радостно-восторженных интонациях разлито ощущение счастья:

Как светятся наши дворцы!
И нам по семнадцати лет!...
... Какие пошли времена!
Какая счастливая ночь!

(стр.I4-I5)

И первым, отдаленным сигналом беды звучит меняющее плавный, музыкальный ритм лаконичное, деловое, отрывистое: "Звонит телефон. Тишина. Звонки высоки и тонки". И потом - нарочито замедленно, как бы стараясь отдалить неотвратимое и в то же время все больше нагнетая тревогу:

"Ты слушаешь?" -
"Да, это я".
В глазах почему-то рябит...
"Ты слушаешь?" -
"Слушаю, да". -
"Ты слушаешь? Киров убит".

(стр.I5)

Интересно, что сначала (судя по черновикам поэмы) этот эпизод выглядел совсем иначе:

Ты слушаешь? Это Андрей
Из Наркомвнудела звонит.
Ты слушаешь? Киров убит[I].

I А.Адалис.Кирову. Из первых вариантов.Архив ИМЛИ,ф.84,оп.I, ед.хр.22.

Но чутье поэта подсказывает: конкретность имени, приземленность громоздкого "Наркомвнудела" - лишь затемняет главное, гасит высокое чувство. И тогда вместо этого появляется как бы предчувствующее неладное "в глазах почему-то рябит", и тройное "ты слушаешь", доводящее ощущение тревоги до апогея,- и короткое "Киров убит" звучит теперь совсем иначе - еще более весомо и трагично.

Лирический настрой поэмы приближает автора к погибшему герою, дает Адалис право и возможность, не боясь сентиментальности, говорить не только о гибели "большевика","бойца", "сына партии", но и просто о смерти Человека - "стойкого", сильного, даже великого - и в то же время близкого, земного "Мироныча", сумевшего стать "другом" тысячам людей. Поэт - один из этих тысяч - силой своего таланта находит для выражения общей скорби единственно необходимые слова.

Таким образом, "Кирову" - лирическая поэма, поэма "о чувстве, а не о герое". Но если бы т о л ь к о о чувстве, тогда произведение Адалис стояло бы в одном ряду с многочисленными и столь же искренними и проникновенными стихами-откликами на эту единственную и конкретную смерть. Все-таки, вопреки утверждению самого автора, поэма - и о герое. Она посвящена Кирову, но главный герой поэмы не конкретный эпический персонаж, а все тот же, пришедший из лирики А.Адалис этих лет обобщенный и всеобъемлющий "человек новой эпохи".

Очевидно, именно поэтому так и остались в черновиках целые отрывки, повествующие об отдельных эпизодах из жизни Кирова (здесь и рассказ о знаменитой Томской типографии, и

записи "о погибельном Кавказе николаевской поры", и многое другое[1]. Досконально изучив и даже подробно и последовательно воплотив в поэтическом слове подлинную биографию героя, автор в конце концов оставляет в тексте лишь те ее эпизоды, в которых жизнь одного человека наиболее тесно переплелась с биографией всей страны.

Именно такой расширительной трактовкой героя объясняется появление в произведении многочисленных и разнообразных поэтических голосов, далеко не всегда имеющих видимое отношение к центральной теме - теме Кирова.

Это и пришедшее из лирики Адалис широкое, обобщенное "Я", равно принадлежащее как самому поэту, так и любому человеку, перешагнувшему через грязь, серость и нищету старого мира в новую эпоху. "Я", по-прежнему отделенное от самого автора ("отец бродяжил, дед ослеп у горна..."), подчеркнуто многоликое, неопределенно-многозначное.

Это и эпические красногвардейцы, отвоевавшие у "белого гада" свой "край родной" и повествующие читателю об успехах своего "вольного" и "мирного" труда: "мой Чегем краснознаменный хлебным золотом залит"; "электрические звезды в падях Севера горят" и т.д.(стр.42-45)

И даже, как это ни удивительно, - народные песни, занимающие немалое место в произведении: "песня-северянка на вотяцком языке", "песенка-казачка, хоть стара, но хороша",песня из далекой Сибири - "лучшей песни не проси" - это тоже особые, музыкальные голоса героев, пришедшие из "первобыт-

---

I А.Адалис. Кирову. Из первых вариантов. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 2I-24.

ной старины" дореволюционной России и воплотившие извечную мечту народа об иной, счастливой жизни.

Все эти голоса органично вливаются в общую тему героя, дополняют и развивают ее, сплетаются в ней настолько неразрывно, что подчас трудно различить, где кончается один и начинается другой голос, где идет речь о самом Кирове, а где – лишь о подобном ему человеке и где все они, наконец, сливаются воедино, образуя сложный и оригинальный многоплановый поэтический образ.

Герой поэмы – это, с одной стороны, емкий и многозначный, возникающий по принципу, который впоследствии очень точно определила сама Адалис:"и "ТЫ", и "Я", и "ОН" – в одном лице"[I] – собирательный образ человека новой эпохи. С другой стороны, в самой полифонии голосов, в самом расширении темы героя рождается второй план, вторая "составляющая" того же самого образа: впервые в творчестве Адалис тема г е р о я закономерно и органично перерастает в тему н а р о д а .

Она возникает и в перекличках подчас почти не отличимых друг от друга голосов, и в намеренных неустанных подчеркиваниях множественности, одинаковости тех или иных, казалось бы, единичных образов ("и вот м и л л и о н ы таких домишек, и луж, и плетней", "то странное было село – одно в м и л л и о н а х имен") и, наконец, даже в открытых авторских утверждениях, выносящих на поверхность это подводное течение поэмы: "он давно уже с нами слит, стал давно уже

---

I А.Адалис. По вечерам.–Январь–сентябрь, М., I970, стр.56.

частью нас, на гробницу свою глядит миллионами наших глаз" /58/. В этих строках - не только любовь народа к своему герою, но и более важная для Адалис мысль: герой, сколь бы исключителен он ни был, - лишь часть огромного целого, имя которому - н а р о д. Герой и народ - художественная неразличимость этих понятий в поэме "Кирову", диалектическое единство этих двух поэтических линий внутри одного образа - это уже шаг Адалис на пути от утверждения романтического героя - "гиганта" к постижению истинной ценности человека нового времени и нового общества.

Расширяется в поэме "Кирову", по сравнению с лирикой Адалис, и диапазон поэтического исследования. Если в стихах действует несколько статичный романтический герой сегодняшнего дня, то в поэме человек дается в глубокой временной перспективе и ретроспективе, в диалектическом соотнесении его прошлого, настоящего и будущего. И вполне закономерно, что история "человека новой эпохи", неотделимого в представлении Адалис от своего народа, - неразрывно сливается с жизнью самого народа, с революционной историей страны.

Действие поэмы происходит как бы параллельно в трех временных планах. Первый - это давно прошедшие "глухие времена", живописная импрессионистичная картина, в которой отдельные, разбросанные по всему произведению мазки сливаются в общую панораму старой, дореволюционной России. "И вся эта серая грязь, и вся эта бездна тоски" Солдатской, Собачьей и многих других "слободок" /стр.10/. "Полутемный" северный городок, где "солнце - с ягодку брусники, месяц - ростом с ноготок" /стр. 29/. "В черных селах мироеды завлекали бат-

раков" (стр. 26). "Шли пыльной походкой солдаты, телеги скрипели в степи" (стр.16). "Матери рыдали, ... братья собирались на войну"(стр.32). Все это яркие и достоверные детали недавнего - и такого далекого прошлого.

На этом фоне закономерным контрастом возникает новая тема: "всякий, ставший человеком, с детства шел в бунтовщики" (стр. 27). Тема "бунта", "крамолы", "революции", развивается в поэме параллельно теме героя. В преемственности и непрерывности общего революционного дела - единство всех трех временных пластов поэмы, прямая связь прошлого с настоящим и настоящего с будущим.

"Что было - того уже нет" (стр.14) - таков лейтмотив "настоящего". Он звучит и в перекличках отдельных образов: "суденышки плыли по рекам" (стр.16) - и "весною пойдут суда по артериям сильных рек" (стр.57); и в прямых сопоставлениях до- и послереволюционной жизни на окраинах страны (в разговоре трех красногвардейцев), и в самом светлом, мажорном настрое повествования о сегодняшнем дне - в противоположность приглушенным, печальным тонам рассказов о прошлом.

И хотя для конкретного Кирова "настоящее" воплощается в нескольких мгновениях "глухого пушечного салюта", жизнь главного героя поэмы - человека новой эпохи - продолжается. Его "сегодня" - это и "как море шумящий Метрострой", и "нарастающая сила" новых заводов, и "гордый кировский отряд горняков-хибиногоров", добывающих "камень апатит", и Кировский край, где "глубоко поет руда". Это то настоящее, из которого закономерно и органично вырастает будущее."В тепло

работы жизнь переложив" (стр. 37) - такова "формула" бессмертия в поэме А.Адалис.

Нельзя не отметить, что эта мысль - бессмертие большевика в его делах - закономерно повторяется почти в любом произведении, посвященном смерти Кирова. Примечательно, что и у самой А.Адалис в стихотворении, написанном сразу по следам события, ведущим оказался именно этот мотив:

Когда гудки знакомого завода
Услышим снова завтра, как вчера;
Когда весною будущего года
В степное море выйдут трактора...
... Мы будем помнить - в их движеньи скрыто
Твое дыханье и твое тепло[1].

Но при этом столь же закономерно, что каждый поэт выражает эту мысль по-своему. Одни - прямолинейно, подчас риторично: "Он был из тех, чьей волею железной история повернута была,.. он был из тех, чей славный свет не меркнет..."[2] Другие - на языке художественных образов:

И мир исполински-прекрасный
Сиял над могилой безгласной,
И был он надежен и крепок,
Как сердца погибшего слепок[3].

Третьи - в непосредственном повествовании о самих делах героя: цикл эпических поэм М.Бажана о жизни Кирова так и называется "Бессмертие"[4].

---

I А.Адалис. Напутствие. -Писатели - Кирову, М.,I934,стр.22.
2 Н.Браун. Один из лучших. - Сб."Киров в художественной литературе", Л., I937, стр. 207.
3 Н.Заболоцкий. Прощание. - Стихотворения и поэмы.Большая серия б-ки поэта. М.-Л.,I965, стр.7I.
4 М.Бажан. Бессмертие.-Избранное. М.,I954, стр.I55.

Ближе всех к произведению Адалис поэма Б.Корнилова "Последний день Кирова"[I]: бессмертие Кирова для него не только в абстрактном продолжении большевистского дела, но и в непосредственной соотнесенности жизни героя с жизнью самого поэта. Эта мысль - и в тонкой перекличке конца поэмы с ее началом: "Скоро девять, пожалуй. Утро. Весел и прост, о н идет, моложавый, через Троицкий мост" - и "Песня вьется живая, вечер весел и прост, я иду, напевая, через Кировский мост"[2]. И в открытом провозглашении авторского кредо:

Я повсюду, где вырос
В полный рост
Город Киров,
И Кировск,
И Кировский мост...

Но если герой Корнилова эпичен, то лирическая форма поэмы А.Адалис позволяет ей воплотить тот же замысел еще более откровенно:

Твой век еще не кончен и не дожит...
Когда-нибудь, когда в составе прочих
Настойчивых плательщиков долгов,
Пойду с отрядом гамбургских рабочих
Иль астурийских стреляных стрелков, -
Как и сейчас я нас не разделяю,
Так и в бою подумаю любя:
"Вот этот раз я за себя стреляю,
А этот раз, Мироныч, за тебя!..."

(стр.38)

---

I Б.Корнилов. Последний день Кирова. - Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта. М.-Л.,1966,стр.452.
2 Как известно, Троицкий мост в Ленинграде переименован в Кировский.

Как и всегда у Адалис, задушевность интонации, конкретные, заземленные детали лишают эти торжественные строки декларативности, наполняют примелькавшиеся, стертые образы новым содержанием.

Таким образом, решение важнейших проблем произведения заключено уже в самой его форме - в способах организации поэтического материала, в самих принципах художественного воплощения мыслей автора. И вполне закономерно, что особенно большое влияние на форму поэмы о народе и народном герое оказал фольклор.

А.Адалис никогда не была чужда фольклору. Даже в самые ранние - 20-е годы, в пору увлечения всяческими "измами", из-под, казалось бы, безнадежно-книжного пера поэтессы вдруг неожиданно появляется... "Б ы л и н а о буйном клубе" /"Ой, селькоры мои, хлопцы красные..." и т.д.[1]/. Разумеется, это не больше чем шутка, "шалость" от избытка поэтических сил, но само обращение к народному творчеству, вылившееся в точную и умелую стилизацию, - весьма симптоматично. И не случайно впоследствии, уже в конце 20-х годов, именно восточный фольклор, наряду с классическими источниками, - определил художественное своеобразие наиболее интересных лирических стихотворений А.Адалис.

В 30-е годы, оттолкнувшись от всего ранее созданного, А.Адалис, как уже говорилось, пускается в поиски новой формы, наиболее полно соответствующей пришедшему в ее творчество новому содержанию. Еще довольно сильная книжная струя

---

I Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.5.

ее поэзии рождает разнообразные литературные реминисценции, а подчас и прямые подражания классическим образцам. Как и в 20-е годы, здесь снова появляются восточные мотивы ("Журавли"); перепевы пушкинских строк, соответствующие не столько "духу", сколько "букве" стиха великого поэта, а потому гораздо менее удачные, чем "Посвящение лошади Наргыз":

Каспийский вал,
Темней чернил,
Мне становился страшно мил. -
Здесь я страдал,
Здесь я любил,
Здесь сердце я похоронил![I]

Адалис не боится написать целое стихотворение в стиле и ритме лермонтовского "Мцыри", и новое содержание действительно побеждает старую форму ("Мы город выстроим в степи"). А в "Надписи на скале у дороги" явственно звучат ритмы и интонации брюсовского "Ассаргадона". И наконец, как бы завершив еще один виток спирали, поэт в своих исканиях возвращается "на круги своя" - к фольклору, на сей раз не к восточному, а к русскому народному творчеству.

В отличие от 20-х годов, фольклор в поэме "Кирову" - это уже не подражание, не стилизация, а органичное свойство стиха автора - народные мотивы, образы, ритмы, вплавленные в художественную ткань произведения и определяющие его народный дух, его поэтическую сущность.

Не стоит искать в фольклорных сборниках оригиналы пе-

---

I А.Адалис. Бакинские стихи. - Власть, стр. 32.

сен, которые выводят в поэме неизвестные "молодые голоса". "Почти невольно мне приходили на память мотивы народных песен, и я заполняла их с в о и м и  с л о в а м и"[I], - признавалась впоследствии А.Адалис. Фольклорный ритм четырехстопного хорея; типично песенные повторы: "Эх ты, доля моя, доля, непоклонная тоска! Эх ты, доля моя, доля, неповинная беда"; традиционные образы ("лазоревы цветки","добры люди", "дивные слова"); устаревшие слова и грамматические конструкции: "будем царство воевать", "не разгуливал моря", "малых деток колыбал". В эту специфически-фольклорную форму вкладывается современное содержание, соответствующее общему замыслу поэмы (вспомним: "заржавелые замки бы я с острогов посбивал").

Фольклорные традиции поэмы восходят не столько к песне, что было бы более закономерным, - но скорее к народной сказке. Здесь и сказочный мотив волшебной дудочки, выросшей на могиле убитого и раскрывающей секрет убийства. Здесь и типичная для сказки троичность: три песни, три красногвардейца, три раза каждый из них вступает в разговор; трижды повторяются даже отдельные слова: "собеседники проходят сквозь светящийся туман.., собеседники проходят, к собеседникам прилип, подхалимствуя и греясь, пресмыкающийся тип (45).

Особенно близка к сказке по своей форме вся часть о красногвардейцах. Раздумчивый, неторопливый сказочный зачин:

---

I А.Адалис. То, чего нельзя забыть. "Литературная газета", I декабря I939 г. Разрядка наша - С.К.

Три простых красногвардейца
Средь халупы ледяной
В свете лампы трехлинейной
Вспоминали край родной...
Первый - Чудского уезда,
Коношинского - другой,
Третий был кавказский горец -
Брови черные дугой ...

(стр. 39-40)

(Кстати, здесь и фольклорное подчеркивание одной яркой детали портрета). Типичное для сказки "постепенное" определение проходящего времени: "год проходит, два проходит, уж семнадцатый идет". Явно заимствованное из сказок о богатырях и народных героях "третий с о к о л отвечает..." Народные уменьшительно-ласкательные "винтовочки", "в обнимочку", "жеребеночек"; анафоры, повторы слов и даже целых предложений. Все это пришло из народного творчества и придает беседе красногвардейцев фольклорный, сказочный колорит.

Интересно, что как только в разговор красногвардейцев вмешивается противостоящий им персонаж - символически-обобщенный враг и убийца Кирова, фольклорность стиля мгновенно исчезает. Контраст тем более очевиден, что размер, ритм стиха остается тот же. Но зато разительно меняются и лексика, и интонация:

Божьи люди! Разрешите
Любоваться на пейзаж!
Я старинный, позабытый
Кровный выкормышек ваш...

... Движим ненавистью только,
Только завистью живу...

(стр. 46-47)

Так даже отсутствие фольклорности служит своего рода характеристикой отрицательного персонажа.

Не меньшую роль играет фольклор и в непосредственно-авторском повествовании. Строки из народной песни, воплотившей мечту о встрече с ожившим любимым человеком:

И, плача, запели молодки
В туманных и синих полях:
"Узнала тебя по походке"...
И зря выбегали на шлях

(стр.16)

- повторяются почти дословно в рассказе о Кирове: "друга старого своего по походочке узнаем"(стр.57)[I]. Придуманное Адалис и вставленное в третью песню "где я золота нарою, где поставлю города" тоже переадресовывается Кирову: "где он садики посадит, где поставит города" (стр. 25). Сказочное оживление природы, оплакивающей погибшего и в то же время символизирующей вечное продолжение его жизни:

Время к солнцу повернется,
Выйдет травка из земли,
Спросят: "Что тебя не видно?"
Пролетая, журавли...

(стр.50)

---

I Интересно, что эти же фольклорные строки ("Как поется в частушке, в слободке, я узнаю тебя по походке") вылились когда-то из-под пера Адалис по поводу смерти глубоко любимого ею человека (см.:А.Адалис.В.Б-у.Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I,ед.хр.3), и то, что они появились теперь, в лирической поэме о погибшем Кирове, - весьма примечательно.

И созданные по этому же образцу современные олицетворения: "самолеты молодые бросят гнездышки свои.., выйдут алые знамена, разгибая уголки..." Наконец, развернутое фольклорное сравнение, в котором символически сливаются образы женщины-матери и матери-родины:

Работящий и веселый
Был у матери сынок...
... Мать сыночка снаряжала,
Собирала, берегла...
... Так Мироныча любила
Вся советская страна.

(стр. 49-50)

Сравнение, подчеркнутое горестным рефреном: "сын к родимой не вернется, не вернется никогда" и имеющее глубокий и важный смысл.

Все эти разнообразные элементы фольклорной формы буквально пронизывают поэму и, с одной стороны, еще и еще раз подчеркивают народность ее главного героя, а с другой - свидетельствуют об органичном слиянии самого поэта со стихией народного слова и народного чувства, об его умении смотреть на мир глазами народа, говорить его языком.

Если поэма "Кирову", хронологически совпадающая с программными книгами "Вступление к эпохе" и "Власть", - это лишь первый ~~едва заметный~~ шаг за рамки художественной концепции человека, лежащей в основе лирики Адалис 30-х годов, то произведение 1939 г. "Был я гостем в день рожденья сына..." принципиально отличается от всего ранее написанного

и во многом определяет дальнейшее направление творческого развития А.Адалис.

"Был я гостем в день рожденья сына.."- поэма историческая и одновременно философская.И хотя содержание ее в какой-т мере связано с конкретным событием и даже с конкретным именем/"день рожденья сына"- это день рождения Сталина/,поэма эта не встала в общий ряд многочисленных и типичных для этого времени и этой темы произведений.Не случайно ни один редактор не решился дать ей "зеленую улицу",и "Был я гостем..." опубликована лишь в 1948 г. в послевоенном сборнике А.Адалис "Стихи и поэмы".

Все дело в том,что поэма,связанная с именем, олицетворявшим в 30-е годы для многих силу,величие - ту самую исключительность "героя эпохи",- по своей художественной сути противостоит самой идее культа выдающейся личности и опирается на новую в творчестве Адалис этой поры гуманистическую концепцию человека.

С высоты нашего времени ясно,насколько неправомерным и даже парадоксальным было подобное соотнесение гуманистической идеи с именем Сталина.Но вряд ли следует осуждать поэта за то, что он искренне разделял заблуждения своей эпохи.Тем более, что,как известно,важно не то,что х о т е л сказать художник,а то,что он с к а з а л в своем произведении.В поэме "Был я гостем..." идея гуманизма связывается не с определенным именем одной личности,а с мыслью о революции,о ее всепобеждающей Человечности.Именно в этом - суть поэмы,ее главный смысл,в этом - сегодняшнее звучание и значение этого произведения А.Адалис.

Примечательно,что имя "Сталин" вообще ни разу не упоминается в поэме.И когда в последних ее строках,наконец,говорится: "Был я гостем в день рожденья сына - дай припомнить... В доме

Джугашвили",то и здесь речь идет не о рождении исторической личности,а просто о появлении сына в доме грузинского башмачника.И характерно здесь это "дай припомнить": поэту не нужно и не важно конкретное имя,главная его мысль в другом - "новый ч е л о в е к пришел на Землю...".

Мы теперь в подробностях не знаем,
Что происходило в эту пору?
Кто проговорил какое слово?..
Кто откуда выглянул?..
Быть может,
В этот день башмачник не работал...
.... Может статься, как велит обычай,
Он пошел по улице селенья
В праздничной рубахе сбереженной,
В чистом архалуке, в чистой чохе, -
Увидав знакомых и соседей,
Каждому с почетом поклонился...[1]

Это "быть может"- не оговорка, оправданная обращением к хорошо известным фактам и событиям.Это тоже возведенное в принцип отношение автора к теме: может быть,все было именно так,а быть может,и совсем иначе.Да и не важны конкретные обстоятельства непосредственно-данного события.Сын родился в доме Джугашвили;"бабка Найя умерла в Оркети";"семь орлов над Картли пролетели";"два толчка подземных было в Гори"...Все эти новости,рассказанные стариком-прохожим,равновелики в общем движении вечно продолжающейся жизни.

Это не только жизнь человека,это и жизнь природы: не случайно человек и природа даются в поэме в постоянном поэтиче-

---

I А.Адалис. Был я гостем в день рожденья сына... Стихи и поэмы.М.,"Сов.писатель",1948,стр.100. Далее цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте.

ском единстве.Характер многочисленных сравнений:"К обомшелым склонам прилепились сакли - человеческие гнезда","женщины,как ласточки да галки,с криками над гнездами кружатся"; горцы "в бурках на орлов похожи"...Настойчивое "очеловечивание",олицетворение самой природы: листья винограда "слабо шевелились,как пустые,розовые детские ладони";"картвелы и мингрельцы жили в этом море нежного и дышащего камня";"плакал ветер","месяц тихо проскользнул из тучи в тучу";"есть у солнца чоха золотая"...

Эта намеренно проводимая через все произведение поэтическая линия придает новое,философское звучание старой проблеме героя.В таком контексте рассказ о рождении "сына" звучит как светлый гимн обновляющейся жизни вообще,а простые,безыскусные,будто подслушанные автором напутствия "сыну" - "пусть он будет крепким человеком,пусть растет он сильным и здоровым!..Пусть найдет себе на свете друга!..Пусть поищет сам свою дорогу"/стр.100-101/ - выражают народные представления о добре и зле и о тех путях,на которых человек становится Человеком."Может,кузнецом хорошим будет?..Может,выйдет из него учитель?.." Все это почетные для Человека пути.

В том, что сын башмачника встал во главе огромного государства, Адалис усматривает не только заслугу конкретной личности,сколько - прежде всего - закономерность революционной истории. Отсюда - столь своеобразное определение времени ее действия.Казалось бы,уже само в конце концов названное имя не вызывает сомнений в годе, месяце и даже дне происходящего. Но Адалис не ограничивается ни этим, ни даже прямым указанием: "год кончался семьдесят девятый девятнадцатого века".

Она намеренно и неуклонно на протяжении всей поэмы определяет время людьми и событиями.

Здесь и Салтыков-Щедрин, "изможденный, желтолицый человек в халате", выводящий темной петербургской ночью заключительные строки "Убежища Монрепо"(это, как известно, 1879-80 гг.).

Интересно проследить, как щедринская проза легко переводится на язык адалисовской поэзии. "Мироед, кабатчик и меняла", сменившие мастеров крепостного права, "алтарь отечества", на который "с охотой" приносились "тела чужие",даже "сапоги - картонные подошвы ратничков, пожертвованные мною", и наконец предсказанный не столько умом, сколько сердцем писателя приход "истинного наследника" - "сына Отечества" - все в этом отрывке буквально скалькировано с последней главы "Убежища Монрепо"[1]. Пришедшие из прошлого слова принадлежат уже не только герою, но, обретя в поэме вторую, современную жизнь, служат самому автору для точной характеристики русского капитализма.

А вслед за Щедриным появляется Маркс, "через два года" прочитавший "Убежище Монрепо" (опять-таки дата общеизвестна):"Чей это могучий лоб смуглеет в облаке седых кудрей?... Снова все продумает, - и громко перескажет Энгельсу и Женни". И рядом - Некрасов, "только год тому назад умерший"...

1 Ср. с "оригиналом":"Я, отставной корнет Прогорелов,некогда крепостных дел мастер,впоследствии оголтелый землевладелец, а ныне пропащий человек...Я говорил себе:отечество - святыня... Я... жертвовал на алтарь отечества чужие тела... и снабжал "защитников"... сапогами на картонных подошвах и нимало не думал о том,далеко ли уйдут на картонных подошвах мои ратнички"... (Н.Щедрин.Убежище Монрепо.Избранные произведения в 7 томах, т.5,М.,1948,стр.111,125,126).

Все эти временные вехи не только уточняют одну конкретную дату, но как бы условно ограничивают и "высветляют" для художественного исследования определенный момент русской истории.

Точно обозначив действие поэмы во времени, Адалис параллельно разворачивает его и в пространстве. Не только кавказское селенье, в котором празднуется "день рожденья сына",но и русская "деревенька-невеличка", и "тверские, рязанские, курские" поля, и "сахарные хаты сытого казачества", и Петербург, и аулы Дагестана - под пером поэта возникает широкая панорама дореволюционной России. Она складывается из отдельных исторически и художественно достоверных деталей:

Вновь солдаты
Шли на усмиренье Туркестана.
Каторжники шли, тянули песню
По большой Владимирской дороге...
Оренбургским трактом проходили
Мужички, - какие не померзли
В поисках земли обетованной:
Целый год искали Семиречье,
Где хлеба несеянные всходят!...
Ревизор на розвальнях проехал
На железную дорогу.
В санках
С бубенцами прокатил купчина;
Шли слепцы ставропольской дорогой, -
Про Кавказ погибельный запели ...

(стр. 95)

Каждая из этих деталей несет в произведении не только чисто изобразительную, но и вполне определенную эмоциональную и смысловую нагрузку. Не случайно поля - "на которых хлеб не уродился", "мужички" - "какие не померзли в поисках земли обетованной", "пахли дымом темные крестьянские жилища", "сердце просит хлебушка ржаного" - за всем этим встает нищая, голодная и холодная царская Россия.

Адалис не ограничивается этой общей панорамой и, как в кинематографе, неоднократно пользуется "крупным планом".Так возникает картина: старик-крепостной, бывший царский солдат, развеявший свою "солдатскую силу" на "чужом, погибельном Кавказе", рассказывает "про теплую сторонку" - про давно забытый, а потому рисующийся землей обетованной Кавказ, - и рассказ этот - воплощение извечной, неосознанной сказочной мечты народа об иной, счастливой жизни:

До того там небо голубое,
Что такого нет в Расее цвета...
... До того там жарко человеку,
Что в Расее нет такого жара...

(стр. 90)

"Голубое небо" - и сказочные "лазоревы цветы", неправдоподобно-прекрасная "банька" с "земляничным мылом" - и озеро, в котором "не вода, вино заголубелось"; наконец - "и господь бы все это дозволил..." Так причудливо и органично переплетаются в народном сознании - и под пером поэта - правда и выдумка, сказочное и реальное, желаемое и возможное, и все вместе сливается в красочную картину воплощенной мечты о народном "рае".

Интересно, что в дальнейшем Адалис как бы "опрокидывает" в действительность это отраженное идеальное представление и уже в реалистических конкретных красках рисует настоящий, а не придуманный "погибельный" Кавказ. "Свистел холодный, твердый ветер, сталкивая путников в стремнину"; "старое селенье разрушалось от землетрясений"; "дырявый войлок", пустой котелок, в котором вместо пищи "булькала и рокотала песня, музыка варилась и кипела... так бедняги коротали зиму, укрощая голод". Кавказские селенья и аулы, так же, как и русская деревенька, оказываются вовсе не раем, а лишь частью общей печальной панорамы дореволюционной России.

Поэтический мотив зимы, холода, снега ("реки стали"; "даже Волга крепким льдом закована"; "снег заносит наши деревеньки") - как бы переводит этот реалистический образ в более общий, символический план, и уж несомненно символично звучит пять раз повторенный в поэме рефрен: "снег лежал в России".

Но в то же время все более настойчиво звучит в поэме мелодия весны, весеннего обновления ("всюду злятся снежные метели, что весна зазеленеет вскоре"), и таким же символом становится второй рефрен, проходящий через всю поэму параллельно первому: "пробивался первый луч рассвета". В столкновении застывшего покоя и зарождающегося движения, беспробудной тьмы и пробивающегося света - сущность художественного конфликта поэмы. Не день рожденья определенного человека, а "день солнцеворота" в жизни дореволюционной России - таков глубокий философский смысл произведения.

Именно здесь лежат корни решения проблемы "человек и история". Человек в поэме - это собирательное философское понятие, олицетворяющее идею революции. Это и Герцен, "развернувший революционную агитацию" /В.И.Ленин/; и Чернышевский, звавший Русь "к топору"; и Маркс, и "старший брат Ульянов", размышляющий "о великом подвиге, о дружбе"; и рядом с ним - маленький Володя - последнее, решившее судьбу революционного "рассвета" поколение; и наконец, "сын", родившийся "в доме Джугашвили" и стоящий, по мысли Адалис, в этом же общем ряду.

Назначение Человека в Истории - приближать "луч рассвета" и в то же время, попав в него, в этот "луч", самому обретать новую, счастливую судьбу. Такова философская идея поэмы, и в фокусе этой идеи сливаются все "силовые" - образные и сюжетные линии произведения.

Поэма "Был я гостем в день рожденья сына..." вносит нечто принципиально новое и в художественную манеру А.Адалис.

Одна из критических статей о поэме "Кирову" была названа "Вторжение живописи"[I]. Это определение было бы еще более уместно в характеристике "Был я гостем...". То, что лишь робко намечалось в первой поэме, теперь превратилось в один из главных поэтических принципов. А.Адалис как бы раскрепостила собственный стих, доверилась ему, дала волю накопившейся

---

I Н.Маслин. Вторжение живописи. "Литературный современник", 1935, №12,стр.175.

в нем силе поэтического изображения. Она ничем не сковывает себя, даже рифмой, и впервые появившийся в творчестве Адалис белый стих льется легко и непринужденно, как бы стирая грань между тканью стиха и поэзией жизни.

В отдаленьи волновались волны
Гор светлосиреневых и синих, -
Будто бы воздушных, обведенных
Серебристой линией...

(стр.97-98)

Воздух там был постоянно полон
Музыкой ремесел...
Равномерно
Там кузнечные мехи вздыхали;
Медники постукивали дробно
По кастрюлям.
Грустно пел портняга;
Гончары отцовскими шлепками
Досаждали глиняным кувшинам;
Молотки башмачников сердито
Выколачивали дурь из кожи...
У чувячников журчала дратва,
Если к ней прислушиваться молча...

(стр. 99)

Поэт, не скрывая, любуется открывшейся ему красотой - красотой природы, красотой человека и его труда - и бережно переносит эту красоту в свою поэзию.

В поэме "Был я гостем..." в полной мере проявляется то, что еще в начале 20-х годов составляло особенность ранней

поэзии Адалис: острота наблюдений, меткость и неожиданность образов, неповторимость авторского видения мира. Звук тамбура, похожий "на подземный гул землетрясенья"; "седые башни" кавказских крепостей, "спящие на посту"; узкие заледеневшие горные дороги, "издали на молнии похожие"... Это настоящий, живой Кавказ, увиденный глазами поэта. А рядом - совсем другой образ, основанный на реальности, но получающий особое, символическое наполнение:

Будто Горы - племя великанов -
Год за годом городило город,
Миллионы лет без передышки, -
Не умея строить, тщетно силясь
Выразить все то, чем сердце жило!
И Работник, возмутившись против
Равнодушного блаженства неба,
Землю рвал, бросая в небо скалы,
И остановился на мгновенье,
Чтобы отдышаться!..
Век за веком
Вдохновенно трудится природа...

(стр.96)

И это тоже Кавказ, на изображение которого Адалис щедро тратит слова, краски, звуки из своего безграничного поэтического арсенала.

В то же время поэт, обогащенный опытом своей восточной поэзии, и в этом произведении всегда остается верным национальной, исторической, а следовательно и художественной достоверности.

Размашистый, фольклорно-цветистый, песенный, с повторами и анафорами сказ-воспоминание русского солдата:"Голубое небо в той сторонке, голубое небо, сини горы, сини горы, зелены долины, зелены долины, злы чеченцы..." И выполненный совсем в ином интонационном ключе, изобилующий национальной лексикой, восточными речевыми оборотами и образами рассказ старика-горца: "Что кому понравится на свете! Новостей не вынешь из папахи... Дай, о небо, счастья молодежи" и т.д. Будь то русская деревня ("наша печка топлена осиной, дым кислит и выедает очи...") - или горное кавказское селенье ("медленно сходили с плоских кровель женщины в холщевых покрывалах; набирали из холодной речки воду в узкогорлые кувшины...") - автор рисует поэтические картины с доскональным знанием мельчайших примет народного быта и особенностей национального характера.

Очень важно, что дар поэта-живописца, умение проникнуть в национальную специфику изображаемого - эти наиболее сильные стороны поэзии А.Адалис 20-30 годов обрели в поэме "Был я гостем в день рожденья сына" новое качество. Если в ранних стихах Адалис "изобретение" ярких, неожиданных образов нередко становилось самоцелью; если в восточной поэзии постижение тайны национального опять-таки оказывалось главной художественной задачей, то теперь все это становится лишь компонентами поэтической системы, лишь отдельными составными элементами художественной формы, в которой раскрывается центральная - философская, гуманистическая идея произведения.

Впервые в творчестве А.Адалис философская мысль выражается не обнаженно-декларативно (как это было в лирике), но

заключается в самой образной системе произведения, в самой поэтической ткани его стиха.

Так большие и малые открытия двух десятилетий определили новое качество поэзии Адалис. Поэма "Был я гостем"..- это очередной, очень важный этап на ее поэтическом пути, во многом предваривший и обусловивший направление творческих поисков Адалис в дальнейшем. Именно в этой поэме впервые отчетливо звучит та гуманистическая концепция человека, в подтверждении, углублении, дальнейшем развитии которой решающую роль сыграет война.

x x

x

Реки Москвы пустынный вид,
У Мавзолея строгий воин.
Война ли снова предстоит,
Что я так каменно спокоен?
Печаль оставила меня,
И зоркость внутреннего взгляда
Опять, как перед битвой надо,
Не дальше завтрашнего дня.

Это стихотворение, обнаруженное нами в личном архиве А.Адалис, написано ею 15 июня 1941 года и поражает пророческой силой предчувствия беды и тревоги народной. Через неделю началась Великая Отечественная война, и "зоркость внутреннего взгляда не дальше завтрашнего дня" стала программой далеко не для одной только А.Адалис.

И сегодняшний, и завтрашний день войны требовал непосредственного действия. Всем известны имена советских писа-

телей и поэтов, ушедших на фронт. Тот, кто не мог взять в руки оружие, действовал словом.

В июле 1941 года в "Военмориздате" в серии "Боевая библиотека краснофлотца" выходит популярная брошюра "Защита Родины - высший закон жизни". Имя автора - А.Адалис. В том же 1941-м году Адалис составляет и редактирует сборник "Ленин в поэзии". Эвакуировавшись с 12-летним сыном во Фрунзе, в самые тяжелые дни 1941 года она рвется обратно в Москву[1]. Неоднократно выступает перед ранеными солдатами с чтением стихов, а после возвращения из эвакуации дважды - в 1942-м (под Москву) и в 1943-м (на Кавказе) выезжает на фронт. С ноября 1942 г. А.Адалис работает в Баку при 7-м отделе Армии. Правительственные награды свидетельствуют о напряженности и плодотворности этой работы.

Уже 26 июня 1941 года имя А.Адалис появляется в "Известиях": здесь печатается ее перевод стихотворения С.Рустама "Несокрушимая крепость". Военные стихи С.Вургуна и М.Рагима, С.Чиковани и Д.Боконбаева, О.Шираза и Р.Рзы, Джамбула и многих, многих других советских поэтов разных национальностей в переводах А.Адалис регулярно публикуются в 1941 - 1943 гг. в "Правде", "Известиях", "Красной нови", "Красноармейце", в сборниках "Кавказ несокрушим", "Родина" и других изданиях. Лучшие из них объединяются Адалис в книгу "Богатыри народа", вышедшую в издательстве "Советский писатель" в 1943-м году.

"Как всегда, переводы отличаются большой тщательностью,

---

1 См. переписку А.Адалис и И.Сергеева 1941-1943 гг. Личный архив А.Адалис.

высокой поэтической культурой", - писал о стихах этого сборника Н.Глаголев[1]. О переводах А.Адалис военных лет как о неотъемлемой части советской литературы этого периода говорил на девятом пленуме правления ССП Н.Тихонов[2].

К периоду войны относятся выступления Адалис на вечере грузинской поэзии[3] - и на пленуме ССП Таджикистана[4]; она рецензирует поэму П.Антокольского "Сын"[5] - и пишет вступительную статью в книге М.Стельмаха "Украине вольной жить"[6]. Война - и это вполне закономерно - активизировала деятельность писательницы.

Но в то же время творческая судьба А.Адалис сложилась в военные годы не совсем обычно: за весь период 1941-1945 гг. она не опубликовала ни одного (!) оригинального, непереводного произведения. И причины здесь вовсе не в классическом "когда говорят пушки, молчат музы".

Муза А.Адалис не молчала: это достаточно красноречиво доказывают архивные материалы. В конце 1941 г. Адалис пишет "Повесть о герое"(о ней упоминает в письме к А.Адалис от 20 декабря 1941 г. И.Сергеев[7]). В личном архиве писательницы сохранились отрывки пьесы 1941 года о подвиге советского солдата, попавшего в плен к фашистам. В 1941 - 1942-м годах Адалис работает над большой поэмой о войне "Комета"[8].

---

1 Н.Глаголев. Внутренняя рецензия на сборник "Богатыри народа". ЦГАЛИ, ф.1234, оп.8, ед.хр.1.
2 Н.Тихонов. Советская литература в дни Отечественной войны. Доклад на IX пленуме ССП."Литература и искусство",12 февраля 1944 г.
3 "Вечерняя Москва", 12 мая 1944 г.
4 "Литературная газета", 9 декабря 1944 г.
5 А.Адалис.Поэма о сыне."Комсомольская правда",12 мая 1944 г.
6 М.Стельмах. Украине вольной жить. М., 1944.
7 Личный архив А.Адалис.
8 Черновик этой незаконченной поэмы хранится в личном архиве А.Адалис.

В 1942 г. она создает поэму о панфиловцах "Слава"[1]. В личном архиве А.Адалис немало и лирических стихотворений военных лет, среди них - целая рукописная книга 1943 г. (некоторые из вошедших в нее произведений впервые напечатаны в 1962 г. в сборнике А.Адалис "Города"). В 1943 году А.Адалис пишет центральное произведение этого периода - поэму о партизанах "И несколько гранат", опубликованную лишь в 1960 году в сборнике "Новый век". И наконец 1944 год - работа над книгой прозы "Из записок счастливого человека"[2], отдельные главы которой были прочтены и обсуждены в феврале 1945 г. на собрании поэтической секции Союза писателей[3].

Таким образом, годы войны были для А.Адалис, как и для большинства советских писателей, годами напряженной - не только общественной, но и литературной работы. Почему же все, что создано писательницей в 1941 - 1945 гг., или не издавалось вовсе, или опубликовано лишь через много лет после войны? Ответ дает сама А.Адалис.

"Начинаю свидетельствовать о своем времени..." - этими словами открывает она прозаическое вступление к поэме "Комета" - и тут же оговаривается: "Свидетельство мое не имеет, однако, истинной цены потому, что рука, писавшая эти слова, владела лишь пером и не применяла оружия"[4]. Та же мысль и в письме А.Адалис к С.М.Хитровой (декабрь 1942 г.): "Что до меня, живу в Баку хорошо, но до сих пор не удалось

---

1 ЦГАЛИ, ф.618, оп.14, ед.хр.18.
2 Архив ИМЛИ, ф.84, оп.1, ед.хр.28.
3 Новая книга Адалис. "Литературная газета", 17 февраля 1945 г.
4 А.Адалис. Комета. Рукопись, личный архив А.Адалис.

выехать на фронт, поэтому не публикую своих, не переводных стихов: совесть не позволяет хвастать стихами, может быть, средними, к тому же, сидючи в тылу, хотя этот тыл - Баку"[I]. "Но воспевать героев не пора, коль подвигов сама не совершила"[2], - читаем в черновике послевоенной поэмы 1945 года "Прогулка в ноябре".

Эти признания многое объясняют. Вечная обязанность поэта смотреть в лицо эпохе означает в годы войны - быть лицом к лицу с врагом, и любая другая точка зрения лишает художника права "свидетельствовать о своем времени". Таково убеждение А.Адалис, и именно в этой, пожалуй, даже излишней требовательности к себе следует искать причины ее молчания.

Тем не менее произведения эти написаны в годы войны, и к ним вполне можно отнести справедливую мысль А.Павловского, высказанную им о военных поэмах, по тем или иным причинам надолго оставшихся в архивах разных писателей: "Не будучи фактами общеизвестной литературной жизни, ... они были органически связаны с нею, в них обнаруживались те же закономерности, повороты и движения, что были свойственны всей советской поэзии, и потому о них, написанных, но не опубликованных, следует сейчас говорить как о реальных элементах, по которым тоже можно судить об особенностях исторического процесса"[3].

В то же время нельзя не учитывать, что в любом произведении искусства художник свидетельствует не только о вре-

---

I ЦГАЛИ, ф. 618, оп.2, ед.хр.II25.

2 Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 26.

3 А.И.Павловский. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1967, стр. 175.

мени, но и о себе. Каждая поэма, повесть, пьеса - не только одна из составляющих литературного процесса в целом, но в первую очередь - неотъемлемая часть творческой биографии самого автора. Именно поэтому представляется возможным и даже необходимым использовать при изучении творчества А.Адалис ее произведения военных лет, независимо от их публикации: это немаловажное звено в общей последовательной цепи творческого развития писателя.

Военные стихи А.Адалис - о том же, о чем вся советская поэзия этих лет. Гибель панфиловцев (поэма "Слава") - и подвиг связиста ("Связист"); армянский юноша, поднявший на фашиста "легендарный меч Давида" ("Ты слышишь, родина?") - и испепеляющая все живое "комета войны" (поэма "Комета")...

Лучшие стихи Адалис этого периода посвящены Азербайджану, "нефтяному городу Баку"[I]. Может быть, именно потому, что военная судьба вновь привела Адалис на Восток, в страну ее юности, с которой связаны самые светлые воспоминания, - в этих стихах особенно сильны контрасты войны и мира, прошлого и настоящего, особенно обнажены чувства - любви и ненависти, нежности и презрения, вызванные и обостренные войной. "Мрак затемненья" напоминает об уличных огнях и "звездах промыслов", "безмолвие", текущее "из уст в уста", - о "морском" шуме живого города; "людской угрюмый сон" - о ласковых, веселых людях мирного Азербайджана. "Ставшие до слез родными азербайджанские простые старики", сам осажденный город - "громадное, красивое созданье", ожидающее помощи и защиты,- все это становится для Адалис олицетворением

I См. "Теплоход пришел перед рассветом..."(Города,М.,1962, стр.58); "Уж я иду к тебе..."(Там же,стр.37); "В комнате гостиничной с балконом..."(Личный архив А.Адалис) и др.

Родины, народа - понятий, которые в войну приобрели для каждого человека особенно важное значение.

Родина - это не только общие для всех Москва, "державная кремлевская звезда" (А.Прокофьев), "бессмертное Ленина знамя"(Н.Тихонов), но и для каждого свое - конкретное, близкое, неповторимое: "осинник зябкий да речушка узкая"(А.Сурков), "проселки, что дедами пройдены" (К.Симонов), "родная Смоленщина" (А.Твардовский). Родина Адалис - это, как и в 30-е годы, не город "где родился человек и... где морочили его песенкой грудной"[1], а то единственное место на земле, к которому приложены руки и сердце, которому отданы частицы души и труда. "Пусть я не связана родством с твоим народом, мое пристрастие, как хочешь, назови... Ты тайным голосом мне под защиту отдан не почему-нибудь еще, а по любви", - обращается она к "городу зрелости своей" - Баку[2].

Прикрыть своим телом, "схватить в объятия и спрятать под крыло", "держать раскрытою меж Грозным и Моздоком на желтом зареве гигантскую ладонь" - таково постоянное стремление лирического героя Адалис, таково его мироощущение, выражающееся, как и в 30-е годы, в романтических, гиперболизированных образах.

Но это уже не тот несколько абстрактный, "космический" романтизм "героя-гиганта". Это романтизм, рожденный обостренным чувством личной ответственности, личной причастности к происходящему, ощущением все более тесного и органичного слияния поэта не с отвлеченным "героем эпохи", а с са-

---

I А.Адалис. Песня о граде . - Власть, стр. I5.
2 А.Адалис. "Уж я иду к тебе..."-Города, М., I962, стр. 57.

мим воюющим народом, своей внутренней, душевной родственности ему. Не случайно романтический образ лирического героя сливается в военных стихах Адалис с фольклорным образом народного богатыря:

Сделай, чтобы выросла крылатой,
Выдать по старинке щит и латы,
Панцирь и кольчугу прикажи,
Самую добротную из касок,
Меч из арсенала древних сказок
В руку неподкупную вложи![1]

Одно из самых интересных стихотворений, сконцентрировавших в себе, пожалуй, все то лучшее, что пришло в лирику А.Адалис в годы войны, - "Памятник"[2]. Поскольку это стихотворение никогда не публиковалось, позволим себе процитировать его почти полностью:

... Где высоки песчаные крутизны,
Над городом суровым, на горе,
Не видящий кровавых слез Отчизны,
Повернут Киров к утренней заре...

И потому ль, что он стоит высоко,
Иль потому, что к сердцу близок он, -
Я вспоминаю ветхий сказ Востока,
О дивном камне первобытный сон...

На чьей-то древней он лежал могиле,
И женщины бездетные толпой
К нему с мольбой горячей приходили...
И меж кустов шуршал родник скупой.

---

I А.Адалис."В комнате гостиничной с балконом".Личный архив А.Адалис.
2 Личный архив А.Адалис.

Шли долго в гору к знойному безлюдью -
И в терпеливой верности своей
К сухому камню припадали грудью,
Чтоб на земле оставить сыновей.

Наивный миф! Но синим днем весенним,
Сияющим над каменной грядой,
Я подымаюсь ввысь - не по ступеням,
А по тропе сыпучей и крутой.

Не глух ли камень к просьбам и рассказам?
Но говорю: друг, помоги опять:
Мне надо светлым сохранить свой разум
И веру в счастье детям передать.

И поняв вдруг, что дружба не забыта,
На краткий миг бессмертием дыша,
Касаюсь лбом холодного гранита,
Чтоб не была бесплодною душа!

Стихотворение "Памятник" развивает, проецирует на новый - военный - исторический период основные проблемы и мысли поэмы 1934 г. "Кирову". Первотолчком внутреннего развития авторской мысли становится в "Памятнике" "ветхий сказ Востока" - народное преданье о "дивном камне". Уже сама фольклорность этой поэтической основы несет в себе очень важный смысловой заряд: герой и народ - таков художественный стержень произведения. Простое и даже, на первый взгляд, случайное сравнение: легендарный камень на горе на чьей-то могиле - и каменный, гранитный памятник Кирову, стоящий "над

городом суровым на горе" - обрастает в стихотворении Адалис широким кругом разных, но бьющих в одну цель ассоциаций."Сухой камень" легенды - и "холодный гранит" памятника, "бездетные женщины" - и "бесплодная душа" - внешние образные связи подчеркивают внутреннее смысловое единство. Имя Кирова становится здесь связующим звеном между революционным прошлым и военным настоящим, символом бессмертия дела революции и самого народа.

Но эта тема - герой и народ, берущая начало еще в поэме "Кирову", обогащается в стихотворении новым и очень важным для Адалис мотивом: здесь на первый план выдвигается образ лирического героя стихотворения, который теперь уже открыто отождествляется с самим поэтом. Народ, народный герой - эти возвышенные понятия поворачиваются какой-то особенно близкой, понятной, "лирической" своей стороной - и воспринимаются поэтом как источник жизненных сил и "веры в счастье", как земная основа, поддерживающая его в момент душевных исканий и сомнений. Эта мысль, составляющая сущность всей лирики Адалис военных лет, звучит в стихотворении "Памятник" с особенной поэтической силой.

Но в то же время "мне надо светлым сохранить свой разум", "чтоб не была бесплодною душа" - это не только о себе. Поэт пишет о том, чем переполнена его душа, чем заняты его мысли, но строки, рожденные войной, выражают то, чем живет в это время любой человек страны: тревога за духовные ценности, за разум мира, на который посягает фашизм. Так в личном отчетливо звучит общее, продолжается, закономерно ускоренный войной, процесс усиления лирического начала в поэзии А.Адалис.

Одновременно развивается и другая поэтическая линия 30-х годов: художественное исследование эпического героя. Встреча с партизанами, происшедшая во время одной из поездок Адалис на фронт, послужила толчком к созданию большой поэмы о народе и народном подвиге - "И несколько гранат".

В годы войны героизм стал явлением настолько массовым, что многим поэтам казалось: нет нужды типизировать и обобщать, достаточно назвать настоящее имя героя и написать о его конкретном подвиге. А.Жаров. Керим. Поэма о капитане подводной лодки Магомете Таджиеве (1942 г.); А.Петров. Геннадий Голенов (1943 г.); Бр.Кежун. Рассказ о русском богатыре. Поэма памяти Героя Советского Союза, политрука Сергея Василисына (1943 г.). Такие названия и подзаголовки обычны для поэм военных лет. Отвечая потребностям "бегущего" дня, такое произведение чаще всего так и оставалось недолговечным памятником одному определенному человеку, но не становилось литературным явлением. Лишь немногие из них - такие, как "Зоя" М.Алигер, "Сын" П.Антокольского - поэмы, в которых авторам удалось подняться от изображения конкретных людей и фактов до глубоких философских и художественных обобщений, пережили свое время и вошли в золотой фонд советской поэзии.

А.Адалис намеренно и несколько полемично исходит из прямо противоположного принципа.

... Видала я скалы далече
И буквы на скалах,
И каждая в рост человечий!
А кто высекал их?..

... Титаны в Гомеровом гимне
В их славе и силе,
Мол, не жили вовсе ...
Не лги мне!
Я знаю, что жили!
Но как их действительно звали -
Не знаю, не знаю ...[I]

"Имя героя не нужно" (стр. 3I). Имя героя - народ. Если в поэме "Кирову", утверждавшей народность "героя эпохи",был дан лишь первый толчок к развитию этой мысли и произведение было прямо связано все-таки как раз с конкретным и м е н е м, то теперь та же линия доводится до своего логического завершения, становится осознанной концепцией, во многом определившей поэтическую манеру автора.

Обобщенный образ народа возникает в поэме "И несколько гранат" не из конкретных имен и фамилий, а из вымышленных, созданных по художественным законам типических характеров, очевидно, даже не имевших реальных прототипов, а сложившихся в воображении Адалис из всей суммы ее впечатлений военных лет.

Безымянный прохожий, ставший командиром партизанского отряда и от собственного горя поднявшийся до мести за всю "землю родную", обращенную в пепел. Старый профессор,сумевший закидать гранатами немецкий штаб. Бывший строитель мостов, научившийся взрывать их под ногами врагов. Колхозный

---

I А.Адалис. И несколько гранат. - Новый век,М., "Сов.пис.", 1960, стр. 42. В дальнейшем цитируется по данному изданию; страницы указываются в тексте.

"коваль" и уральский снайпер, "шахтер молчаливый" и "в древнейших газетах воспетый стахановец порта". Наконец, кавказец Садых и тульская девушка Тая. Все действующие лица поэмы олицетворяют народное, героическое начало.

Примечательно и художественно закономерно, что каждому из них сопутствует лирический образ родной земли, русской природы. "Под черной землею сберег он семейство родное" (стр.33); "в зеленое платье земля разодела подружку"(стр.33); "серая, сизая, в самые ноздри пыля, кинулась к Таечке старая наша земля..."(стр.55). Наконец, развернутое, идущее от фольклора, поэтически-достоверное сравнение, раскрывающее глубинный смысл этого сквозного образа: земля - мать, к которой "прилег на грудь" и обратил свой предсмертный стон погибший в бою партизан, - земля живая, сочувствующая, все понимающая - символ Родины и любви для тех, кто справедлив и добр; и враждебная, жесткая, "неродная" земля, на которой "не заснуть уже безвинно, как солдатам", тем, кто пришел завоевать ее и "терзать ее сыновей" (стр.67).

"И дикая груша над балкой пустою забыла, забыла, что стала рабой, напрасно, напрасно оделась листвою"(стр.40); поседевшие от горя вместе с человеком звери и птицы, олени и васильки - это оживление природы, участие ее в действии восходит к русским сказкам, к "Слову о полку Игореве", а в творчестве самой Адалис - к ее поэмам 30-х годов. Эта же поэтическая традиция рождает в поэме и фольклорные - былинные и песенные мотивы. "То не дикие гуси - подводы кривые скрипят, то не табор кочует - течет неизвестный отряд..."

(стр.6I) - подобные строки органично и умело вплетены в современное произведение автором, для которого фольклор всегда был одним из важнейших творческих источников.

Поэма "И несколько гранат" по замыслу - произведение эпическое.Но в ней явственно и неизменно присутствует Адалис-лирик. Сама того не желая,она то и дело сбивается на лирическую форму издожения,осложняет главное действие многочисленными отступлениями, рассуждениями, воспоминаниями,которые нередко оказываются интереснее,художественно сильнее главных - эпических - частей произведения.

Этот стихийный лиризм противоречит эпическому замыслу: именно так объясняется композиционная рыхлость поэмы,незавершенность сюжетных линий, случайность логических связей между отдельными, действительно яркими эпизодами (взрыв моста,сцена казни Таи и Садыка). Возникает какая-то особая,самостоятельная лирическая струя,которая постепенно - может быть,даже вопреки воле автора - побеждает,подавляет эпическое начало. И это еще раз доказывает силу,даже,пожалуй,первостепенность л и р и ч е с к о г о в поэтическом даре Адалис, назревшую необходимость выбора наиболее соответствующей особенностям ее таланта лирической художественной формы для выражения важных и общих для всей советской литературы идей и творческих целей.

Интересно, что та же тенденция к "лиризации" все больше проявляется даже в прозе А.Адалис.Последнее ее произведение военных лет - "Из записок счастливого человека"[I] (1944) - это раздумье писателя,прошедшего через войну, об истоках и

---

I А.Адалис. Из записок счастливого человека. Рукопись. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 28, л.5-6.

причинах близкой победы, о революционной истории народа и о своем месте в этой необыкновенной истории. По своей дневниковой сути, по внешним признакам формы (отсутствие сюжета, философские отступления, вставные новеллы и даже стихи) это произведение явно тяготеет к так называемой лирической прозе.

Заметим, что в том же направлении шли и дальнейшие эксперименты Адалис в области прозы. Писательница неоднократно пыталась создать произведение, так сказать, художественно-традиционное. После произведений 30-х годов "Нахичеванский роман"[1] и "Курсанты"[2] - это повесть 1947 г. (без названия)[3], портретный очерк "Лифанов"[4] (1952 г.), повесть о сибирских колхозах "Круженин" (1953 г.)[5]; "Дом Ориона" - повесть, предложенная А.Адалис издательству "Молодая гвардия" уже в 1963 г.[6], и многое, многое другое. Завершенные и незавершенные рукописи подобного рода хранятся в ЦГАЛИ, в архиве ИМЛИ, в личном архиве А.Адалис.

Но нельзя не отметить, что ни в одном из этих многочисленных произведений А.Адалис не достигла полного успеха[7], и причины заключаются, очевидно, в самой лирической природе ее таланта, в особенностях ее авторской индивидуальности.

---

1 Архив М.Горького. Рав - ПГ, 2-31.
2 А.Адалис. Курсанты. Маленькая повесть. ЦГАЛИ, ф.618, оп.2, ед.хр.3.
3 ЦГАЛИ, ф.1702, оп.2, ед.хр. 342.
4 Личный архив А.Адалис.
5 Там же.
6 См. письмо к А.Адалис от издательства "Молодая гвардия" (26 апреля 1963 г.). Личный архив А.Адалис.
7 Не случайно сама Адалис далеко не всегда стремилась опубликовать даже законченные вещи.

Лирические отступления, комментарии автора подчас оказываются в прозе Адалис гораздо интереснее, живее и ярче самого действия. "Вступление" к повести может разрастись до размеров законченного произведения, превратиться почти в дневник писателя, а повесть - так и не начнется, останется лишь художественным замыслом[I]. "Я роль свою до конца не сыграла, работу, завещанную мне, не выполнила и окончательного своего жанра не узнала", - записывает А.Адалис на рукописи одной из таких неудавшихся повестей[2].

Наиболее интересны, художественно совершенны как раз те произведения А.Адалис, форма которых дает автору возможность выражать свои мысли и свое отношение к миру открыто, без таких эпических посредников, как сюжет, характеры и обстоятельства и т.п. Но если в поэзии - в силу самой ее специфики - такого рода произведения обычны и даже традиционны, то в прозе - это редкий и очень сложный жанр.

Сама Адалис считала его наиболее близким к жанру очерка-эссе-очерка одновременно поэтического и публицистического - и причисляла к этому жанру произведения таких разных авторов, как Стерн и Б.Лапин, В.Солоухин и Сент-Экзюпери[3]. Пожалуй, и сама Адалис внесла в развитие этого жанра определенный вклад. В той же, что и "Записки счастливого человека", своеобразной манере свободного разговора автора с читателем, разговора умного и искреннего, остроумного и жи-

I Такого рода вступление к какой-то книге конца 40-х годов "О нескольких людях, наудачу выбранных из числа равных - из числа лучших, самых зрелых, самых ясномыслящих людей сегодняшнего мира" хранится в личном архиве А.Адалис.
2 Личный архив А.Адалис.
3 См.:А.Адалис.Рецензия на книгу В.Субботина "Как кончаются войны" (М., I965). Личный архив А.Адалис. Эта статья опубликована в значительно сокращенном виде.См.:А.Адалис.Законы красоты. "Литературная Россия", 24 сентября I965 г., стр.9.

вого, разговора об одинаково волнующих обоих собеседников вещах - написаны произведение 1961 г. "Любите поэзию"[1], большая статья 1967 г. "Кво вадис, о муза?"[2], заметка "Что есть поэма"[3] /начавшая целую газетную дискуссию/ и даже многие рецензии и критические статьи А.Адалис 50-60-х годов.

Как видно уже из самих названий, А.Адалис вошла в советскую прозу не только со своей формой, но и со своей постоянной темой, и все эти произведения /публиковавшиеся и непубликовавшиеся/ могли бы составить целую книгу оригинального жанра, в которой бы свежо и необычно прозвучал голос Адалис-литературоведа - и Адалис- прозаика.

Однако прежде всего - даже в своей прозе - А.Адалис - поэт, и главная линия ее творческого развития всегда проходит через поэзию.

Послевоенный период своего творчества А.Адалис начинает произведением, которое как бы дублирует в поэзии "Записки счастливого человека", - поэмой "Прогулка в ноябре".

"Это течение мыслей человека на следующий день по окончании страшнейшей, чудовищнейшей из войн... В этом переходном состоянии поэты обычно молчат. Но обычно молчащая Ада-

---

1 А.Адалис.Любите поэзию. М.,"Знание",1961.

2 Эта статья была заказана А.Адалис издательством АПН для сборника "В мире гипотез" /см. копию договора с издательством, хранящуюся в личном архиве А.Адалис/.

3 "Литературная газета", 15 июля 1965 г.

лис заговорила именно в этом состоянии. Так создалась поэма, удивительная по жанру, неотесанная по стилю, тревожная по настроению и необычайно просторная по запросам. Это почти черновик, но в этом черновике - подлинный голос современника: чистый, напряженный, высоко-поэтический", - писал о "Прогулке в ноябре" И.Сельвинский[I].

Уже в декабре 1945 г., когда советская поэзия только готовилась к эпическому подведению итогов, Адалис создает произведение большое, серьезное, выношенное, в котором живет масштабная, философская мысль. Она пишет поэму, которая в чем-то, может быть, предваряет появление таких этапных для всей советской литературы произведений, как "Середина века" В.Луговского, "За далью-даль" Твардовского.

"Прогулка в ноябре". Прогулка по ночной Москве в ноябре победного, 1945 года. Красная площадь, над которой "в полжара пышут звезды нашей крови" - звезды Кремля ("и кажется, они от века здесь - создания природы, не людские"...)[2]. "Великолепный Москворецкий мост"... "Колышется Москва-река впотьмах"... "И в сумерках над действиями дня снег падает, как занавес..." Художник любовно рисует картину за картиной, и под его пером возникает поэтический образ большого, прекрасного, мирного города, олицетворяющего красоту и силу Родины.

---

I И.Сельвинский. Внутренняя рецензия на поэму. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр.27.

2 А.Адалис. Прогулка в ноябре. Стихи и поэмы, М., 1948, стр. 103.
Интересно, как изменяется, наполняется сегодняшним,послевоенным содержанием образ кремлевской звезды, впервые появившийся в поэзии А.Адалис 30-х гг.: теперь это "звезды нашей крови", а не полная "оттенков красного вина, светящаяся изнутри красная звезда".(Мы город выстроим в степи. -Власть, стр. 44).

Но, как признается сама Адалис, "не в этом суть" поэмы. Прогулка по Москве - лишь художественный повод, лишь внешняя форма, в которую облекается главное. Все увиденное вызывает у поэта бесчисленные ассоциации, воспоминания, мысли - они-то и есть то главное, ради чего пишется произведение.

"У повести моей сюжета нет..." "Пристанет образ - и другие множит..."[I] "Где мера?" Какова связь? - предвосхищает сама Адалис возможные недоумения по поводу необычной формы произведения.

"Но связь была" (стр. III).

"Москвы послевоенной гордый вид" - и события 20-летней давности; "электросварки нежная зарница" - и "хрустальные, в кристаллах корпуса" будущих пятилеток; похожая на море Красная площадь - и безбрежный океан Родины... Все это связывается не внешней, сюжетной, а невидимой, но крепкой нитью единой внутренней мысли.

"Поэмы нет. Поэма, говорят, иметь должна конструкцию и стержень" (стр.I2I). На самом деле "Прогулка в ноябре" имеет и конструкцию, и твердый художественный стержень. Главным "действующим лицом", основным организующим началом здесь становится поэтическая м ы с л ь .

"Как думается сильно в наши дни!" (стр. II3) - отмечает сама Адалис важнейшую, по ее мнению, черту современности. "Прогулка в ноябре" - это поэма-раздумье. Раздумье вслух, действительно "течение мыслей" современника.

---

I А.Адалис. Прогулка в ноябре. Стихи и поэмы. М., "Сов.пис.", I948, стр. I07, I2I. В дальнейшем цитируется по данному изданию, страницы указываются в тексте.

О чем же размышляет поэт на протяжении всего произведения?

"Прогулка в ноябре" - это поэма не о событиях войны, как появившиеся несколько позже "Дом у дороги" А.Твардовского, "Твоя победа" М.Алигер. Это поэма о современном человеке.

Кто же он, наконец, герой современности? Что он совершил и перенес? О чем он думает и мечтает? Как рассказать о нем на языке поэзии? Наконец, что общего с ним у самого автора-поэта? Заново задается А.Адалис теми вопросами, которые неоднократно звучали в ее произведениях 30 - начала 40 годов. Отвечая на них, поэт завершает наиболее важные проблемные, тематические, художественные линии всего своего предшествующего творчества.

Человек, прошедший через "лихорадку буден" 20-30 годов: "Ты помнишь КУТВ? Ты помнишь землю, пахнущий остро разрытый грунт и лестницы у вышек?" "Ораторов Шанхая имена"? "город на Амуре?" (стр. I09-III).

Человек, переживший горе, смерть, "ад" недавней войны: "Мы ждали войн. Уже была война. И "гибель мира" позади осталась" (стр. I05).

Человек, ощутивший в мирной тишине счастливую бесконечность будущего: "века по крайней мере мы будем жить и жить!" (стр. I20).

Стоящий "на страшной высоте", "все превозмогший человек России"... Раздумьями о нем, любовью к нему, болью за него наполнена каждая строка поэмы.

Далеко позади остались романтические "гиганты"30 годов.

"Прогулка в ноябре" продолжает тему, отчетливо зазвучавшую уже в поэме о партизанах: безымянные герои.

... На кухне чад, бутылки с молоком...
Плохая в ванной комнате колонка,
Подходят эти признаки? - спроси, -
Чтобы считаться "маленьким", не "высшим"?
О нас - таких -
и пишут на Руси, -
Не кто-нибудь чужие, - сами пишем!
Мы не скрываем смысла этих книг:
Пусть каждая от первой до последней
Свидетельствует правду:
он велик,
Он - великан ... наш "маленький", наш
"средний"!
(стр. II6)

Понять эту простую истину помогла война. Миллионами смертей разительно снизив цену жизни, она в то же время подняла на гораздо большую, чем раньше, высоту ценность каждой отдельной человеческой личности. Тема войны, тема гибели человека звучит в поэме постоянной трагической нотой. "Пепелища по краям дорог" (стр. I05); лавины фашистских чудовищ; даже картина мирного, довоенного времени, "в котором и зима, и лето были.., прозрачен воздух и прочны дома"(стр. I08). В каждом слове живет память о войне, о тех, кто не вернулся с фронта. "... И многих нет. Но были!"(стр. I09) "Он, правда, жил. Доподлинно убит" Поэт снова и снова подчеркивает контраст, несоизмеримость жизни и смерти, бытия и небытия,

несправедливость, противоестественность войны, уничтожающей бесценное - человеческие жизни.

Даже философская мысль о бессмертии ("жизнь живой осталась") все время сопровождается, а иногда и заглушается еще не остывшей трагедией каждой конкретной смерти.

Что помнил он - свой дом, лицо жены, -
То в памяти другой взойти не может...
... "Забудется"? "Затянется"? -
Обман!
... Наивно вспоминает каждый
Привычку звезд, и зерен, и семян:
Что закатилось, встанет не однажды!..
... Но закатились в темноту без дна
Моря и небо,
И земные дали,
Весна и осень,
Блеск и новизна,
Что в черепной коробке обитали...
(стр. 106)

Целый мир, необозримый и прекрасный, исчезает вместе с жизнью любого, одного-единственного человека.

Человек - это богатство "видений, слов,затей"; это "ясный разум для добра и мира"; это мысль, проникшая "в неведомое пространство мировое". Не"делатель вещей", а творец, не исполнитель, а мыслитель... Так меняются поэтические акценты, так не только расширяется, но и углубляется содержание литературного термина "герой". Оно становится богаче, многообразнее, философичнее и окончательно сливается с остро-современным гуманистическим понятием "Человек".

Война помогла Адалис ответить и еще на один, не менее важный для нее вопрос.

И все-таки печатные слова
Мне кажутся оградой, - и за нею
Клубящаяся жизнь почти жива, -
Найти тропинку, может быть, сумею.

(стр.II9)

Поэзия и жизнь, писатель и эпоха, поэт и герой - эта старая проблема, наконец, решена, остается лишь подытожить:"в том суть искусства, мужество любви: я быть могу хотя бы миг - тобою!" (стр. I07).

Интересно, что это ощущение приходит как бы в самом процессе работы над поэмой, и черновики отражают поиски автором нужных слов, постепенное уточнение и оттачивание очень важной для него мысли[I]. Выводятся из окончательного текста поэмы такие выделяющие авторское "Я" слова: "не терпится и мне, с е б я о т б р о с и в , перейти к беседе о нашей всеобъемлющей стране". Значительно меняется редакция отдельных строк:"да, верую, что к т о - н и б у д ь , н е я - прошел уже сквозь чад противоречий на высшие ступени бытия в развитии природы человечьей" исправляется на "да, верую, что м ы - и т ы, и я врываемся сквозь чад противоречий..." (стр. II3) Все это подготавливает главное, окончательное: "Не я ли есмь сей человек простой?" (стр. II5).

"Человек-гигант" - "наш маленький, наш средний" "человек-малютка" - и, наконец, сам поэт - эти художественные линии двух десятилетий сливаются воедино. "Поиски героя"

---

I См.: Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 26 и 27.

завершены. Отныне Адалис будет писать о себе, и мысли большого поэта всегда будут близки и созвучны человеку его времени.

Параллельно Адалис определяет и свою, наиболее отвечающую требованиям ее таланта художественную форму: с этого времени в ее поэзии будет преобладать лирико-философский стих.

Очевидно, сознавая определенное новаторство "Прогулки в ноябре", сама Адалис немалое место в поэме уделяет размышлениям о ее форме, в какой-то степени определяя тем самым, объясняя и невольно предсказывая особенности формы своих будущих произведений 50-60 гг. Фактически Адалис впервые отчетливо формулирует то, что уже давно существовало в ее творчестве. Не случайно она спорит с предполагаемыми оппонентами, буквально цитируя критиков "Власти": "Холодный, мол, от разума идет, а не от сердца голос этих басен... Добавят, вероятно, что налет рассудочности лирике опасен"[I] (стр. II3). И от сердца, и от разума идет теперь голос поэта, не "призрачно-холодны", а пламенны, "почти как чувства плоти" (стр. II4) его мысли. И поэтому "Прогулка в ноябре" обладает тем, чего была почти лишена лирика Адалис 30-х годов: она легко включает читателя в орбиту мыслей и переживаний поэта.

"Прогулка в ноябре" - это не просто поэма-раздумье.Это одновременно беседа автора-поэта с читателем. "И вновь не до пейзажа мне, постой"(стр. II5); "И так, соображая, что к чему, я площадь перешла..." (стр.II4); "Того, что надо бы

---

I См.:Ю.Добранов. О "философской" поэзии и ее критиках. "Книга и пролетарская революция",I935, № 8; М.Серебрянский. Заметки о поэзии. "Знамя", I935, № 6 и др.

сказать, и трети мы не переговорили..." (стр.121). Адалис как бы ведет читателя вслед за собой по лабиринтам своей творческой лаборатории и обнажает перед ним процесс рождения образов и мыслей, думает вместе с ним об одном и том же.

Прямые обращения - "ты спросишь", "ты скажешь", "ты помнишь", интонация доверительного, откровенного разговора с современником; многочисленные восклицания, риторические вопросы, мысленные диалоги - живой, эмоциональный, иногда возвышенный, патетический ("Какой труднейший пересилить труд, как выведать магическое слово..."), а кое-где - нарочито-сниженный ("О, к дьяволу! Что дергает меня вдаваться в разговоры в этом роде!...") строй поэтической речи. Свободный, единым потоком льющийся стих с переносом предложений, с произвольной лесенкой, выделением особенно важных автору слов.

"Нам запросто беседовать пора! Нас грозная судьба соединила" (стр. 107). В этих афористичных строках - сущность художественной позиции А.Адалис. Чем яснее ощущает поэт соединенность своей судьбы с народной, тем большее он имеет право беседовать с читателем - то есть с тем же народом - "запросто", не соблюдая поэтических условностей, заботясь лишь о передаче одинаково важных для всех чувств и мыслей.

Внешнее сходство "Прогулки в ноябре" с одним из уже упоминавшихся ранних произведений А.Адалис - "Четверть века приходит к концу..."(1925 г.[1]) - позволяет сделать интересное и очень важное сравнение. Ведь по своей реальной сюжетной сути "Четверть века..." - это тоже ... ночная прогулка по улицам Москвы. "Мимо Музея изящных искусств",

---

1 "Россия", 1925, № 4 (13), стр. 100.

"от Четвертой Мещанской на юг" - таков маршрут этого путешествия. Более того, это тоже раздумье "о времени и о себе", о новой, социалистической Родине.

Но здесь сходство - чисто-внешнее - и кончается, и начинаются принципиальные различия, очень ярко и наглядно показывающие, какой огромный творческий путь прошла А.Адалис за это двадцатилетие. В подобном сопоставлении особенно наглядно материализуется обычно несколько абстрактное понятие "Метод": два произведения лежат как бы в двух разных художественных измерениях.

Прежде всего, изменяется сам герой А.Адалис. В произведении 1925 г. - это типичный романтический герой - индивидуалист, углубленный в себя, занятый лишь собой, своими сомнениями и переживаниями. Он лишь начинает путь "к человечеству", и художественный конфликт произведения - это борьба тьмы и света, старого и нового в смятенной душе поэта.

Автор поэмы 1945 г. давно уже принял в сердце "знамя соединенных республик". Он уже завершил долгий путь не только к абстрактному человечеству, но и к Человеку новой эпохи, и знание, понимание его, а главное - ощущение собственной слитности с ним - обогащает, расширяет само понятие "лирический герой", делает его глубже, масштабнее, философичнее. Художественный конфликт переносится "вовне", и поэт, сам будучи человеком нового времени, участвует в борьбе темного и светлого начал, ведущейся его народом. В "Прогулке в ноябре" - это борьба жизни и смерти, прошлого и будущего - конфликт, рожденный недавней войной, и вся художественная система произведения подчинена развитию и разрешению этого конфликта.

Если в стихотворении "Четверть века приходит к концу..." ирреальные, крайне субъективные образы никак не связаны между собой, разрознены, случайны, то в поэме 1945 г. образные детали, тропы, самые смелые ассоциации складываются в единую, цельную художественную систему, помогают автору раскрыть главную идею произведения.

Чернота смерти и войны: "но закатились в т е м н о т у без дна моря и небо..." (стр. 106); "ч е р н о - бледная земля сорок первого года" (стр. 110); даже "ч е р н а я роль" западных "друзей" - союзников. И"полное с в е т а" пространство будущего, где смерть "лишь точкой черной кажется, не боле "; "с в е т я щ и е с я окна" мирных домов, "полночная з а р я " , "снег с в е т и т с я ..." Свет в поэме в конце концов побеждает тьму и черноту, жизнь мира берет верх над смертью войны, - эта победа одержана в реальной жизни самим народом: "Здесь давеча мы сказку завели далекую, надолго, вековую... Мне завтра жизнь сначала начинать!..."(стр. 122).

Точно так же "расшифровывается", обретает конкретные, реалистические "внешние" связи и общий для обоих произведений образ мира-океана, водяной стихии. В "Четверти века" это романтические "матовые воды", из которых выплывает "знамя соединенных республик". В "Прогулке в ноябре" этот малопонятный, необязательный образ превращается в яркий символ "океана-Родины" - могучий "прибой племен и сил, народов и наречий" (стр. 117) - сквозной образ, прошедший через всю поэму. Бесконечные дали Вселенной, где "ищет острова все

новые исследователь русский /"как Родина далёко заплыла!.. И на чужбине моряку мила родная почва - палуба линкора" /стр. III/; и необозримое море жизни - "о жизни соль и горечь!"; и, наконец, "льющаяся", "влажная" песенная речь - стихия поэзии, "младшей из добрых сил природы". Внутренняя связь всех этих ассоциаций определяет единство поэтического звучания произведения.

Так все усиливающееся в творчестве А.Адалис реалистическое начало вбирает, впитывает в себя всегда присущую ее поэзии романтическую струю, так появляется у Адалис закономерный в советской литературе синтез романтического и реалистического.

"Прогулка в ноябре" - это своего рода середина творческого века А.Адалис. Поэт осознанно "итожит то, что прожил", подводит черту под многими уходящими в прошлое вопросами и проблемами. В то же время в этой поэме отчетливо намечаются важнейшие особенности всего дальнейшего творчества А.Адалис.

# ГЛАВА Ш

## НОВЫЙ ВЕК

/Творчество А.Адалис конца 40-х - 60-х годов/

Один из поэтических сборников А.Адалис называется "Новый век". Этот сборник вышел в 1960 г. Но "новый век" поэзии Адалис начался гораздо раньше. Он начался тогда, когда в ее стихи пришел Человек - тот Человек обновленного мира, гимном которому прозвучала "Прогулка в ноябре", Человек интересный и сложный, добрый и умный, отзывчивый и справедливый, Человек, стоящий "на страшной высоте" - высоте чувства, высоте духа, высоте разума. Он, и только он составляет главную цель, единственный смысл каждой стихотворной строчки, написанной А.Адалис, начиная с первого послевоенного дня - и до последнего часа ее жизни. Даже в те сложные и противоречивые годы, когда выросший в войне Человек снова был низведен до близкого к 30-м годам качества "человека-винтика" в общей трудовой машине, когда приглаженная, розовая, бесконфликтная действительность выдавалась за живую жизнь и именно такое ее изображение нередко объявлялось главной целью литературы, Человек в поэзии А.Адалис продолжал жить в огромном, многозвучном и многокрасочном мире, продолжал думать и искать, любить и ненавидеть, радоваться жизни и красоте. Не человек-винтик, а человек-творец: концепция человека в творчестве Адалис в главном остается неизменной и лежит в основе даже самых злободневных, связанных с заботами текущего часа произведений.

Именно из таких стихотворений, живущих в первую очередь сегодняшним днем Земли, составлен сборник А.Адалис 1949 г. "Восточный океан". "Восточный океан" - это не

просто очередной поэтический сборник Адалис. Это книга, где все произведения - даже несколько вошедших в нее переводов - объединены общей темой и общей идеей. Это книга о современном зарубежном Востоке. Показать подлинную жизнь, подлинные "страдания и надежды" народов, живущих на Таити и Филиппинах, "на синей Суматре целебной" и "на волшебном Целебесе", гнущих спины на плантациях Южной Америки и на английских фабриках Индии, - такова цель поэта.

Идея "Восточного океана" зарождается уже в поэме "Прогулка в ноябре".

Там страны есть вдали...
... Там, к другу темнокожему войдя,
Я смех услышу и ладоней всплески,
И детский плач,
сквозь музыку дождя,
Сквозь бисерные струи занавески...[I]

За "зеленовато-синим" сиянием тумана, за рассеянными и загадочными огнями электросварки и фонарями московских улиц поэту видятся "Индия в ее зеленом зное" и дальние страны темнокожих друзей. "Прибой племен и сил, народов и наречий" вырывается далеко за пределы "океана-Родины", и этот важнейший в поэме символический образ перерастает в еще более обобщенный образ несколько иного содержания - "восточный океан", давший название новому сборнику.

---

I А.Адалис. Прогулка в ноябре.-Стихи и поэмы, М., 1948, стр. II8.

"Восточный океан" не случайно появляется именно в 1949 году: само время скорректировало поэтический замысел и предопределило все особенности как содержания, так и формы произведений, вошедших в этот сборник.

В конце 40-х - начале 50-х годов зарубежный Восток привлекает внимание всего мира. Как известно, именно в этот период усиливается национально-освободительное движение, активизируется борьба восточных колоний за независимость. В сентябре 1945 года провозглашается Демократическая Республика Вьетнам, в сентябре 1948 г. - Корейская Народно-Демократическая Республика; октябрь 1949 г. - время освобождения Китая, в январе 1950 г. принимается Конституция Республики Индии.

И советские люди, с их "всемирной отзывчивостью", которая все больше приобретает политический характер, снова, как в 30-е годы - Испанию, теперь принимают в сердце этот борющийся "восточный океан".

Сборники стихотворений Н.Тихонова "Два потока" /1951/, А.Суркова "Восток и Запад" /стихи 1949-1957 гг./, А.Гитовича "Стихи о Корее" /1950/, Н.Грибачева "Непокоренная Корея" /1951/, произведения из книги К.Симонова "Друзья и враги" /1948/, поэма С.Вургуна "Негр говорит" /1954/, "Индийская баллада" М.Турсун-заде - таков далеко не полный перечень поэтических откликов на события, происходящие на колониальных окраинах земли.

Авторы большинства этих сборников и циклов сумели увидеть предмет изображения своими глазами. В 1946-55 гг. в

Индии, Пакистане, Корее, Китае побывали Н.Тихонов и И.Эренбург, К.Симонов и А.Софронов, С.Вургун и Мирзо Турсун-заде, Айбек и многие, многие другие советские писатели и общественные деятели.

Увиденные воочию, поразившие воображение факты рождали строки-отклики, строки-свидетельства, в которых фактографичность становилась подчас чуть ли не сознательной программой: "В стихотвореньи этом я стремлюсь быть протокольно точным. Я хочу свидетелем быть прежде чем поэтом"[1],- писал А.Гитович.

А.Адалис не была и не могла быть свидетелем: ей так и не удалось побывать за границей. "Мне странствия большие суждены!.. И нет моей вины, что собственного века мне не хватит"[2]. Но она была поэтом - и под ее пером оживали никогда не виданные ею "ступени громадных террас" на улицах индийских городов[3]; малайские дети, "желтые, как пчелы"[4], "тростяная постель на пяти долговязых ногах" индийского рикши[5]... Может быть, Адалис не всегда абсолютно верна правде факта[6], но в лучших стихотворениях ее сборника есть правда чувства и правда поэзии.

---

I А.Гитович. Свобода печати. - Стихи о Корее, Л., 1950, стр.37.

2 А.Адалис. Прогулка в ноябре. - Стихи и поэмы, М.,1948, стр. 118.

3 А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко... - Восточный океан, М.,1949, стр.25.

4 А.Адалис. Неправда и неправда. Там же, стр. 5.

5 А.Адалис. Гимн, которого в Веддах нет. Там же, стр.30.

6 В книге, к сожалению, встречаются отдельные географические и этнографические неточности.

Если не личное общение, то каковы же тогда те конкретные источники, которые давали материал для создания "Восточного океана"? Ведь в 20-е годы, как уже говорилось, главную службу в художественном исследовании А.Адалис республик советского Востока сослужила все-таки именно возможность увидеть все своими глазами.

Интересный пример, показывающий, как рождались те или иные образы, как оживал под пером Адалис далекий, известный лишь по книгам и рассказам мир, - стихотворение "Морозные узоры"[I], не вошедшее в "Восточный океан", но написанное примерно в те же годы.

Вот он сызнова предо мной
Светлый северный луч денной.
В искрах утреннего луча
Лес тропический, ледяной.

Изузоренное морозом московское окно - и парадоксальная ассоциация: в загадочном ледяном рисунке поэту видятся

тени белые
черных стран.
Индо-
незия.
Индо-
стан.

Возникает целая картина, будто вырванная поэтом из настоящей жизни:

Листьев пальмовых
веера,

I Личный архив А.Адалис.

Кровля храмового
двора ...
... Прахом старого серебра
Осыпается конопля ...

"Край косматого шалаша", "пар банановых деревень", "бриллиантовый жаркий дождь" - все это уже никак не связано с первоисточником, давшим толчок рождению образов, и начинает жить самостоятельной поэтической жизнью.

Однако исходная ассоциация все же не случайна: именно она объединяет и организует всю систему непосредственно связанных друг с другом сопоставлений. Северный мороз - и невыносимая жара южных стран; антипод белого, зимнего - черный цвет (он приобретает особый - эмоциональный - оттенок и не столько означает цвет кожи, сколько символизирует цвет угнетения). И за этими образами встает целая цепь новых - цветовых и смысловых контрастов: "ч е р н ы й зной", оборачивающийся "ослепительной б е л и з н о й" - и "л е д е н е ю щ и й в п е к л е д н е й", в "б е л о м п л а м е н и" южного солнца "ч е р н ы й люд". "Белый цвет", который грезится "черным" беднякам в виде риса и соли - а на самом деле олицетворяет лишь цвет кожи их угнетателей. Так случайная, на первый взгляд, фантазия автора оборачивается серьезной, общественно значимой поэтической мыслью.

Но, очевидно, только воображения - даже самой смелой поэтической фантазии - вряд ли хватило бы для соз-

дания не одного, не двух произведений, а целого стихотворного сборника.

"Вопросами индийской культуры, политики, кастовым вопросом и пр. я занимаюсь уже много лет", - писала А.Адалис в 1948 г.[I] Этот давний интерес к странам Востока и особенно к Индии (которой и посвящено большинство стихотворений "Восточного океана"), знакомство с индийской литературой, религией, философией[2] - несомненно сыграли немалую роль в работе Адалис над сборником.

Прямым или косвенным источником при написании стихотворения могли послужить и древняя легенда ("Тиру Валлува"), и газетное сообщение ("Преданье о Махатме"). По всей вероятности, поэт не прошел и мимо многочисленных очерков этого периода о странах Востока[3]. Немалую роль, по признанию самой Адалис, сыграли живые рассказы тех, кто возвращался "из дальних странствий". Стихотворение "Так говорил мой гость" - не поэтическая выдумка. Так или почти так дей-

---

I А.Адалис. Письмо в бюро секции поэтов при Союзе Писателей СССР от 25 июля 1948 г. Копия. Личный архив А.Адалис.

2 Очевидно, Адалис пользовалась преимущественно русскими исследованиями об Индии, поскольку Веды, Упанишады и большинство других индийских источников были переведены к тому времени на русский язык лишь частично (См.:"Восемь гимнов Ригведы", Казань, 1879; "Из области ведийской поэзии. Гимны в сб. "Восток", кн.4, М.-Л., 1924 и др.).

3 См.: К.Симонов. Сражающийся Китай. М., 1950; О.Чеченкина. Индия без чудес. М., 1948; И.Эренбург. Индийские впечатления. "Иностранная литература", 1956, № 6. С книгой очерков О.Чечеткиной в "Восточном океане" А.Адалис есть даже прямые совпадения (стихотворение "Ты видел").

ствительно говорили многочисленные "гости"-друзья Адалис: писатели, поэты и просто советские люди, побывавшие в "Сражающемся Китае" и в "Непокоренной Корее", в Индии и Пакистане.

И наконец, нельзя не учитывать огромный "восточный" опыт самой А.Адалис. Ее многолетнее биографическое знакомство с республиками советского Востока; постоянное творческое взаимодействие с восточной литературой[1]; талант и художественное чутье поэта; умение постичь и воспринять стихию инонационального...

Все это, вместе взятое, заменило столь необходимое в таких случаях непосредственное общение. Каким парадоксальным ни казался бы этот факт, но Адалис, ни разу не увидев Индии, Индонезии, Вьетнама, сумела написать о них не менее, а иногда и более убедительно и достоверно, чем иные из побывавших там поэтов[2].

"Восточный океан" продолжает очень важную и непреходящую в творчестве А.Адалис восточную тему. Но идейные и художественные линии 20-30 годов в их творческом применении к Востоку зарубежному закономерно обретают новые аспекты и решения, подсказанные новыми историческими обстоятельствами этого периода.

Решение проблемы "зарубежный Восток" в литературе конца 40 - начала 50-х годов обусловлено уже самой ее по-

---

I Как раз в то же время, когда создается "Восточный океан", А.Адалис параллельно работает над переводами из Камоля, Сайидо Насафи, Носира Хисроу и современных национальных авторов.

2 Заметим,кстати,что и знаменитая поэма Н.Тихонова"Сами"была создана задолго до того, как поэт увидел живую Индию.

становкой и лежит чаще всего не в сфере прежнего, преимущественно художественного разделения "запад - восток", а в совсем иной, уже не столько художественной, сколько политической плоскости. "Мир неделим на черных, смуглых, желтых, а лишь на красных - нас и белых - их", - поэтически точно формулирует главную идею всех произведений подобного рода К.Симонов[1].

Не только антиэкзотической, но в первую очередь антиколониальной становится позиция советского поэта. Индия, "страна чудес", которая издавна была синонимом слова "экзотика", теперь становится символом бесправия и колониальной несправедливости (вспомним "индийские свободы" и взвивающийся "индийский бич" в стихотворении К.Симонова " Речь моего друга Самеда Вургуна на обеде в Лондоне"[2]). Старая, продолжающая антиэкзотическую традицию 20-х годов тема "Индия без чудес" в 40-е годы значительно трансформируется, приобретает новые акценты, обрастает множеством совершенно новых современных мыслей и параллелей.

"Но в Индии - стране чудес - рабочий класс ты видел" - таков рефрен стихотворения Адалис "Ты видел"[3]. Придуманным сказочным красотам - "волшебным глазам в колодцы глубиной", "легендарным гномам гор" и т.п. противопоставляются теперь не просто реалистические детали действительной жизни восточного человека (таков, как мы помним,

---

1 К.Симонов. Красное и белое. - Друзья и враги, М., 1948. стр. 6.
2 Друзья и враги, стр. 38.
3 А.Адалис. Восточный океан, М., "Сов.пис.", 1949, стр. 22. Далее цитируется по данному изданию.

был основной художественный принцип изображения советского Востока в 20-е годы), - но такое конкретно-социальное понятие, как "рабочий класс Индии". В другом стихотворении Адалис - "Неправда и неправда" - ту же роль выполняет утверждение "Но есть республика Вьетнам"[1]. Характерно даже то, что Адалис в одном из своих стихотворений на ту же тему ("Там далёко, далёко, далёко ...") исходит не из какого-либо экзотического романа или стихотворения об Индии, а берет эпиграф из справочника конторы "Кук и К°", то есть сознательно выводит старый литературный спор за рамки сугубо-литературные: "В справочнике конторы "Кук и К°" Индия была названа страной, где турист увидит таинственную жизнь слонов, где в тропических садах разлита божья благодать, вода всегда тепла, звери опасны, люди загадочны, земля предлагает свои сокровища"[2].

Не просто изобразить "загадочный" Восток и восточного человека вровень, без экзотических восторгов перед несуществующими тайнами национального духа, а увидеть внутренние противоречия колониальных стран, несправедливость всех этих контор и компаний, противостояние богатых и бедных, угнетающих и угнетаемых; более того, суметь написать о все заметнее пробивающихся ростках социальной борьбы и новых взглядов - такова теперь цель советского художника, обратившегося к этому материалу.

Большинство зарубежных циклов конца 40 - начала 50-х годов продолжают поэтическую линию, у истоков которой

---

I А.Адалис. Восточный океан, стр. 5.

2 Там же, стр. 24.

стоят не только "Подражания Корану" или "Персидские мотивы", но одновременно - и зарубежные стихи В.Маяковского, поэма "Сами" Н.Тихонова. Публицистическая тема ведется теперь - в силу исторических обстоятельств - на восточном материале; ориенталистика, в лучших своих образцах всегда несущая зерно гражданственной, прогрессивной идеи, решая новые, современные проблемы, - становится откровенно публицистичной.

Нельзя не заметить, что многочисленные произведения этого периода далеко не всегда творчески развивают традицию советской публицистической поэзии 20-30-х годов. Публицистика - сложный вид лирической поэзии, страстным обнажением авторской мысли тяготеющий к высокой риторике, а потому требующий особой чистоты тона и отточенности поэтической формы. В советской же публицистике конца 40 - начала 50 годов, как известно, довольно часто не оказывалось как раз той грани между точностью и декларативностью, между страстностью и выспренностью, которая отделяет поэзию сердца от стихотворений на случай.

Успех ожидал тех немногих поэтов, которые выражали публицистическую идею не обнаженно-декларативно, а сумели изобразить живой, дышащий - и борющийся современный Восток.Ведь в конце концов и у Маяковского, и у того же Тихонова фламинго, стоящие на одной ноге под пальмой, - и "круглоухий мышастый пони", неизменная щетка чернокожего Вилли - и тазик для бритья сагиба - это конкретные детали того настоящего мира, в котором живут американские негры и маленький Сами.

К числу тех авторов, кто и в 40-е годы поднимался к публицистическому обобщению от факта, от детали, от восточ-

ной реальности, - наряду с Н.Тихоновым, К.Симоновым, С.Вургуном и некоторыми другими, - принадлежит и А.Адалис.

Именно острая публицистичность составляет главную особенность решения восточной проблемы в ее творчестве этого периода. Это тот новый аспект, который вносится в поэзию Адалис о Востоке ее обращением к Востоку зарубежному.

Несомненная удача "Восточного океана" обусловлена в какой-то степени тем, что не только ориентальная, но и публицистическая линия не чужеродна в творчестве А.Адалис, и "Восточный океан", отвечая общественным потребностям конца 40-х годов, при всей современности и даже злободневности звучащих в нем мыслей, - в то же время представляет очередной и закономерный этап в творческом развитии поэта.

Еще в 20-е годы в "Пограничной балладе" Адалис громко звучало: "Соль Хороссана мне застит глаза ... В горле моссульская нефть зажжена"[1]. В 30-е годы это публицистическое направление было продолжено стихотворением "Памяти сэра Лоуренса" и небольшим, но поэтически убедительным "Испанским циклом"[2]. А в 40-е годы герой Адалис снова принимает в свое сердце беды и тревоги людей самых разных стран и народов: "Чем я северней, тем родней, чем я далее, тем милей племя темное тех полей. Чем я старее - тем больней горе родины не моей!"[3] Интересно, что почти буквальное повторение в "Восточном океане" романтического образа 20-х годов как бы завершает этот охвативший три десятилетия поэ-

---

1 А.Адалис. Пограничная баллада. "Красная нива", 1927, № 13, стр. 20.
2 Стихи и поэмы. М., 1948, стр. 24-29.
3 А.Адалис. Морозные узоры. Личный архив А.Адалис.

тический круг:

Иранская ли нефть в груди горит,
Моссульская ли в горле зажжена,
Что в полночь душит дымом тишина?
И пылью сеистанской ест глаза,
И солью хоросанской жжет слеза!..[I]

Следует оговориться, что не все равноценно в этом сборнике. Критики справедливо отмечали некоторую растянутость отдельных стихотворений[2]. Где-то может мелькнуть неудачная рифма, где-то неточный, необязательный образ. Но эти возможные у любого поэта немногочисленные издержки никак не противоречат справедливому утверждению одного из рецензентов, что "новая книга стихов Адалис есть прямое продолжение славных традиций Маяковского"[3].

Публицистическое звучание восточной темы определило художественную специфику "Восточного океана", родило необычный стилевой сплав, в котором используются в оригинальном сочетании как художественные приемы восточного творчества 20-х годов самой А.Адалис, так и те возможности, которые дают законы и традиции публицистической лирики.

Прежде всего, идут в ход открытые поэтические декларации - самый распространенный в публицистике прием и самый сложный вид литературной дискуссии.

---

I А.Адалис. Так говорил мой гость. - Восточный океан,стр.5I.

2 См.:А.Фадеев. За высокое качество художественной литературы и принципиальную критику."Литературная газета",I0 августа I949 г.; В.Инбер. Внутренняя рецензия на "Восточный океан". ЦГАЛИ, ф. I234, оп.I3, ед.хр. I0I, л.78.

3 А.Тарасенков. Внутренняя рецензия на "Восточный океан". ЦГАЛИ, ф.I234, оп.I3, ед.хр. I0I, л.84.

Неправда, что малайцы малы,
Неправда, что малайцы голы,
Что любят криссы и кораллы,
Не любят фабрики и школы!
Неправда, что не любят школы
Их дети, желтые, как пчелы,
Их дети, малые, как пчелы...
Неправда, все неправда![1]

Этот рефрен "неправда и неправда", который вынесен в название стихотворения, многократно повторяется и варьируется автором, открыто отвергающим экзотические выдумки тех, кто продолжает смотреть на восточные народы сверху вниз.

Все стихотворение построено на многочисленных и разнообразных повторах: повторяются отдельные, самые важные слова - и целые строки; повторяются строки с изменением лишь одного-двух, ведущих по смыслу слов. Многократно употребляются повторы первых слов в идущих подряд или близлежащих стихах - анафоры:

Нет дикарей в лесных долинах!
Нет дикарей на Филиппинах!
Нет дикарей в пирогах длинных...
и т.д.

Все эти повторения и вариации одних и тех же стиховых элементов усиливают, развивают авторскую мысль, нагнетают авторские эмоции. Восклицания, риторические вопросы, преры-

---

I А.Адалис. Неправда и неправда.-Восточный океан, стр. 5.

вающие стихотворную строку; резкая смена ритмов и рифмовки (перекрестная рифма чередуется с оригинальными строфами, где в трех, четырех, а то и в пяти строках повторяется один и тот же концевой звук) – все это неузнаваемо трансформирует классический ямб, которым написано стихотворение, приспосабливает его к замыслу поэта – и придает стихотворению ярко эмоциональное, публицистическое звучание.

Но подобное открытое декларирование вообще не характерно для поэтической манеры Адалис. В большинстве стихотворений "Восточного океана" та же мысль – "неправда, все неправда" – уходит в подтекст, уступая место иным, более гибким и художественно многозначным приемам.

Это может быть, как и в 20-е годы, творческое использование восточной поэтической формы (стихотворение "Ты видел" написано строфой рубайи, характерной и для индийской литературы). По примеру своей поэзии 20-х годов, Адалис и теперь вкладывает в эту классическую форму современное содержание: рабочий класс, бастующие дети, "лес воздетых детских рук и сжатых кулаков" (жест революционного приветствия в Индии) – все это далеко от классической тематики восточной поэзии.

Подобным же методом создается и "Гимн, которого в Ведах нет"[1]. Поэтика стихотворения в какой-то степени идет от индийских религиозных книг – источника, казалось бы, совсем уж консервативного. Здесь и "вседержатель Будда в ладье из лотоса", и "Брама, вечного сын, восемьсот и

---

1 Восточный океан, стр. 30.

четырнадцать раз воплощавшийся в разные души". И специфическая лексика - "милосердная заповедь сна" и т.п. Но сущность авторской мысли - уже в самом названии стихотворения, и вся эта своеобразная стилистика не мешает, а, напротив, помогает Адалис - по оригинальному принципу контраста - провести идею, прямо противоположную священным учениям: "это слово о том, кто оружие в руки берет" - о коммунистах Индии.

Закономерно - сам материал дает такую благодарную возможность - что в "Восточном океане" Адалис в гораздо большей степени, чем в ее творчестве 20-х годов, развивается сатирическая тенденция. Естественно, что при этом Адалис заимствует художественные приемы уже не из своей восточной поэзии, а из прозы - очевидно, ощущая бо́льшую близость к публицистической лирике жанра очерка как такового и своих очерков 20-х годов в частности.

Сатирический образ создается и доведением до абсурда еще бытующих экзотических представлений: "... где слоны у речного истока собираются д у м а т ь и пить"[I]. И прямой противоположностью соседствующих друг с другом утверждений:

Там далёко, далёко, далёко,
У лазурной и теплой воды,
Где поля плодоносят до срока,
Где по улицам ходят слоны ...

---

I А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко ...- Восточный океан, стр. 24.

... Где гостей веселят умиленных ...
Где на совести мира висят
Голодающих
сто
миллионов
И бесправных
еще
шестьдесят[1].

Внутреннее противоречие подчеркивается здесь внешней однородностью речевого потока, который прерывается неожиданно - лишь в последний момент - графической лесенкой, выделяющей особенно важное.

Сатирический эффект достигается и при помощи внутренней авторской иронии, хорошо знакомой читателю "Песчаного похода", придающей изображаемому особый, подчас прямо противоположный кажущемуся смысл:

Лишь в бинокли с высоких балконов
Благосклонные леди глядят.
Карамельки, печенье в корзинке
Опустив на веревочке вниз,
Аплодируют пестрой картинке
Стрекозиноизящные мисс...[2]

Бинокли, через которые глядят на голодных бедняков "благосклонные леди", "веревочка", через которую общаются с народом "стрекозиноизящные мисс", "вереницы малюток-авто",

---

I А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко...-Восточный океан, стр. 28.
2 Там же, стр. 26.

на которых удирают свободные в своем выборе пришельцы при малейшей опасности, - все эти нейтральные сами по себе детали обретают в общем контексте произведений А.Адалис особый, сатирический смысл.

Точно так же - злой насмешкой поэта над лицемерием и фарисейством - выглядят и "кроткие блюстители Брамы с потаенно мерцающим взором"[1], и дремлющий в лотосе бог,"утомившийся от бесчинства людей" и читающий во сне "про земные свои жития"[2], и - особенно остро-сатиричны - земные "боги-самозванцы", те самые, у которых "много есть и домов золотых, и дворцов, и кумирен простых с кладовыми для сельских даров..."[3] "Поп. Дэнди. Леди. Доктор. Либерал... Хоть крохотны, как мошкара почти, а требуют: богами их сочти"[4].

Очень часто по примеру того же "Песчаного похода" А.Адалис прямо пародирует экзотический взгляд на зарубежный восток - и ставший традиционным у Адалис художественный прием дополняется средствами из арсенала публицистики.

Так, если в очерке 20-х годов древние минареты оказывались похожими на фабричные трубы[5], и это сопоставление давало пищу размышлениям о движении нового на Восток, то теперь в стихотворении Адалис появляются "гранитные храмы стооконных банкирских контор"[6] - образ совсем другого смыслового наполнения. Точно так же священная индийская ко-

---

I А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко...-Восточный океан, стр. 25.
2 А.Адалис.Гимн,которого в ведах нет.-Восточный океан,стр.32.
3.Там же.
4 А.Адалис.Так говорил мой гость.-Восточный океан, стр.46.
5 А.Адалис.Бухара-и-шериф.-Песчаный поход. М.,1929,стр.79.
6 А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко...-Восточный океан, стр. 25.

рова не просто наделяется обыкновенной коровьей "белоснежной звездой на лбу" /по тому же принципу, что в очерке "Чайхана Якуба Умедова" традиционные соловьи превращались в лягушек, а розы в полынь/, но гордо шествует по улицам города "над толпой человеков-теней, над толпой человеков-скелетов, что склониться спешат перед ней"[I]. И экзотический образ сразу перемещается в иной, публицистический план, вызывая мысль об отнюдь не священном куске мяса, необходимом этим людям, чтобы не быть тенями и скелетами.

Не что иное, как блестящая пародия, и стихотворение "Гавайская гитара"[2]. С этим стихотворением произошло то же, что когда-то с "Песчаным походом": некоторые критики не увидели его публицистической, антиэкзотической направленности, не сумели почувствовать и понять оригинальность и смелость поэтической формы и пародию на экзотизм приняли за экзотизм в чистом виде. Исследователь В.Шошин писал о "Гавайской гитаре": "Прогрессивные идеи окутаны экзотическим туманом, автор говорит о грядущем восстании на плантациях, а слушателям чудится убаюкивающее пение гавайской гитары"[3].

В этом определении необходимо переставить акценты: слушателям не "чудится" пение гитары, автор, не скрывая, а, напротив, нарочито подчеркивая это и названием, и эпиграфом /цитата из вальса "Бостон"/, и всей формой своего произве-

---

I А.Адалис. Там далёко, далёко, далёко... - Восточный океан, стр. 25.

2 Восточный океан, стр. 34.

3 В.Шошин. Н.Тихонов. М.,1960,стр.134.

дения, специально избирает исходной точкой нечто несомненно экзотическое. Адалис мастерски выдерживает все стихотворение в точном музыкальном ритме салонно-гитарного, соответствующего вкусам отрицательных персонажей "Восточного океана" вальса "Бостон":

Так. Так!
Ты не обманут:
Знакомый звук...
Знакомый и тягучий страстный звук...
Не голубь ли воркует, милый друг?

И ритмика, и звукопись стиха – все передает спокойное звучание вальса. Но в эту, действительно, "убаюкивающую" мелодию очень скоро вплетается новый мотив, который, ничем не нарушая избранную форму, вносит в нее совсем иное содержание:

Из батраков
живую душу тянут!

Вальсовые, гитарные образы будто захлебываются в сопутствующих им все время параллелях этого второго, гораздо более важного автору плана. "Невинные поля", цветущие вокруг, – и вынужденные торговать собой, рано и "беспамятно" увядающие девушки; капающий "теплым ночным дождем" каучуковый сок с гевеи, обеспечивающий безбедное существование хозяев плантаций, – и "мучная болтушка" на ужин бедняков, работающих на этих плантациях; "приятный, теплый дождь во тьме" – напоминает, как "текла, текла живая кровь казненных"...

В стихотворении все отчетливее проступает этот второй план, все громче звучит главный мотив: "в хозяйском кулаке твоя земля ... Плоды несет, но умерло фейхоэ, плоды дают, но умерли поля. ... Кулак проклятый разожми!" Даже ни к чему не обязывающий звуковой рефрен "Так! Так!" видоизменяется, подчиняясь движению внутренней мысли: "В такт! В такт! Забьются ли отвагою сердца? Проснется ли в рабе душа борца?" "Тик-так! Истории веселый пробил час. Тик-так! Гитара ворожит в последний раз..."

Этот мотив протеста возникает и постепенно нарастает, целиком захватывая, казалось бы, совсем не соответствующую ему форму, побеждает ее, подчиняет себе - и в убаюкивающем голосе гитары все яснее слышится предчувствие грядущего восстания, все ощутимее готовятся последние, кульминационные, наконец прервавшие вальсовую мелодию строки произведения:

Но люди на плантациях восстанут!
Сейчас
восстанут,
милый друг!

Эта мысль - о борьбе, о зреющем народном протесте - сквозным рефреном, в том или ином художественном варианте проходит буквально через все стихотворения "Восточного океана" и составляет главный пафос книги. И естественно, что параллельно неизменно возникает еще один поэтический образ, олицетворяющий ту силу, которая помогает восточным народам противостоять колониальной "неправде": это образ родины советского поэта.

Несколько декларативно проходит он через стихотворение "Так говорил мой гость": "Мы видели, как мы стоим высоко – посланники советского Востока. Там каждый о свободе вел рассказ, но не было свободных кроме нас"[I].

Гораздо более поэтично и естественно звучит "добрый голос отчизны моей" в стихотворении Адалис "Деревенька"[2]. Как у Н.Тихонова символом дружбы и постоянной связи народов становится подаренная когда-то лахорскому крестьянину и бережно хранимая им коробка советских сигарет с видом Кремля[3], так и у Адалис в африканской деревеньке живет память даже не о советском, а просто о русском человеке. "Чернокожий ворчун окликает дочурку "Маруся", в папуасском селе прозывают "арбузом" арбуз". Интересный и легко объяснимый факт ( в "деревеньке" жил когда-то Миклухо-Маклай) перерастает в стихотворении Адалис границы единичного и случайного и, рассмотренный в исторической перспективе, оказывается своеобразным символом сегодняшних человеческих отношений. Память о "доброхотном защитнике племен" Миклухо-Маклае сливается с любовью к сегодняшней, продолжающей его дело России.

Наконец, оригинально и убедительно проводится та же идея в стихотворении "Ты видел"[4]. Жизнь индийских ребятишек изображается здесь как бы "от обратного" – в контрастном сопоставлении с жизнью детей советских. Сопоставление это

---

I А.Адалис. Восточный океан, стр. 42.

2 Там же, стр. I9.

3 Н.Тихонов. Коробка сигарет. – Два потока. На втором всемирном конгрессе мира. М., I953, стр. 24.

4 А.Адалис. Восточный океан, стр. 22.

не прямолинейное: Адалис ни разу даже не произносит слова "Советский Союз"; она лишь ведет рассказ с позиции советского поэта, и из самого содержания стихотворения становится ясно, о каких правилах и законах идет речь.

Жить по закону не легко мальчишке лет пяти:
Обязан выпить молоко и в детский сад пойти.
... Рабочий день за три гроша на фабрике табачной -
На диво плата хороша для парня лет пяти!

Этому принципу подчинена большая часть стихотворения: противостоящие друг другу двустрочия, в которых каждое слово подчеркивает трагическую несовместимость поневоле совмещающихся понятий. Один и тот же возраст - пять, шесть, семь, двенадцать лет - для одних счастливый возраст детства, для других - несомненно взрослая пора; для одних "нелегкий долг" выпить молоко и заплести себе косички,для других - непосильная необходимость плести циновки на "черной фабрике" и качать смолу. "Божок семьи" и ее кормилец, маленький человечек, перед которым только начинает открываться "прекрасный белый свет" - и ребенок, лишенный детства и обреченный на раннюю смерть ("старуха-смерть с большим мешком обходит мастерские, заткнет глазастого в мешок - и света больше нет"). Таков глубокий смысл этих противопоставлений, таково утверждение законов гуманной, нормальной человеческой жизни через отрицание бесчеловечности.

Одно из лучших в сборнике "Восточный океан" - стихотворение "Тиру Валлува". Здесь публицистическая идея наиболее органично сливается с общегуманистической, здесь как-то

особенно остра и откровенна окрасившая всю книгу любовь поэта к живому человеку - будь то посланник "великого рода свободных" из его собственной справедливой страны или бесправный индийский пария; ребенок, получающий "два анна" на английской фабрике, или "черный правнук" друзей Миклухи-Маклая.

В этом стихотворении идет речь о реально существовавшем человеке - об индийском поэте-парии, жившем в I веке н.э. Тиру Валлуваре[I]. По преданию, он "юношей завоевал в народе славу ученого и святого"[2] и, написав книгу "Тирукурал" по образцу санскритских Вед, был принят индийскими богами в свой священный круг.

А.Адалис не задается целью писателя-историка и, хотя стихотворение даже по названию своему связано с конкретным человеком и событием, его главная мысль, его идея далеко выходит за рамки одной-единственной судьбы. Древняя легенда, рожденная наивной гордостью народа: и у париев есть свой бог, - пропускается через "творческий фильтр" поэта, трансформируется, подчиняясь общему замыслу книги. Не боги, а

---

I Основное произведение этого поэта "Тирукурал" появилось впервые в русском переводе лишь в 1963 г. Здесь же - в предисловии Ю.Глазова - дана биография автора. Как подтверждает известный советский исследователь-индолог Е.П.Челышев, до этого времени в русских исследованиях сведений о Тиру Валлуваре почти не было, и А.Адалис, по всей вероятности, исходила из чьего-то устного рассказа (этим, очевидно, объясняется и неточное употребление в в стихотворении имени поэта).

2 Ю.Глазов. Предисловие в кн.: Тирукурал. Книга о добродетели, о политике и о любви. М., 1963, стр. 13.

жрецы объявили поэта святым, и объявили не потому, что его книга священна и достойна встать рядом с Ведами, а потому, что "у отверженных париев черных не бывает певцов и ученых!.. Он явиться не мог человеком, - он является парией ... богом". Не возвеличение, а унижение человека - в таком "обожествлении". "Дайте парии стать человеком!" - такова главная мысль стихотворения, рожденная уже не столько легендой, сколько сегодняшней жизнью индийского народа: "и века протекли, и недели ... а прохода по краю панели здесь для париев нет в самом деле..." В этом постоянном сопоставлении далекого прошлого и колониального "сегодня" - первый, верхний, открыто публицистический поэтический слой произведения. Уже не "святые брамины", как века назад, а "британцы" проповедуют те же самые "истины", и нарочитая перекличка почти одинаковых поэтических формул лишний раз подчеркивает мысль автора: "У племен, вымирать обреченных, не бывает певцов и ученых..." Это новая, отнюдь не священная злая "книга закона" угнетателей.

Действительно живший когда-то Тиру Валлува олицетворяет для Адалис весь веками страдающий и униженный индийский народ:

Эй, носильщик, - могучие плечи!
Эй, красильщик у чана и печи!
Где тут ждет меня Тиру Валлува?..
... Тот, который по Индии длинной
Ходит восемь веков с половиной?

Более того, в общей поэтической системе стихотворения этот образ обретает высокое, обобщенно-символическое звучание.

Чтобы землю возделать, родится
Человек и плодами гордится ...

Разве это ограничено какими бы то ни было историческими или национальными рамками? "Готовый на мир заглядеться...", проклинающий "лицемерные книги" и "незаслуженный покой" богов, гордый, сильный, справедливый Тиру Валлува... Разве это один конкретный человек?

В своеобразной форме, где историческое, инонациональное искусно используется поэтом для выражения важной, остросовременной гуманистической идеи, - А.Адалис снова возвеличивает, утверждает Человека вообще, и в этом - главная мысль, главный пафос стихотворения.[I]

Прозорливость творческой фантазии и всегда присущая Адалис способность национального перевоплощения придают стихотворению достоверность, особую, неповторимую поэтичность.

"Золотые кумирни"; "золото" и "черноогненный пурпур" священных книг; земледельцы, слушающие проповедь своего поэта, "тяжело опершись на мотыги", и "базарные люди", забывающие "о жаровнях своих и о горнах, об узорных вертепах игорных..." Это древняя Индия, талантливо угаданная поэтом, знающим, чувствующим, любящим Восток.

Отверженные по сей день парии, не имеющие права "проходить в ста шагах от речной переправы..." "Здесь базарного

I Не случайно именно "Тиру Валлува" - единственное из всех стихотворений "Восточного океана" - почти без изменений вошло в последний сборник А.Адалис "Январь-сентябрь".

клекот жаргона..." "У вечернего гневного неба цвет горящего в трубках аргона..." Это современная Индия, принадлежавшая англичанам. Это Индия, никогда не увиденная воочию, воображенная, но точно соответствующая правде.

Умело стилизованные, тонко передающие дух и колорит священных книг подражания:

"Лебедей не ищи на кладбищах,
Не справляются свадьбы у нищих,
Не готовят из воздуха пищи..."
Так написано в книгах былого ...

Соответствующая характеру национального видения и понимания мира современная поэтическая интерпретация древнего учения Тиру Валлувы: "Эй, создатели неба и суши,... великаны бессмертного рода, создающие новые души!.. Дайте парии стать человеком! Дайте парии радость в работе!"

Наконец, ничем не нарушающая общую интонацию и стилистику авторская речь:

Хоть земля мне твоя незнакома
И не чту я ни льва, ни дракона, -
Называю тебя Человеком!
И пишу это в Книге Закона.

Поэтическая, образная система стихотворения сложна, многозначна и в то же время удивительно едина, подчинена главной творческой цели.

Но иду я от родины вещей:
От "крылатого рода могучих
Созидающих души и вещи!

От великого рода свободных ...

Где тут ждет меня Тиру Валлува?

Так входит в это стихотворение тема советской родины и мировоззрение ее человека: человек - вот настоящий "бог" в самом верном понимании этого слова - своими руками "созидающий души и вещи.., созидающий землю и воду и ... готовящий солнце к восходу".

Почетнее быть Человеком среди людей, чем парией среди богов - таково современное звучание древней легенды.

Человеком - Богом - равным среди равных - должен стать по законам "страны моей" каждый в современном мире - такова главная мысль стихотворения А.Адалис, такова идея, подспудно проходящая через всю книгу и объединяющая остро-публицистический "Восточный океан" с общей линией творческого развития А.Адалис.

Современный литературный процесс, начавшийся после войны, принято подразделять на два периода: конец 40-х - середина 50-х и конец 50-х - 60-е, теперь уже и 70-е годы. Но творчество А.Адалис не поддается подобной систематизации. "Восточный океан" - пожалуй, единственная книга Адалис за весь период 40-60 годов, рожденная идеями непосредственно текущего часа, книга, содержание которой прямо соотносится с датой ее выхода - 1949 г. Изданный за год до нее сборник "Стихи и поэмы" почти полностью (за исключением поэмы "Прогулка в ноябре") составлен из произведе-

ний 30 годов. А следующая после "Восточного океана" книга стихотворений Адалис - "Новый век" - появляется уже в 1960 г.

За эти II лет А.Адалис обретает славу одного из лучших в стране поэтов-переводчиков: к этому периоду относятся ее переводы М.Рагима и М.Миршакара, Р.Тагора и Физули, индийских и китайских поэтов. В личном архиве А.Адалис хранится около двадцати копий ее договоров 40-50 годов с восточной редакцией Гослитиздата.

Но в то же время за II лет - ни одного сборника, фактически вообще ни одной публикации оригинальных, непереводных произведений[I].

В разговоре о поэзии А.Адалис 40-60 годов снова оказывается важным и необходимым тот принцип, который был принят при исследовании ее творчества военных лет: должно быть учтено не столько время публикации произведения, сколько время его фактического написания. Если воспользоваться архивными материалами и восстановить относительно точные даты создания тех или иных произведений Адалис, то окажется, что 40-50 годы на самом деле были годами интенсивной, плодотворной работы не только над переводами, но и над многочисленными оригинальными произведениями. Что поэтические сборники Адалис 1960 г. ("Новый век"), 1962 г. ("Города"), 1966 г. ("До начала") и даже 1970 г. ("Январь-сентябрь")

---

I Если не считать цикла "Песенки саами", появившегося в 1953 г. в ж-ле "Огонек".

немалой своей частью составлены из стихотворений, писавшихся гораздо раньше - именно в этот период кажущегося молчания. Дата 7 сентября 1945 г. стоит на автографе стихотворения "Арал-Денгиз", вошедшего в сборник "Города"[I]. В 1951-52 гг. написано большинство философских "Восьмистиший", включенных в "Города" и в "Новый век"[2]. В 1946-1947 гг., сразу вслед за "Прогулкой в ноябре" Адалис пишет еще одну поэму в той же форме путешествия (но уже не по Москве, а по стране, по всегда близким автору восточным окраинам) и с тем же замыслом: передать мысли и чувства человека своего времени[3]. Но поэт пытался вместить в это произведение слишком многое: воспоминания - и современные картины, лирические отступления - и огромные вставные новеллы в стихах ... Все это, щедро нагроможденное одно на другое, потеряло важнейшее достоинство "Прогулки в ноябре" - ее целостность - и в конце концов рассыпалось на составные, мало связанные друг с другом части. И эти-то, сами по себе очень интересные части отдельными, законченными стихотворениями постепенно появлялись в сборниках Адалис 40-60 годов. "Так говорил мой гость" ("Восточный океан"), "Наяву", "Отрывок", "Вода, вода", "Старость лет" (то есть чуть ли не большая часть "Нового века") и даже философский цикл "По вечерам" ("Январь-сентябрь") - отрывки из этой "не-

---

I Личный архив А.Адалис.
2 Их черновые варианты находятся в той же рукописной тетради, что и "Песенки Саами", опубликованные в 1953 г. (Личный архив А.Адалис).
3 А.Адалис. Несостоявшаяся поэма. Машинопись. Личный архив А.Адалис.

состоявшейся", как назвала ее впоследствии сама Адалис, поэмы, рассыпавшейся таким образом не только в пространстве, но и во времени.

Все эти произведения долго ждали своего часа. В сложный и противоречивый период конца 40 - начала 50 годов, когда, как известно, "были допущены некоторые несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества"[1] ряда талантливых деятелей советского искусства, когда в основе эстетического анализа нередко лежала сталинская работа "Марксизм и языкознание", даже стихотворения Адалис 30 годов резко критиковались за "вычурность образов" и "словесную заумь"[2], а лучшими в ее "Восточном океане" объявлялись самые слабые в сборнике, декларативно-лозунговые строки[3]. Естественно, что стихи А.Адалис 40-50 годов, в которых все отчетливее проявлялись новые художественные принципы; произведения, в основе которых лежала новая, гуманистическая концепция человека, прямо противостоящая теории человека-винтика, зазвучали современно гораздо позже, чем были написаны, - после пограничного, значительно изменившего самую атмосферу жизни в стране XX съезда КПСС.

А.Адалис принадлежала к числу тех немногих поэтов, которых почти не коснулись пресловутая теория бесконфликтности, художественная упрощенность и прямолинейность литературы 40-50 годов; поэтов, которые и в этот период сохраняли и продолжали лучшие традиции советской литературы. Ада-

---

I См.:Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1958 г. - В кн.:О партийной и советской печати.Постановления ЦК КПСС о литературе и искусстве.М.,"Правда",1964.

2 Ю.Белаш.Слово - полководец человечьей силы. Заметки о современной поэзии. "Знамя", 1950, № 10, стр. 170.

3 П.Синг. Порочный стиль. "Звезда Востока", 1949, № 10, стр. 110.

лис публикует свои старые, давно написанные стихи в сборниках 60 годов, почти не редактируя их, даже не обозначив дату написания, - и стихи эти не кажутся анахронизмом, они живут в современной книге, занимают в ней свое, законное место, звучат так, будто написаны сегодня - выражают мысли, чувства, взгляды человека сегодняшнего дня.

Разумеется, 1956 год не мог так или иначе не сказаться в творчестве Адалис. Середина 50 годов оказалась для нее, как и для многих советских поэтов, особенно плодотворной: в 1956-57 гг. появляются целые рукописные книги лирики[1], и стихотворения из них - "Все вертится наша планета", "Глухая полночь", "Триптих (К.Циолковскому с надеждой)", "Коридоры листвы" и многие, многие другие публикуются во всех последующих сборниках.

Но в то же время для Адалис все это изменения, так сказать, количественные, но никак не качественные: "новый век" ее поэзии, как уже говорилось, начался раньше, и произведения конца 50-60 годов в принципе - ни по концепции, ни по художественной манере - не отличаются от всего написанного ранее.

Поэзия А.Адалис 40-60 годов не была статичной: в ней ясно ощутимо движение времени, развитие самой жизни. Но общее концептуальное, методологическое, художественное единство всего творчества Адалис последних десятилетий позволяет рассматривать ее поэзию этих лет в целом, не про-

---

1 Хранится в личном архиве А.Адалис.

водя резкой грани между отдельными периодами и учитывая хронологию написания произведений лишь внутри исследования каждой из проблем.

"В мире окровавленном, пустынном сочинять я снова начинаю", - писала Адалис в первые послевоенные дни[I]. Опустошенная, омертвленная войной душа человека лишь постепенно оживает, "воскресает", заново открывает мир - и как никогда сильно начинает ощущать радость бытия.

О, что мне делать с вечной жаждой жизни!
О, что мне делать с вечной красотой![2]

Любовь к жизни и ко всему живому - острое, непреходящее чувство - прорывается сквозь "частокол строк" большинства стихотворений А.Адалис последних десятилетий, звучит постоянной лирической, гуманистической нотой, составляет главное звено художественной концепции всего творчества.

Это любовь к природе:

Но зелень лип и кленов так ярка,
Так месяц чист, так засияет вскоре,
Так тонко дуновенье ветерка,
Что бросить их сиротствовать - вот горе![3]

---

I А.Адалис. "В мире окровавленном, пустынном..." Личный архив А.Адалис.

2 А.Адалис. "Мне говорят: вы стали стариком..." Личный архив А.Адалис.

3 А.Адалис. "Так вот моя последняя весна?.. " Личный архив А.Адалис.

Это любовь к Родине - к России, поэтический образ которой впервые возникает в зрелых стихах Адалис:

О, лебедя взмывающего сила,
Крик дикого промчавшегося гуся!
Россия ты моя, моя Россия ...
...Что может быть любви невыносимей?[I]

Это любовь к Земле - огромной, под стать Человеку, планете - его земной Родине:

Что, погибнет Земля?
Знаю, -
нет!
Не хочу.
У меня уговор с темноогненным ангелом бед.
Не хочу! -
Разве этого мало? ..[2]

И наконец, это любовь к человеку - это он - Земля, это он - Родина, это он - сама жизнь. Круг замкнулся, все поэтические пути всегда приводят к главному:

Я плачу о бессмертном человеке, -
О том, кого бы войны не сразили
И не сносили каменные реки,
Не разгромили грозами стихии
И косы бы стальные не скосили...

---

I А.Адалис. Посвящение Людмиле. - Январь-сентябрь, М., "Советский писатель", I970, стр. 26. Далее цитируется по этому изданию.

2 А.Адалис. Икар. - Январь-сентябрь, стр. 42.

Я плачу о бессмертном человеке,

Россия ты моя, моя Россия!..[I]

Это строки из "Посвящения Людмиле" - пожалуй, одного из немногих стихотворений А.Адалис, в которых чувство поэта, его любовь, его страсть, его страдание и радость звучали бы столь обнаженно, на какой-то неизмеримо-высокой, готовой вот-вот оборваться ноте.

Творчество Адалис удивительно едино по своей художественной структуре. Не только основные проблемы, но подчас даже небольшие, почему-либо близкие автору темы, даже отдельные образы переходят вслед за поэтом из года в год,из десятилетия в десятилетие, из произведения в произведение. Тем интереснее проследить, как отразилось в этом творческом движении движение времени, как одни и те же слова, сравнения, образы наполнялись все новым и новым содержанием.

Стихотворение о человеке-боге "Тиру Валлува" - своеобразное продолжение одной из таких старых тематических линий. Еще во "Вступлении к эпохе", как мы помним, возникают у Адалис библейские ассоциации. Образ "сотворение нового мира" неоднократно появляется в ее поэзии 30 годов. Продолжаясь в 40-60 годы, эта художественная линия под влиянием времени и соответственно изменяющемуся мироощущению самого поэта как бы разветвляется, получает все новые - всегда интересные и неожиданные оттенки и акценты, в основе которых лежит объединяющая их и все более ощутимая современная гуманистическая концепция человеческой личнос-

---

I А.Адалис. Посвящение Людмиле. - Январь-сентябрь, стр. 27.

ти: "боги есть, но это мы с тобою..."[1]

Адалис создает целый цикл стихотворений, объединенных этой общей темой, – и решает ее в разных художественных вариантах. В "Несостоявшейся поэме" 40 годов это наиближайший к 30 годам аспект: человек и труд. Не "делатель вещей", а их "сотворитель" – герой этой поэмы:

Кто не работал до седьмого поту,
Чтобы машине передать работу
И сбоку стать, когда всему помог,
Легонько управляя, – тот не бог![2]

В гораздо более позднем стихотворении с характерным названием "Ветхозаветное"[3] поэтические аналогии того же плана еще больше углубляются и расширяются. В основу произведения кладется не только библейская тема, но даже библейский текст (эпиграф взят из Ветхого Завета). Поэт XX века делает художественное допущение и пересказывает как нечто достоверное, действительно происшедшее когда-то, "за первобытным пепелищем", – предание о борьбе бога с праотцом Иаковом.

Здесь все почти точно по Библии, лишь, как в музыке, взято на несколько октав ниже канонического текста. "Дрались до света. Были биты" – вместо возвышенного "боролись"; вместо священного обиталища божьего – "дыра", из которой "полез", кряхтя, победивший бога "пастух сердитый". В по-

---

I А.Адалис. Отрывок. – Новый век. М., "Советский писатель", 1960, стр. I7. Далее цитируется по этому изданию.

2 Там же, стр. I6.

3 А.Адалис. Январь-сентябрь, стр. I2.

добном контексте не выделяется и явно апокрифический эпизод, выполненный в том же духе и стиле: "А к богу ангелы сбрелись: "Как ты дозволил?! Как возможно, что этот прах и эта слизь тебя обставили безбожно?!" Остроумная игра словом "безбожно", неожиданное "прочь! И лады, - взревел господь, своим созданием довольный..." - рассказ переводится уже прямо в юмористический план.

Зачем же понадобилась Адалис библейская легенда и в чем смысл такого ее прочтения? Все дело в самом ее содержании, в самой возможности сопоставить человека с богом - опять-таки в пользу человека. Юмор лишь скрашивает условность прямого сопоставления, но суть стихотворения в открыто выраженной автором мысли: не только "был р о в н я богу своему", но и "п о б е д и л его какой-то праотец Иаков". Победил не только человек бога, "превознесся дух крамольный" - в понимании символических ангелов, олицетворяющих осторожность, противостоящую смелости, благоразумие, сдерживающее порывы разума, насилие, смиряющее силу, - все то, что отличает человека слабого и ничтожного от Человека с большой буквы.

Такое же поэтическое сопоставление человека с богом, уже в несколько ином, более серьезном, даже философском ключе - и в стихотворении "Возможно все , что мыслимо..."[I] Распятый и воскресший Христос - и размышления автора о бессмертии жизни вообще ("а мертвого и нет, о лжеученый! Вся сущая Вселенная жива") - и как закономерный итог—

---

I А.Адалис. Январь-сентябрь, стр. 30.

мысль о вечно живущем Человеке, воспевшем в легенде о Христе собственное бессмертие.

Прекрасно это выдумано, люди,
... Что он земной, но гибели избег, -
Простой - из Плоти, Разума и Дела -
Еще растущий Богочеловек! ..
Вот не из храма, а из дома вышел
Высотного, - на площади большой ...
Доволен сам, что выдержал и выжил,
И радуется жизни всей душой ...

Не Человекобог, а Богочеловек, не антирелигиозное снижение божественного, а гуманистическое возвышение человеческого - таков смысл, такова цель всех произведений А.Адалис подобного рода

По вечерам, при молодой луне
Природа говорит: "Доверься мне"...
И жест благословляющий ветвей
Дубов и лип над головой моей...[I]

Это еще один вариант все той же художественной темы. "Б л а г о с л о в л я ю щ и й" жест ветвей; обращение "О Боже, то бишь о природа!", мелькнувшее в одном из черновых вариантов другого стихотворения[2]... Цикл "По вечерам", в котором художественный конфликт "человек и природа" прямо лежит в сфере философской, тоже оказывается втянутым в ту же поэтическую орбиту. Природа - бог, природа - творец.. "Доверься мне", - говорит она человеку. Но Человек Ада-

---

I А.Адалис. По вечерам. - Январь-сентябрь, стр. 48.
2 Личный архив А.Адалис.

лис, не переставая ощущать себя частью, живой плотью "матери-природы", в то же время все выше поднимается над ней, чувствует в себе силы взять ее под свою защиту. "Довериться? А вечная зима? А зной пустынь? А страх сойти с ума в полярном одиночестве?.." "Доверься мне", - "ласково" отвечает он, и уже не природа, а человек - творец и бог, изменяющий лик Земли: "Ни холода, ни мрака, ни болот не станет на пути моих забот! И рая, где хозяйствовал Адам, пусть не было.., но я создам!" Лирическая, поэтичная беседа с принявшей условный земной облик природой - "старухой на песчаном берегу" - перерастает в философский диалог всемогущего Человека с самой жизнью, в которой он стал творцом и хозяином.

Человек - Бог. "Владыка над силой морской и небесной"[1]. Но,характеризуя героя А.Адалис, нельзя ограничиться лишь этими определениями. Не абстрактная космическая личность, а живой, чувствующий человек, которому ничто человеческое не чуждо, живет в стихах Адалис последних десятилетий. Даже Христос - сын Бога! - для нее прежде всего - земной, человечный, "в широкой, светлой, радостной одежде", которую кто-то "вычистил" и "выгладил" живыми, добрыми руками[2]. "Неяркая, небольшая церковка", из которой он вышел; дорога к городской заставе; ветерок, ласкаю-

---

I А.Адалис. Каспийское море. - Города, М., "Советский писатель", 1962, стр. 20. Далее цитируется по этому изданию.

2 А.Адалис. "Возможно все, что мыслимо..." Январь-сентябрь, стр. 30.

щий его лоб... Не святой, а реальный, не воскресший, а вечно живущий, не Бог, а Человек, "радующийся жизни всей душой".

Изменяется герой, изменяются его связи с окружающим миром, изменяется само понятие "окружающий мир" - оно становится богаче, многозначнее. Если в 30 годы это был прежде всего мир труда - больших дел и свершений, то теперь сфера поэтического значительно расширяется. "Музыка работ Новосибирска и Амурска"[I], город нефтяников "на эстакаде над бездной"[2]; выращенные в пустыне "зеленые лучи"молодых посевов"[3]; построенные человеком "серосверкающие" космические корабли[4] - это лишь малая часть того огромного мира, в котором живет герой лирики Адалис 40-60 годов.

"Небоскребы - каменные соты"[5] - и"глинобитные стены" восточных селений[6]; "Арал-Денгиз" - и "Омская баллада"; "Зеленый непокой" детства, "лучезарное" время юности, "огненные зоны" недавних - и уже таких далеких испытаний: "моря могил войны, где обелиски - маяки в тумане застывших слез..."[7] Первый искусственный спутник - и будущих

---

I А.Адалис. "Я слышу музыку порой..." - Новый век, стр.6.

2 А.Адалис. Каспийское море. - Города, стр. 20.

3 А.Адалис. Зеленый луч. - Новый век, стр. 99.

4 А.Адалис. "Это было перед приземленьем..."-Города, стр.IO.

5 А.Адалис. Восьмистишия. - Города, стр. 38.

6 А.Адалис. "За час - не больше - до заката..." - Города, стр. II.

7 А.Адалис. "Из признаков округлости земли..." - Новый век, стр. 27.

"звездных кораблей незримый строй..."[I] В стихи приходит все, что в душе и перед глазами сегодня, что запомнилось издавна и навсегда, все, о чем мечтается на многие годы вперед.

"И в древний мрак природы, сверкнув, ныряет стих"...[2] Пронзенная солнцем речная гладь[3] – и "сквозная тень лесная"[4]; "сумрачный мир травяного уюта"[5] – и "пышная, свежая горных лесов лепества"[6]; "ребристые барханы пустыни[7] – и дикие горные тупики[8]. Мир природы в стихах Адалис разнообразен, многолик, каждое место на земле, каждый день и час года имеют свои приметы, свои очертания.

От человека к природе Адалис проводит самые разные линии связи: старая, даже, пожалуй, вечная тема обретает новые грани и оттенки. Человек – хозяин природы, человек-защитник ее (цикл "По вечерам"). Человек в то же время – сын ее, часть ее, плоть ее. "Не ро́дна столицам природа"[9]– но она "ро́дна" человеку, она возвращается, прорывается к нему "с какого-то скрытого хода". Это столкновение живого

---

I А.Адалис. По вечерам. - Январь-сентябрь, стр. 48.

2 А.Адалис. Гномы. - До начала, М., "Советский писатель", I966, стр. 29. Далее цитируется по этому изданию.

3 А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 78.

4 А.Адалис. Гномы. - До начала, стр. 28.

5 А.Адалис. Запах календулы. - До начала, стр. 9.

6 А.Адалис. Город снов. - Города, стр. 28.

7 А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. I9.

8 А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 77.

9 А.Адалис. "Ты признаков первых не видишь..." - Январь-сентябрь, стр. 46.

мира деревьев и цветов с "электрическими звездами"[1] и с властью асфальта – особая тема в стихотворениях Адалис, особый – духовный – конфликт в душе ее героя, стремящегося к гармонии с окружающим миром.

Природа у Адалис повсюду сопутствует человеку, делает его чище, добрее, богаче, одухотвореннее – и сама оживает, "очеловечивается" рядом с ним, обретает его черты, привычки и приметы. "Темнорыженькая", как девчонка, речка[2]; вода, "ощупью спускающаяся с гор"[3]; "промерзшая" и "промокшая" ночь[4]; "пустыня рыщет"[5], "деревья задумали создать лесок"[6] и т.д. Природа, как человек, может быть злой и доброй, веселой и задумчивой, она как бы зеркально отражает жизнь человеческой души – и одновременно составляет важнейшую часть окружающего поэта живого мира.

Поэзия А.Адалис – это мир конкретный – ощутимый и осязаемый. Пожалуй, не найти ни одного стихотворения, где бы так или иначе не присутствовала живописная деталь, где

---

I Интересно, как время меняет у Адалис содержание одного и того же образа. Если в поэме 1934 г. "Кирову" "электрические звезды в падях Севера горят" звучало радостно, утверждало могущество "человека новой эпохи", то теперь это "электрические звезды", вознесенные на "неразумную высоту" небоскребов – они "холодные", "дикие", даже "жестокие", они противостоят человеку, затмевают свет настоящих звезд (См.: А.Адалис.Восьмистишия.-Новый век, стр.38).

2 А.Адалис. Наяву. - Новый век, стр. 9.

3 А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. 19.

4 А.Адалис. "Я слышу музыку..." - Новый век, стр. 6.

5 А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. 19.

6 А.Адалис. Был двор. - Города, стр. 16.

бы "туманный контур бытия" не обретал четких, живых очертаний.

Человека здесь окружают те же, что и в жизни, подлинные и многочисленные предметы и реалии: "чашка и кувшин для молока, детская корзинка и тарелка"[1]; "сарай, где в ящиках бутылки, и стол, припавший на бочок"[2]; покрытые росой цветочные клумбы – и морковка на грядах; светофор, фонарь над перекрестком и многое, многое другое.

Поэзия Адалис – это мир запахов: "и запах капорцев горчит..."[3]; "арбузный запах свежей влаги"[4] и запах календулы"[5]; "аромат акаций в пыльных тупиках"[6] – и "роза, вянущая сладко"[7].

Это мир наполняющих и окружающих человека звуков: "муха в паутине.., мышка пол скребет"[8]; "приносит ветер ледяной... гудки с дороги окружной..."[9]

Наконец, это мир красок – разноцветный, радужный мир яркой и броской живописи и акварельных полутонов."Глубокие синие лужи", "лиловая вода","белые, темно-вишневые,

---

I А.Адалис. Восьмистишия. - Города, стр. 38.

2 А.Адалис. В душевной простоте. - До начала, стр. I9.

3 А.Адалис. "Пускай шутник и сплетник лживый..." - Новый век, стр. 2I.

4 А.Адалис. Триптих.(К.Циолковскому с надеждой). - До начала, стр. 38.

5 А.Адалис. Запах календулы. - До начала, стр. 9.

6 А.Адалис. Триптих (К.Циолковскому с надеждой). - До начала, стр. 40.

7 А.Адалис. "Была, я помню, улица в Москве..." - Январь-сентябрь, стр. 23.

8 А.Адалис. "Я слышу музыку порой..." - Новый век, стр. 6.

9 А.Адалис. Триптих (К.Циолковскому с надеждой). - До начала, стр. 38.

в гипсовых, рисовых, вдруг иногда барбарисовых красках дома..."[1] "Сиреневые сумерки" - и "розовые аму-дарьинские утра". И чаще всего - любимый цвет, зеленый: "зеленая ограда", "зеленый пригорок", "зеленый свод", "зеленый луч", даже "зеленый непокой". "Свет ж и з н и алый и зеленый"[2] - вот что означает это пристрастие. В красках, звуках, запахах живет у Адалис одушевленное существо - жизнь ("к т о она такая?"[3]) - художник любовно пишет ее живой портрет.

Живопись А.Адалис точна, определенна; деталь, эпитет, сравнение всегда подсказаны темой, содержанием, общим настроением вещи.

Страшные, мохнатые цветки,
Скачущие солнечные пятна,
Грозных насекомых хоботки...[4]

Это, конечно, о детстве, когда все незнакомое кажется одновременно удивительным и грозным, интересным и страшным, когда все - игра, игрушка, - даже "темных косогоров мокрый п л ю ш "[5].

В зелени белеет ряд палаток,
Река ревет. И мост над нею шаток,
Костер дымит, и горечь на губах...[6]

---

1 А.Адалис. Город снов. - Города, стр. 28.
2 А.Адалис. Баку. - Стихи и поэмы, М., 1948, стр. 47.
3 А.Адалис. Отрывок. - Новый век, стр. 16.
4 А.Адалис. "Помню я глухую старость детства..." - Новый век, стр. 3.
5 Там же.
6 А.Адалис. Письмо. - Новый век, стр. 26.

Здесь уже не обязательна авторская ремарка: "То, кажется, Нагорный Карабах"; это несомненно – Восток, как всегда, обретающий объемные и зримые очертания в поэтической строке Адалис.

Даже солнце у нее – всегда разное. Во мгле раскаленной пустыни оно "темно-желтое"[I]; в горном селенье – "за час – не больше – до заката свет солнца ярко-смугло-желт. Листву блеснувшую богато, он обливает, а не жжет"[2]. Точно так же преображается, видоизменяется и образ моря: едва синеватое, "где вовсе уже не бывает ни зыби, ни дрожи" Каспийское[3] – и "морская свобода" Черного, его "зеленовато лоснящаяся", мутная, "как слюда", вода[4].

Поэт умеет остановиться, прислушаться, вглядеться, он любуется деталью, эпизодом, картиной – и кропотливо лепит зримый и осязаемый реалистический образ.

Но в то же время это далеко не единственная цель Адалис – провести прямую линию от стихотворной строки к окружающему человека предметному, вещному, живописному миру. Деталь, изображение – это чаще всего лишь точка, от которой расходятся в ее стихах широкие круги разнообразных ассоциаций.

Вдруг глядишь – за частоколом строк
Глубина туманная таится ...
... Там, где обрываются слова,
Вьются потаенные тропинки...[5]

---

I А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. I9.
2 А.Адалис. "За час - не больше - до заката..." - Города, стр. II.
3 А.Адалис. Каспийское море. - Города, стр. I9.
4 А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. I3.
5 А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 76.

В поэзии Адалис множество таких "тропинок", ведущих с поверхности стиха вглубь, в "потаенный", внутренний поэтический мир. Собственно, у Адалис даже не один, а несколько таких "миров": большой талант рождает стихи самых разных направлений и наполнений. Это романтический мир мечты, сказки, воспоминания - и сложная философская вязь "ума холодных размышлений"; "неистовствующий вихрь" поэзии-музыки, поэзии - стихии - и мир "превозмогающего" стихии человеческого разума, поэзия современной науки. Все это неразрывно связано между собой, объединено личностью самого поэта.

Есть еще какое-то одно
В тишине, звенящей без умолку,
Ставнями закрытое окно ...
... Может быть, за ставней золотою
Пальма Перу прячет веера,
Переодевается ветлою?[1]

Через многие стихи Адалис проходит этот образ: окно в потаенный мир, "лазоревый глазок" в "кирпичной тесноте" обыденности, щель в стене времени - внезапное сопряжение примет и предметов, совмещающее живое и придуманное, реалистическое - и романтическое. И в зрелом творчестве Адалис продолжает существовать мир р о м а н т и ч е с к и й - мир непомерных чувств, "терзающих страстей", ярких красок и непримиримых противоположностей.

---

I А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 78.

Резкие, типично-романтические контрасты: "т е м н ы й щебень в р а д у ж н ы х ведерках"[1]; "вкус травинок с л а д к и х или г о р ь к и х"[2]; "а между тем весенний полдень то о б ж и г а е т , то з н о б и т "[3];"но что за примесь чуть р у м я н и т их с е р о с т ь , тусклую, как дым..."[4]

Рядом с описательными, изобразительными - всегда характерные для Адалис, но теперь еще более разнообразные и многочисленные эмоциональные, оценочные, "выразительные" эпитеты, определения, метафоры: "алмазные черенки", "легкие погоды", "таинственный лесок", "воздушные" и "вольные" поля, "прозрачно-пылающий цвет", "ветер с моря счастья и свободы" и т.д.

Если в 30 годы романтика Адалис - это романтика подвига, романтика действия, то теперь романтическое все больше переносится в сферу духовную - это уже романтика мыслей и чувств человека, его стремление в мир тревог и открытий, поэтическое выражение душевной неуспокоенности, неудовлетворенности, вечной молодости сердца.

Именно поэтому в поэзии Адалис последних десятилетий все чаще появляются почти не встречавшиеся у нее в 30 годы откровенно условные, традиционно романтические образы,ставшие уже символом "романтики души": "моря и страны, .. кры-

---

I А.Адалис. "Помню я глухую старость детства..." - Новый век, стр. 3.
2 Там же.
3 А.Адалис. А между тем. - Новый век, стр. 30.
4 А.Адалис. "За час, не больше, до заката..." - Города, стр. II.

латые суда"[I]; "песня о ветре дорог"[2], "старая тоска по кораблю, думы о скитании далеком"[3] и т.п.

Кому же ты докажешь, тот, который
Уже не станет юнгой никогда,
Что ветер с моря раздувает шторы,
Как паруса... как в старые года?
Что ждет еще тебя на взгорье одиноко
Араукария? И что зеленый свод -
Заветный, низкий свод ветвей над Ориноко,
Тебе обещанный, - тебя зовет?[4]

Здесь важно не прямое значение каждого слова, а то, что стоит за стихом, - настроение, ощущение, целый ряд ассоциаций, на какой-то миг сливающих читателя и поэта в единое целое. У каждого - своя "араукария" на далеком взгорье, своя "Ориноко". Но всем одинаково близки и понятны печаль расставания с детством - и сожаление о промелькнувшей юности, неумирающее стремление вдаль. Адалис не расшифровывает образы, не обнажает мысли, и в этой романтической дымке недосказанности, недоговоренности - особая прелесть стихотворения, его особая поэтическая сила.

Романтическая мечта и земная действительность связываются в поэзии Адалис оригинальными, непрямыми художественными связями. Адалис "творит" свой романтический мир на глазах у читателя, заставляет увидеть удивительное - рядом,

---

I А.Адалис. Глухая полночь. - Города, стр. 36.
2 А.Адалис. "Нет над землей небосвода ..." - Города, стр.8.
3 А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 75.
4 А.Адалис. "Нет, не поможет ход столетий..." - Города, стр. I5.

необычное – в обыкновенном, преломляет в романтической призме реальное, каждодневное. Запах календулы "в грубом и скучном флаконе аптечном" превращается в "ангельский запах доброй надежды"[I]; в отраженных мокрым асфальтом огнях светофора видятся сказочные рубины и фосфоресцирующие леса[2]; в "гордой" красоте московских улиц чудится "Индии внезапное соседство"[3]. "Экваториальная лазурь", сияющая в четырехугольнике московского окна; само это окно в строящемся здании – как "свежая пробоина" в корабле...[4] Снизу – ввысь, от детали, запаха, цвета, движения – к чувству, переживанию, возвышению – таков один из основных поэтических принципов.

Но в то же время романтическое у Адалис нередко рождается, как и в 30 годы, на поэтическом пути "сверху вниз": рядом с самым высоким, самым обобщенным образом неизменно возникает реалистическая деталь, бытовая подробность, земная примета обычного, низводящая условность, иногда даже сказочность, фантастичность с абстрактных "неземных" высот. "Ветер с моря" раздувает не просто паруса, а оконные шторы, "как паруса", как в давние года"[5]; "пальма Перу прячет веера,

---

I А.Адалис. Запах календулы. – До начала, стр. 9.

2 А.Адалис. Восьмистишия. – Новый век, стр. 76.

3 Там же, стр. 77.

4 Там же, стр. 75.

5 А.Адалис. "Нет, не поможет ход столетий..." – Города, стр. I5.

переодевается ветлою"[1]; ограда, за которой открывается романтический "тот свет", - достоверно "высоченная, крепкая, длинная, дощатая"[2]. Даже сказочные добрые гномы, помогающие "людям бессонного труда", - окружены реалиями вещного мира: "зимой они в коротких, ушастых башлычках, кто в гетрах, кто в обмотках, кто в горных башмачках"[3].

Особенность поэтики Адалис, ее неповторимое своеобразие - в пришедшем еще из 30 годов умении и стремлении сочетать высокое - и низкое, из ряда вон выходящее - и каждодневное, совмещать несовместимое (вспомним: "и восходят на скудном такыре небывалого вида дворцы"[4]).Адалис не просто заимствует, она продолжает и развивает этот свой старый принцип. "Проход под аркой - в небеса"[5]; "сарай налево, лес направо - к луне тропинка посреди"[6]. Это образы, стоящие в том же поэтическом ряду, - но еще резче, чем раньше, становятся контрасты, все дальше друг от друга отстоят противоположные художественные полюса.

Еще никогда романтический мир Адалис не был столь широк и просторен для высокого полета мысли, чувства, мечты, фантазии. И вместе с тем никогда раньше ее поэзия не была так накрепко привязана к земле. С годами стих Адалис становится не только весомым и зримым, но подчас даже нарочито грубым. "Пылит дорога, тощи кони,.. торчит молодая листва[7];

---

I А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 78.
2 А.Адалис. В душевной простоте. - До начала, стр. I9.
3 А.Адалис. Гномы. - До начала, стр. 28.
4 А.Адалис. Бессонница. - Братство, М., I937, стр. 6.
5 А.Адалис. В душевной простоте. - До начала, стр. 20.
6 Там же.
7 А.Адалис. "Пускай шутник и сплетник лживый..." - Новый век, стр. 2I.

"торгуют на базаре ерундой, и пьяница валяется седой"[I]; "вонючий, лысый тупичок"[2]; и даже – до эпатажа смелые сравнения и образы: "рифма, как репей, за бедную напарницу свою цепляется"[3], "на двух каких-то цапельных ногах бредут мои стихи.., подолгу иногда какой-нибудь стоит – и никуда, из голенастых ног поджав одну, обидчив, как журавль..."[4]

Во многих стихотворениях можно натолкнуться на подобные эпитеты, метафоры, сравнения, причем интересно и важно, что поэт не просто легко оперирует словами и понятиями из самых разных лексических и смысловых пластов, а использует весь этот, подчас весьма далекий от лирической и тем более от романтической поэзии материал для создания именно романтического художественного образа.

"Корыто" Азовского моря[5]; розовый пион на сером асфальте[6]; "великое и вольное пространство отодвинутой к печке кровати"[7]; удивительная по своей разностильности строка: "сквозь печальный мир воспоминаний мне случалось нехотя брести"[8]. Наконец, классическое для Адалис образное определение в стихотворении "Арал-Денгиз": Аральское море – "это миска плоская, большая всех морей синейшей синевы"[9]. Как

---

I А.Адалис. Наяву. - Новый век, стр.9.

2 А.Адалис. В душевной простоте. - До начала, стр. I9.

3 А.Адалис. По вечерам. - Январь-сентябрь, стр. 54.

4 Там же.

5 А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. I2.

6 А.Адалис. "Была, я помню, улица в Москве..." - Январь-сентябрь, стр. 23.

7 А.Адалис. Это было. - До начала, стр. I0.

8 А.Адалис. "Помню я глухую старость детства..." - Новый век, стр. 4.

9 А.Адалис. Арал - Денгиз. - Города, стр. 24.

претенциозна, слащаво-красива была бы сама по себе "синейшая синева" – и как груба, непоэтична приземленная "плоская миска"! Смыкая обе противоположности, Адалис создает особый, неожиданный романтический образ.

Все это не просто поэтические парадоксы: таково видение поэтом самой жизни. В постоянной борьбе, противостоянии и одновременно в соотнесенности, взаимопроникновении, в единстве противоположностей – высокого и низкого, мечты и действительности, романтического и реалистического.

Чаще всего "земное" служит Адалис материалом для создания романтического образа. Но иногда этот контраст высокого и низкого перерастает в конфликт, становится самостоятельной поэтической темой. Интересно, что время меняет отношение самой Адалис к этому конфликту, подсказывает разные возможности его художественного разрешения.

Стихотворение 1945 г. "Арал-Денгиз"[1] целиком строится на этом принципе контрастов и столкновений. Прямо-таки репортажная "Среднеазиатская жел.дор." – и рифмующийся с ней поэтичный "первый день заголубенья гор". "Пыльный берег бел, как молоко", "сизое небо", столовая "Муйнак", в которую ходят пить рыбаки; "бестолково роящиеся в тяжелом море голые острова" – и противоположный этому реалистическому пейзажу возвышенный, сказочный образ: встающее за Арал-Денгизом загадочное, манящее "золотое зарево". Старый образ 20 годов (вспомним очерк "Зарево в пустыне") обретает

---

1 А.Адалис. Города, стр. 24.

еще более откровенное, чем раньше, романтическое облачение:

Что ж сиянье желтое богато,
Будто путешественника ждут
Во дворцах у Тигра и Евфрата,
Шахразада даст ему приют...

И так же, как когда-то экзотическое "зарево в пустыне" превращалось в конкретный хлопковый завод Байрам-Али, так и теперь:

... Зарево обманет, -
Никаких поблажек впереди,
Потому что первыми лесами
Завтра лишь рванутся в облака
Города, что мы построим сами ...
Но которых нет еще пока.

В хронологически наиближайшем к 20-30 годам "Арал-Денгизе" отвлеченная мечта побеждается романтическим деянием рук человеческих, и в этом - главный пафос произведения.

В 50-60 годы изменяется само содержание того же конфликта: это уже столкновение мечты - и бескрылости, яркости и серости, поэзии - и прозы жизни.

Все одно, куда ни сунешься:
Та же пыль и тот же сор...
А заря туманной юности
Длится, длится до сих пор[I]

Я и Кандагар, и Бухару
В жизни повидала, не забуду, -

---

I А.Адалис. "Нет ведь года и двухтысячного..." - Январь-сентябрь, стр.2I.

Было там на рыночном пиру
Ветрено и пыльно, как и всюду ...
... Где же ты, другая Бухара?
Все меня зовешь за пеленою ...[1]

Ставшая своеобразным символом "пыль" не просто земных, а чрезмерно приземленных, скучных и обыденных дорог ("пыльный берег", "пыльный кишлак", "пыль, самосвалы, толпа") – и свежий ветер романтических странствий.

Именно этот конфликт становится главным в стихотворении 1956-57 гг. "Коридоры листвы"[2]. Художественные полюса здесь как бы меняются местами. Вместо примерещившегося когда-то в детстве и в юности сказочного мраморного города с куполообразными сводами – "ничего, кроме темных палаток, где в сифонах – вода и в таинственных трубках – сироп"; вместо блестящей в конце "коридора листвы" реки Ориноко – лишь "торговлишка пивом в конце заколдованных троп". Приземленный, непоэтический взгляд на мир умертвляет мечту, гасит романтический свет в душе человека.

Что же делать, друзья мои?
Месопотамской долины
В лучезарном просвете туннеля зеленого – нет!
Вот вишневый сироп ...
Где царей бактрианских
рубины?
Есть на узком прилавке
лишь несколько медных
монет...

---

1 А.Адалис. Восьмистишия. – Города, стр. 39.
2 А.Адалис. Январь-сентябрь, стр. 44. Автограф стихотворения хранится в личном архиве А.Адалис в рукописной книге лирики 1956-57 гг.

Это обращенное к читателю "что же делать, друзья мои?" - печально, горько - и все же где-то внутренне непримиримо. Презрительное "торговлишка пивом", "медные монеты на узком прилавке" - все это отвергает чересчур обыденный, прямолинейный мир и - по излюбленному Адалис принципу контраста - утверждает романтику, окрыленность человеческой души, способность увидеть жизнь праздничной и необыкновенной.

Реальный, вещный мир, переливающийся множеством живых цветов, звуков, запахов и красок. Берущий от него начало романтический путь, летящий "в сердцевину неведомых стран"[1]. "Световой луч" стиха Адалис вскрывает и еще более глубокие пласты.

И в главе, что вести начинаю отсюда,
Все безумства холодных и теплых морей
Пусть восславят лишь разума чистое чудо,
Усмирясь под исконною властью моей...[2]

В зрелом творчестве Адалис не случайно появляется триединая поэтическая формула: "из Плоти, Р а з у м а и Дела еще растущий Богочеловек"[3]. Разум всегда играл немалую роль в адалисовской художественной концепции человека. Художественной "плотью" обрастали ее герои еще в 20 годы: поэт учился изображать (волею обстоятельств - на инонациональном материале) объективно существующего, отдаленного от его соб-

---

I А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. II.
2 Там же, стр. I2.
3 А.Адалис. "Возможно все, что мыслимо..." - Январь-сентябрь, стр. 3I.

ственной личности, живого, дышащего человека. И уже тогда это был человек думающий, размышляющий[I]. "Дело" играло главенствующую роль для Адалис, как и для большинства других советских писателей, в годы 30-е, когда шло "сотворение нового мира" - новой, молодой страны. Но и в этот период, как уже говорилось, Адалис во многих своих стихах вела речь о "первом р а з у м н о м веке"[2] в истории человечества.

Теперь, в 50-60-е годы - больше, чем когда бы то ни было, Разум - этот важнейший компонент той же формулы - выдвиrается в творчестве А.Адалис на первый план.

А.Адалис по направленности своего таланта - поэт мысли. "Поэтическая мысль - понятие далеко не праздное! В ней-то вся суть этого вида творчества, этого пути осознания действительности. И в итоге судьбу произведения поэзии решает именно она", утверждала сама А.Адалис[3]. "Сродство с читателем мыслительное,.. полнота высокого напряжения поэтической мысли в сфере общечеловеческого - вот что поэту действительно необходимо"[4] - таково неоднократно высказанное творческое кредо поэта.

Не отрицая того, что без мысли не обходится ни одно подлинное произведение искусства, что именно художественное о с м ы с л е н и е мира, людей, событий - главная цель поэзии вообще, тем не менее нельзя не признать, что существует поэтическое направление, в котором мысль автора обретает особые - философские - очертания и масштабы.

---

I Вспомним: "а я уже хочу начать д у м а т ь" - слова учителя-туркмена из "Песчаного похода".
2 А.Адалис. Элегия. - Власть, М., 1934, стр.7.
3 А.Адалис. И все-таки о поэзии.ЦГАЛИ,ф.634,оп.3,ед.хр.223,л. 354.Эта статья под названием "Поэзия и мысль"опубликована в сокращенном виде в "Литературной газете" 20 марта 1954 г.
4 А.Адалис. Любите поэзию. М., изд-во "Знание", 1961, стр.18.

Это то направление, к которому относят обычно Боратынского и Тютчева, Веневитинова и Бунина, Брюсова, а из советских поэтов - Заболоцкого, Мартынова, Винокурова и некоторых других.

Как бы ни определяли это направление в многочисленных литературных спорах 60-х годов, просто ли философским - или интеллектуальным[1], отвлеченным в противовес конкретному[2], Ratio, побеждающим Jntuitio[3], за счет чего бы его ни относили - за счет особенностей авторских индивидуальностей[4] или существования разных стилистических линий[5], - но наличие этой особой поэтической струи в конце концов признают все и единодушно причисляют к ней названных выше поэтов.

Именно к этому направлению с полным основанием можно отнести и А.Адалис. Не случайно сама она в оригинальном, написанном в пушкинском "духе старины" стихотворении "Бродяга медленный", определяя творческие истоки Поэта (имея в виду, конечно, самое себя), называла те же имена: "Все тайны Тютчева, как собственные зная, любил без памяти грозу в начале мая.., стих Боратынского, как собственный, твердил..."[6]

Поэзии Адалис всегда было свойственно стремление к обобщенности, укрупненности проблем и решений, к аналитичности и некоторой отвлеченности рассуждений - то есть все

---

I А.Михайлов. Открытие мира. О жанре философской лирики. "Знамя", I962, № 7.
2 Н.Ушаков.Два полюса одной планеты."Литературная газета", 30 августа I967 г.
3 Л.Аннинский. Новые рифмы и старые истины."Молодая гвардия", № 2, I964.
4 Е.Осетров.Всеми цветами радуги."Лит.газ.",27 октября I966 г
5 А.З.Дмитровский.Проблема человека в современной философской лирике.-В сб.:Роль мировоззрения в художественном творчестве. М., I966, стр. 2I9.
6 Личный архив А.Адалис.

то, что составляет особенности поэзии философской. Но в 20-30 годы это стремление было скорее интуитивным, чем осознанным, и находило выход в романтическом гиперболизме, в своеобразном космизме ощущений и понятий. Теперь в 40-е, 50-е, особенно в 60-е годы в полной мере развивается собственно философская линия творчества А.Адалис.

Дело здесь и в расцвете таланта, в несомненной причастности А.Адалис к типичному для этого периода явлению творческого взлета поэтов старшего поколения (В.Луговской, Н.Асеев, А.Тарковский и многие другие). Но главная причина, очевидно, заключается в том, что само время, сама атмосфера жизни конца 50-60-х годов обусловили усиление именно интеллектуальной, философской струи во всей советской поэзии. И счастливое совпадение направленности таланта Адалис с этой важнейшей струей современного литературного процесса в целом определило дальнейшее развитие поэтического дара Адалис именно в этом направлении.

Философская лирика Адалис - не засушенный мир абстрактных проблем и отвлеченных формулировок. "Мысли пламенны почти как чувства плоти" - эта истина, открывшаяся еще автору "Прогулки в ноябре", становится пожизненным творческим законом. В поэзии Адалис всегда удивительно сочетались живописная, изобразительная струя - и разумное, рациональное начало. С годами оба эти направления все больше сливаются, объединяются. "Запах календулы - прелесть какая!..

Запах календулы - мудрость какая!"[1] - в этом вся Адалис: "прелесть" и "мудрость" жизни для нее нераздельны. В лучших ее стихах философское обобщение, так же, как и романтический образ, идет все от той же реальности, от детали, от живого, конкретного мира.

"Глухая полночь". "Все спят в квартире". "В сыром тумане краснеет небосвод". "Ту-сто четыре пронесся на восход..."[2] Что может быть реальнее этих детально описанных, обыденных обстоятельств? Глухая, бессонная полночь - и человек, предавшийся размышлениям и воспоминаниям. И снова - излюбленное у Адалис внезапное сопряжение разных планов, мгновенное углубление стиха, одновременно романтическое и философское его насыщение:

Глухая полночь,
А мир летит вперед,
А время длится -
Помедлить не дает ...

Через все стихотворение проходят параллельно два образа, ведущие в разные стороны времени."Память, память шестидесяти лет" - дорога в прошлое, все в тот же романтический мир юности: "моря и страны, чужие города, .. леса и взгорья, крылатые суда..." И четырехкратно повторенное, символическое "а мир летит вперед". Усиленное всей поэтической системой стиха, его четкой ритмикой, повторами и перекличками слов, сочетаний, синтаксических единиц и структур

---

1 А.Адалис. Запах календулы. - До начала, стр. 9.
2 А.Адалис. Глухая полночь. - Города, стр. 35.

ощущение стремительного движения, полета в будущее.

... Глухая полночь,
Пир жизни молодой, -
Неважно, друг мой,
Он мой или он твой!
Все спят в квартире,
А мир летит вперед ,..
Пирует память
С воскресшею душой!

Прошлое и будущее, столкнувшись в душе человека, рождают искру философской мысли: вечно длящееся время - и бессмертие романтической мечты - и бессмертие самого человека.

Человек и время - эта проблема вообще одна из важнейших в поэзии А.Адалис. Дело не только в том, что герой Адалис - это всегда герой своего времени. И в 20-е и в 30-е, и в 60-е годы - это человек, стоящий в авангарде своей эпохи - с характерным именно для этих лет мироощущением, отношением к тем или иным событиям. Но это - отличительная черта не самой Адалис, а всей русской литературы критического и социалистического реализма.

Для Адалис "время" всегда имеет особенно важное значение и присутствует в ее стихах как самостоятельный герой. Даже названия большинства ее книг - "Вступление к эпохе", "Новый век", "До начала", "Январь-сентябрь" - так или иначе связаны с понятием "время". Но если в 30 годы художественный образ "эпохи" был однозначен и лежал преимущест-

венно в сфере социального (время - эпоха - история - революция), то теперь это обобщенное понятие обретает все более глубокое философское содержание и принимает в поэзии Адалис самые разнообразные художественные обличья.

Время - это и кровь, стучащая в сердце человека: "им не слыхать движения минут, которые в них стынут, не текут... Живой прохвачен временем насквозь, а те не так: в них время запеклось..."[1]. Это и "вещий голос" Вселенной, текущий "у самого плеча..."[2] Звучащая во всем музыка "нового века"[3] - и философское "четвертое измерение"[4]. "Кубический кристалл" поэзии, сквозь который провидятся "будущие времена"[5] - и путь человека к совершенству "из глубока" и "издалека"[6]. Это тьма невежества, веками окутывавшая человечество ("впрочем, сквозь время прорывы бывали нередко"[7]). Это и бесконечность, в которой "мир летит вперед"[8].

Все эти многочисленные поэтические измерения одного и того же понятия объединяются отношением ко времени самого автора. "Мне завтра жизнь сначала начинать", - восклицала Адалис в "Прогулке в ноябре"[9]. "А мне зачем столетие одно?

---

I А.Адалис. Отрывок. - Новый век, стр. I6.
2 А.Адалис. В душевной простоте. - До начала, стр. 2I.
3 А.Адалис. "Я слышу музыку порой..." - Новый век, стр.6.
4 А.Адалис. До начала. Сб."До начала", стр.56.
5 А.Адалис. Наяву. - Новый век, стр. 8.
6 А.Адалис. Человек. - До начала, стр. I8.
7 А.Адалис. Бах? Дебюсси?.. - До начала, стр. 4I.
8 А.Адалис. "Глухая полночь..." - Города, стр. 35.
9 А.Адалис. Прогулка в ноябре. - Стихи и поэмы, стр. I22.

Столетия мне мало все равно! Что мелкие недели, что года? Все мало сердцу - надо жить всегда!"[1]. Это из "Несостоявшейся поэмы". А вот "Триптих" конца 50-х годов: "Эх, лет прожить бы триста, что ли"[2]. "Считать не годы, а века стремится буйствующий разум..."[3] "А время - вечно впереди..."[4] Адалис всегда живет как бы в предчувствии, в ожидании будущей огромной жизни. Это "Вступление к эпохе" в 1934-м, но это и "До начала" в 1966-м. И если в 20 годы "мановеньем ресниц отметала века и века"[5] романтическая юность, перед которой действительно впереди была огромная, реальная, земная жизнь, то в старости это же сохраненное ощущение наполнилось совсем иным - мудрым, философским смыслом: речь идет не о чьей-то конкретной жизни, а вообще - о бессмертии.

Жизнь и смерть, небытие и бессмертие... "Вечная" тема искусства. Она и в классическом, традиционном решении: бессмертие жизни - в вечном круговороте природы; продолжение человека - в травах, цветах и птицах, во всем, живущем на земле.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу,
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров...[6]

---

1 А.Адалис. По вечерам. - Январь-сентябрь, стр. 51.
2 А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. 39.
3 А.Адалис. Я жду. - Новый век, стр. 23.
4 Там же.
5 А.Адалис. "Я была в Бухаре..." Архив ИМЛИ, ф. 84, оп. I, ед.хр. 8.
6 Н.Заболоцкий.Завещание.-Стихи и поэмы.Большая серия Библиотеки поэта, М.-Л., 1965, стр. 109.

Та же тема – особенно в советской литературе – нередко оборачивается и другой, менее отвлеченной своей стороной: "умирая, воплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела..."

Открыто и даже полемично противопоставляет эти две поэтические линии Е.Винокуров:

Я умру действительно.
Я не перейду в травы, в цветы,
в жучков...
... Я не буду участвовать
в круговороте природы.
Зачем обольщаться? Прах,
оставшийся после меня, - это не я ...
... Но мальчик, прочитавший
мое стихотворение,
взглянет на мир
моими глазами[1].

У А.Адалис нет такого противопоставления: через все ее творчество проходят параллельно оба решения.

Первое – от раннего стихотворения на смерть Брюсова ("Ты ушел от меня человеком, а вернешься весенней травой... Под ветлой тебя в землю забили. Не беспамятствуй долго в могиле..."[2]) – через "Робайят", "Прогулку в ноябре" – к лирике 50-х - 60-х годов.

---

I Е.Винокуров. Моими глазами. - Музыка, М., 1964, стр. 6I.
2 А.Адалис. В.Б--у. Архив ИМЛИ, ф.84, оп.I, ед.хр. 3.

Ни счету зим, ни счету лет
Не верит сердце человека ...
... Примером солнца, и луны,
И дальних звезд, и хлебных зерен
Мне эти думы внушены –
Никем их опыт не оспорен[1].

Трагическое мироощущение "Прогулки в ноябре" снова побеждается светлым мотивом бессмертия, и употребление буквально тех же слов и образов лишь ярче подчеркивает внутренний контраст общего решения (раньше было: "н а и в н о вспоминает каждый привычку звезд, и зерен, и семян ..."[2]).

Вторая линия идет у Адалис от поэмы "Кирову" – к лирически сконцентрированным строкам:

Грустному преданью старины,
Вымыслу о бренности – не верьте:
Смертными на свет мы рождены,
Чтобы зарабатывать бессмертье![3]

Но человек в поэзии Адалис 40–60-х годов не только "зарабатывает" свое бессмертие. Эта же тема – бессмертие не жизни вообще, а самого человека – как и почти любая тема в произведениях Адалис этого периода обретает более глубокое, философское звучание.

"Смерть – это просто печаль расставанья с самим собой, и своим лицом, и своей судьбой..."[4] Смертен человек,

---

I А.Адалис. Я жду. – Новый век, стр. 23.
2 А.Адалис. Прогулка в ноябре. – Стихи и поэмы, стр. I07.
3 А.Адалис. Восьмистишия. – Новый век, стр. 80.
4 Личный архив А.Адалис.

но Человек бессмертен. Здесь-то художественные решения Адалис наиболее многозначны и интересны.

Это и "о правнуках, мой друг, поговорим"[1]. "Я будущие вижу времена, где наши совместятся имена"[2].

Это и конкретные, "некогда знакомые" люди, давно забытые, исчезнувшие, "на войне убитые", которые сегодня неожиданно появляются на улицах Москвы. "Обновили на какой планете их? Из какой вода - огонь - стихии?.. Это называется Бессмертие!"[3]

Старушки, которые
Кажутся себе девчонками,
Не достигшими
Необходимых
Шестнадцати лет...[4]

Старушки, которые слушают лекции о радиозвездах и о жизни планет. Это тоже бессмертие - в наиболее конкретном для Адалис, наиболее видимом, непосредственном его варианте: вечная молодость сердца.

Но чаще всего проблема решается А.Адалис более лирично. Человек живет в ее поэзии прежде всего в личности самого автора.

Нет личности отдельной у меня, -
И хорошо! Покой души храня,
О том, что мы - так я толкую людям -
Всегда в начале и всегда в конце,

---

I А.Адалис. "О, никогда я так не жаждал жизни!.."- Новый век, стр. 28.
2 А.Адалис. Наяву. - Новый век, стр. I4.
3 А.Адалис.Многих по Москве встречаю все-таки.- До начала, стр. 36.
4 А.Адалис."Когда наши старушки хорошо одеваются..." - ДО начала, стр. 33.

Что мы бессмертны - были, есть и будем -
И Ты, и Я, и Он - в одном лице[I].

Человек - автор - вот звено, связующее нескончаемую "цепь времен", причем связующее при помощи самых конкретных временных единиц человеческой жизни: детство - юность - старость.

Связь времен осуществляется в произведениях Адалис по особым законам - не логики, а поэзии. Детство и старость, юность и зрелость, весна и осень, утро и вечер располагаются в новой, необычной последовательности, основанной все на том же ощущении: "Все завтра. Нет сегодня и вчера"[2]. "Старость добирается до детства"[3]; "глубокой осенью вернулась юность лучезарная моя"[4]. Уже не круговорот природы, а круговорот жизни: после старости снова приходят детство и юность, жизнь человека продолжается бесконечно.

"Но жди, как чуда, возвращенья мгновенной юности своей..."[5]; "Вернется юность, знаю, знаю... Все эта встреча на уме..."[6] Ощущение стремительно надвигающейся на старость юности, предвидение многочисленных начал новых и новых жизней проходит через большинство стихотворений А.Адалис всего последнего десятилетия, составляя их особую лирическую и философскую настроенность.

"Славься, старость, славься! Славься, утро зимнее!"[7]
Здесь очень точно выражено светлое мироощущение Адалис:

---

I Личный архив А.Адалис.
2 А.Адалис. Наяву. - Новый век, стр. 13.
3 А.Адалис. "Помню я глухую старость детства..." - Новый век, стр. 4.
4 Там же.
5 А.Адалис."Пускай шутник и сплетник лживый..."-Новый век, стр.22.
6 А.Адалис.Триптих(К.Циолковскому с надеждой) - До начала, стр. 38.
7 А.Адалис."Славься,старость,славься!.." - Январь-сентябрь, стр.II.

старость - не общепринятый вечер, закат жизни, не обычное "пламя о с е н и .., в молодость не верящее, пьяным тленом веющее, только вспоминающее". Это "утро зимнее" - и оба слова в этом сочетании означают не конец, а начало - начало дня, начало года, преддверие весны и нового зенита.

Отсюда - оксюморон "позабудущее"; отсюда же в других стихотворениях - "глухая с т а р о с т ь д е т с т в а "[I], "в о с п о м и н а н ь я , как н а д е ж д ы, прозрачно вьются надо мной"[2]. Отсюда же осуществленное по принципу обратной связи философское осмысление жизни природы через понятия, заимствованные из обихода человеческого:

На ветках яблонь снег - предчувствие цветов.
На ветках яблонь цвет - слепая память снега.[3]

Двустрочие, из которого выросла лирико-философская миниатюра "О снеге память яблони хранят"[4].

Все это - стоящие в одном ряду новые и новые поэтические приметы человеческого бессмертия. Приметы, выраженные в слове, в образе, в самой художественной структуре стиха.

Интересно, что этот поэтический прием - "обратный ход" времени - проходит через все творчество А.Адалис. Вспомним аналогии: "дед-полукалека", относящиеся к человеку старого, дореволюционного времени, - и "в н о в о м д е т с т в е беспокоен, как я хочу сказать, какой он, мир, на-

I А.Адалис. "Помню я глухую старость детства..." - Новый век, стр. 3.
2 А.Адалис. А между тем. - Новый век, стр. 30.
3 Личный архив А.Адалис.
4 А.Адалис. Январь-сентябрь, стр. 24.

чинаемый слагаться ..."[1] - в ее поэзии 30 годов. Точно тот же образ: "в новом детстве учась, думай, думай, подумаем вместе" - появляется и в одной из последних поэм Адалис "До начала"[2]. Но если в 30-годы речь шла о новой эпохе в истории, о "возрасте" социальном, то теперь те же понятия обретают совсем иной - лирический и философский смысл. Обращение к "зеленому непокою" детства, к "лучезарной" юности в стихотворениях "Помню я глухую старость детства", "Пускай шутник и сплетник лживый", "Я жду", "Был двор" и многих, многих других - это одновременно и путешествие в "печальный мир воспоминаний" самого поэта, и романтический путь в юный мир мечты и тревоги, - и философское размышление о "вечно длящемся" времени.

"Может быть, опять вернулось детство?"[3] Этот образ впервые прозвучал у Адалис именно в таком - лирико-философском - плане тогда же, когда в поэме "Прогулка в ноябре" с особенной силой утверждалось: "века на самом деле мы будем жить и жить..." Ощущение начинающейся сначала - с детства - жизни, тема бессмертия неразрывно связывается у Адалис с войной.

В военном, 1942 году, когда еще только намечались первые ростки победы, Адалис писала в своей поэме "Комета": "Прошел год. Эпоха гибели мира осталась позади, а мир стоит.

---

1 А.Адалис. Дома, подобные... - Власть, М., 1934, стр. 36-37.
2 А. Адалис. До начала. - Сб. "До начала", стр. 78.
3 А.Адалис. "В мире окровавленном, пустынном ..." - Личный архив А.Адалис.

Эпоха гибели человечества осталась позади, а оно, израненное, – живо. Мы принесем еще очень много жертв, а человек шепчет: "Я выжил". Это не о себе, – это о человечестве"[1].

Через много лет – в поэме 60 годов "Бах? Дебюсси?", немалой своей частью посвященной войне, та же мысль звучит с такой же острой, первозданной силой, становится лейтмотивом всего произведения: "К запоминанию задано: мимо смерть пронеслась"[2]. Именно война, ее "кровавая комета" навсегда становится в поэзии Адалис черным символом Смерти, угрожавшей и угрожающей человечеству. И победа мира над войной – важнейший залог Бессмертия, важнейшая задача людей Земли.

Так в неожиданном философском плане входит в поэзию Адалис 40-60 годов тема войны, становится одним из аспектов проблемы "человек и время".

Тема бесконечно продолжающейся жизни нередко перерастает у Адалис земные пределы. В стихотворении "Триптих"[3] нет высокого слова "Бессмертие". Просто "младенец, кем-нибудь рожденный, узнает виденное мной". Предчувствие "чужого бытия", непрямой образный путь "мимо смерти укрощенной" в будущее пролегает через воспоминание о собственном детстве, через мечту о встрече с юностью, – опять-таки через реальные, земные приметы. "Последняя темнота" и "последний привал" смерти сменится "недолгим привалом" и "утренней зарей" возрождения; кружево тонких "сквозящих" ветвей напомнит да-

---

I Личный архив А.Адалис.
2 А.Адалис. Бах? Дебюсси? – До начала, стр. 45.
3 А.Адалис. Триптих(К.Циолковскому с надеждой). – До начала, стр. 37.

лекому потомку, так же, как сегодня - поэту, - "старинной скорописи дым", "китайской живописи дым" (перекличка образов намеренно неприкрытая).

Но в то же время через все стихотворение рефреном проходит еще один образ:

Так, спутав в счете дни и годы,
Вновь в непочатые края
Спешу я, милостью природы,
Поспеть к началу бытия!
Другая кровь и плоть другая -
Земную веру не предам,
Все ту же юность повергая
К твоим, Вселенная, стопам!

И уже не "младенец, кем-нибудь рожденный", а отвлеченное "начало бытия";"зеленая юность" - длящаяся во Вселенной. В этом слиянии "плоти и крови" с философским "бытием", "земной веры" с чувством Вселенной - одна из важнейших особенностей решения Адалис проблемы "человек и время" в последний период ее творчества.

Пределы поэтического мира безгранично раздвигаются. Уже не страна, даже не Земля. Вернее, не только страна и Земля. И то и другое продолжает существовать в поэзии Адалис. "Земля" в ее конкретных "земных", неповторимо-адалисовских пейзажах, по-своему увиденных ею деталях бытия человека и природы. Страна - в главном: в мировоззрении ее героя, в его делах, в его мыслях, во всей его сущности. Но все это как бы включается поэтом в еще более широкую орбиту,

имя которой - Вселенная. Не художественный символ, не абстрактный романтический "космос", не "мир" вообще, продолжением которого чувствовал себя герой Адалис 30-х годов, но самая настоящая, конкретная Вселенная - в современном философском и научном ее понимании.

"Считается, что жизнь - удача разовая ... А вдруг - не так? А вдруг - всегда жива, с планеты на планету перебрасывая, то в рай, то в ад людские существа?"[1] Природа теперь для Адалис - не только трава и хлебные зерна, но и атомы бесконечной материи: "вся сущая Вселенная жива"[2]. Человек вновь повторится не только в своих земных потомках, но и в последующих поколениях разумных живых существ не на Земле, так на других планетах.

Так проблема "человек и время" сливается в поэзии Адалис 40-60 годов с еще одной, не менее важной для нее проблемой "человек и Вселенная".

Человек и Вселенная - формула для поэзии тоже, как известно, не новая. "Открылась бездна, звезд полна; звездам числа нет, бездне дна" - еще у Ломоносова[3].

Это конфликт традиционно-философский: в поэзии Боратынского, Тютчева, Блока, отчасти даже раннего Брюсова это "бездна роковая" не только пространства, но и времени - отвлеченная бесконечность, в которой "каплей", "песчинкой" растворяется человек[4].

---

I А.Адалис. Считается ... - До начала, стр. 24.
2 А.Адалис. "Возможно все, что мыслимо..".- Январь-сентябрь, стр. 30.
3 М.Ломоносов. Вечернее размышление о божием величестве,при случае великого северного сияния. - Стихотворения,Малая серия б-ки поэта, М., 1948, стр. 91.
4 См. стих."На что вы, дни", "Недоносок" Е.Боратынского,"День и ночь","Святая ночь на небосклон взошла","Смотри,как на речном просторе..." Ф.Тютчева; "Лестница","К устью" В.Брюсова и др.

Само время приблизило человека к Вселенной не только в иносказательном, но и в самом полном смысле и определило новое их взаимодействие в советской поэзии. Не противоречие, а гармония, не "роковая бездна", поглощающая человека, а "черный и страшный у ю т для п р и н я т ы х звездною бездной"[1]. Традиционные "черные", трагические эпитеты как бы перебиваются в стихотворениях Адалис "веселым", "лучезарным светом", страшная "абсолютная чернота" Космоса превращается в "сплошное пыланье Вселенной"[2].

Художественный образ Вселенной строится у Адалис из "земных" материалов и тем самым намеренно снижается, как бы приближается к человеку.

О морской и песчаной пустыни свобода!
Вольный рай пастуху и матросу открой
Не мозаикой сводов, не мрамором входа,
А пространства и времени чистой игрой...[3]

Эта неожиданная эйнштейновская "игра пространства и времени" вызывает ассоциации, весьма далекие от конкретного моря и песка и мгновенно переносит действие в "пустыню" Вселенной. Но исходный толчок, источник всей сложнейшей цепи многоплановых ассоциаций в стихотворении "Триптих" (у Адалис несколько разных "триптихов") - все же реальная, а для Адалис с ее Востоком - особенно знакомая и близкая пустыня. Пустыня с ее "странными" законами, с ее "древними тайнами", которые открываются лишь тем, кому "колдовство

I А.Адалис. Летит. - Города, стр. 33.
2 Там же.
3 А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. 13.

это близко знакомо". Так сходятся в "Триптихе" в единое поэтическое "звездное братство""рыбак да пастух, да погонщик верблюдов, Лобачевский, Эйнштейн и отец Гераклит".

Вселенная - "мир пустыни", Земля - "прочно стоящий дом". "Изумительны все эти связи, повторы то вещей, то событий, несходных совсем..." Отсюда "к о р и д о р ы тьмы от планетных систем до планетных систем", отсюда же "страшная п р о г у л к а по з а д в о р к а м галактик", где "б р е д у т" мысли астрофизиков; запах земных лугов, разлитый во Вселенной; космическая ностальгия по Земле-Отчизне.Все это не искусственные случайные сравнения, - это мироощущение поэта середины 20 века.

Не случайно та же тенденция "опрощения", "заземления" космических образов свойственна и другим поэтам. Сосуществуют "домашний и небесный кров" у П.Антокольского: "Вселенная близка нам, и нам глядит она в глаза, и дружелюбным великаном ночная кажется гроза"[1]. "Звезда, трепещущая, "как рыба, попавшая в сети", - у Н.Асеева[2]. Земля - "шарик мой голубой", "зернышко", доверчиво лежащее на ладони Человека - у Л.Щеглова[3]. И даже у возвышенного, "космического" романтика Межелайтиса - "обнаженное тело планеты, татуированное плугами"[4]. "Разрезает небосвод ракета (так страницы новой книги разрезаются ножом). Взрезывает синий небосвод (так

---

I П.Антокольский. "Мы вышли поздно ночью..." - Высокое напряжение, М., I962, стр. 35.
2 Н.Асеев. Небо. Наблюдение. Из цикла "Звездные стихи".-Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта, Л.,I967, стр. 375-376.
3 Л.Щеглов.Сын земли.- Мужская школа, М., I966, стр. 5.
4 Э.Межелайтис. На тему весны. - Авиаэтюды,М.,I966, стр.89.

коньками разрезают лед)..."[1] "Земля как шар. Она и впрямь - как яблоко на ветке звезд"[2].

Интересно, что тот же образ "земля - яблоко" есть и у Адалис (стихотворение "Когда мне было около семи"[3]), но совсем в ином, очень характерном именно для нее варианте. Воспоминание детства о карте с круглыми полушариями земли. - Огромная Земля живых людей ("в Швейцарии гудят колокола, и в Африке какие-то тамтамы"). - Земля-планета, увиденная человеком "очень издалека", из космического корабля и соответственно снова уменьшенная до "детских" размеров карты, глобуса - или сказки: "И "золотое яблочко" опять на блюдечке серебряном вертится". Давнее, полузабытое "золотое яблочко" земли со сказочными городами и дворцами, морями и реками возникает в воображении поэта, как бы завершая круговую цепь ассоциаций.

Так сложнейшими, неожиданными путями продолжает проникать в поэзию Адалис фольклор. Но старые художественные принципы закономерно трансформируются на новом материале. "Яблочко-земля" - это теперь образ, обновленный и обогащенный опытом долгой "взрослой" жизни и современного человеческого знания:

И голубое яблочко опять
На черном, черном блюдечке вертится...

---

I Э.Межелайтис. Икариада. - Кардиограмма, М.,1963 , стр.134.
2 Э.Межелайтис. Икариада. - Кардиограмма, стр. 138.
3 А.Адалис. До начала, стр. 4.

Не сказочное яблочко, а настоящая земля - в голубой дымке атмосферы, на фоне черной бездны Космоса[1].

Это тот же образ, который возникает и в другом стихотворении Адалис "Летит"[2]: голубое "обводье по краю планеты", голубой, переходящий в оранжевый венчик, "сиреневым жаром обвитый". Яркая, цветная, живописная, не сказочная, а реалистическая, действительно увиденная советским космонавтом картина, переведенная Адалис на язык поэзии.

Таким образом, проблема "человек и Вселенная" в современной поэзии звучит по-новому: человек и космос, и там, где это действительно художественная проблема, а не эмоциональный отклик "на случай", традиционный философский аспект ее решения неизбежно дополняется научным.

Источником нового мироощущения человека наших дней и соответственно источником новых художественных решений чаще всего оказывается в представлении Адалис именно з н а н и е - результат многовековой деятельности человеческого разума.

Разум человека переживает Время, Мысль - покоряет Вселенную. Традиционные философские проблемы обогащаются в поэзии А.Адалис 40-60 годов научным знанием человека нового

---

I Фольклор вообще приходит в современную поэзию необычными, непрямыми путями.Интересная перекличка с Адалис - стихотворение "Сын земли" Л.Щеглова, где былинный Илья Муромец "участвует" в художественном решении той же проблемы "человек и Вселенная":

Промелькнул перед взором
Средь космических тел
Старый шар, на котором
Сиднем я просидел.
Я его распознаю
Среди сотен иных,
Отзовется земная
Сила в жилах моих. (сб."Мужская школа",М.,1966, стр.4)

2 А.Адалис. Летит. - Города, стр. 3I.

времени. "Вижу свое местожительство Телом Небесным"[I] - так мог сказать только поэт, живущий в наше время, время умных машин и искусственных спутников, научных открытий, переворачивающих старые представления, и первых космических полетов.

Все это входит в жизнь и в поэзию А.Адалис. Мысль - Разум - Наука - таков постоянный эмоциональный и художественный фон большинства ее произведений последнего периода.

"У поэта к науке есть ход потаенный, витой..."[2] Это еще одна "тропинка", открывающая один из интереснейших у Адалис поэтических пластов.

О связи искусства с наукой говорил еще Белинский:"Поэзия и наука тождественны, если под наукой должно разуметь не одни схемы знания, но сознание кроющейся в них мысли"[3]. "Наше время включает в область поэзии совершенно новые темы, например: борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы... Наука, ее открытия и завоевания, ее работники и герои - все это должно бы явиться достоянием поэзии"[4], - считал М.Горький.

В наши дни эта проблема становится все более актуальной.Знаменитая дискуссия "физиков" и "лириков", бесконечные, до сих пор продолжающиеся споры о творческих возможностях кибернетических машин; размышления, ведущиеся в философском, гносеологическом аспекте - о соотношении чувственного и аналитического, художественного и научного в человеческом мыш-

---

I А.Адалис. Бах? Дебюсси? - До начала, стр. 55.
2 А.Адалис. До начала. - Сб. "До начала", стр. 78.
3 В.Г.Белинский. Стихотворения М.Лермонтова. - Полн. собр. соч., изд-во АН СССР, т.IУ, М., I954, стр. 480.
4 М.Горький. О библиотеке поэта. - Горький и наука, "Наука", М., I964, стр. 58.

лении; появление новых литературных жанров: рядом с традиционной научной фантастикой - произведения, где героем становится научная идея /Д.Данин/. Все это явления одного порядка - так или иначе связанные между собой различные стороны той же самой проблемы, немаловажную часть которой составляет и вопрос о взаимодействии с наукой современной поэзии.

"Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты. Попробуйте воспеть изобретение пороха, компаса или лекцию о рефлексах, и вы убедитесь, что это даже немыслимо", - писал А.Фет[I]. Тем не менее задолго до Фета не изобретение пороха, так производство стекла воспевал в стихах М.Ломоносов. Много веков назад научные открытия эпохи "детства человечества" вызывали поэтическое вдохновение Лукреция Кара. Работа человеческого разума оказывалась связанной с эстетическим понятием красоты.

Таким образом, издавна существует традиция так называемой "научной поэзии". Но в наше время это необычное словосочетание, которое уже стало литературоведческим термином, все больше теряет свою определенность и употребляется для обозначения самых разных поэтических явлений. Стоит поэту написать стихотворение об искусственном спутнике или вставитьв в строку какое-либо слово, тяготеющее к "физике" больше, чем к "лирике", - и это становится поводом для отнесения его поэзии в разряд научной. Если исходить из подобного принципа, то научной может быть названа чуть ли не вся существующая

---

I.А.А.Фет.Мои воспоминания,ч.I-2,М.,I890,стр.84.

ныне поэзия, и речь в такого рода исследованиях фактически идет не об особом жанре научной поэзии, а скорее о все большем проникновении науки в поэзию вообще.

Научная поэзия в чистом виде, то есть поэзия, в которой предметом художественного исследования оказывается та или иная научная идея (как было у того же Ломоносова) - очевидно, жанр в какой-то степени прикладной и не имеющий перспектив широкого развития. Главным героем подлинного искусства всегда остается человек, и наука играет определенную роль в искусстве постольку, поскольку занимает все большее место в жизни человека, формирует его мировоззрение, опосредованно влияет на характер его отношений с окружающим миром.

Поэзия каждой эпохи так или иначе отражает господствующие в эту эпоху естественно-научные представления. Если Шекспир в "Гамлете" называл луну "влажной звездой", то он имел в виду ее влияние на приливы и отливы, а упоминание им "тяжелого Сатурна" прозвучало эхом недавнего научного открытия массы Сатурна.

Современная стремительно развивающаяся наука настолько органично входит в жизнь общества, что связи ее с поэзией становятся все неразрывнее и многообразнее.Это и тема науки в поэзии,которой пытаются ограничить термин"научная поэзия"[I]; это и гораздо более соответствующее сегодняшнему дню советской литературы понятие "поэзия науки"[2],опять-таки заменяющее

---

I Т.Лозович и Б.Шульман.И "физики", и "лирики"."Звезда Востока",1967, № 6.
2 А.Александров. Поэзия науки."Известия",10 марта 1964 г.; Б.Мейлах.Человек, наука, судьбы искусства."Звезда",1964, № 8.

все тот же расплывчатый и неопределенный термин. Но и это утверждение "поэзии подвига человека, одержимого неуемной жаждой открытий"[1], не исчерпывает полностью всей проблемы. Во всех подобных определениях наука все-таки представляется главным источником поэтической мысли. Но с наукой может быть так или иначе, не прямо, а косвенно связано произведение, решающее вопросы, от науки как таковой весьма далекие. В "Антимирах" А.Вознесенского - конфликт лежит в сфере нравственной, но исходный образ заимствован поэтом из области достижений человеческого разума. И это - наиболее характерный и плодотворный путь взаимодействия двух видов мышления в наше время. Не темы, а нечто гораздо большее вносит наука в современную советскую поэзию: она определяет сам характер поэтического видения мира.

Поэт XX века не станет излагать в стихах теорию Эйнштейна или квантовую механику, но сам факт, что он обладает этим новым знанием, не может не отразиться в его произведениях, - и именно в этом смысле он будет выражать свое время. Как было справедливо замечено в одной из многочисленных дискуссий на эту тему, проблема "писатель и наука" все больше превращается в проблему "писатель и действительность"[2].

Впервые именно в этом аспекте пытался ее решить В.Брюсов. "Знакомство с научными данными должно открыть поэту новые горизонты, должно доставить ему неисчерпаемый, постоянно

---

I Б.Мейлах. Человек, наука, судьбы искусства. "Звезда",1964, № 8, стр. 200.

2 А. и Б.Стругацкие. Через настоящее в будущее. "Вопросы литературы", 1964, № 8.

увеличивающийся запас новых тем для его творчества"[1], - писал он еще в своей статье 1909 г., так и называвшейся "Научная поэзия", повторяя мысль французского теоретика научной поэзии Рэне Гиля.Ту же идею развивает он в предисловии к своему сборнику "Дали": "Все, что интересует и волнует современного человека,имеет право на отражение в поэзии... Думается, что поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания"[2].

Однако эта несомненно верная теоретическая посылка свелась Брюсовым на практике к гораздо более узкому стремлению ввести в поэзию собственно-научную мысль, лишь "не в отвлеченной схеме, а в живом образе"[3]. Стихотворения,вошедшие в сборники В.Брюсова "Дали" и "Меа"(1924),- это "осложненные, затрудненные, громоздкие, перегруженные эрудицией стихи",в которых "поэзия... мелькает от случая к случаю,скрываясь за горами научной номенклатуры"[4]. Это искусственно созданный, теоретически заданный жанр, образцы которого фактически повторяют на современном уровне поэтические опыты Ломоносова.

В брюсовской теории "научной поэзии" наиболее ценно и непреходяще само требование современности поэзии,органичной ее связи с "идеями века", будь то идеи научные, философские, социальные или нравственные.Сам Брюсов абсолютизировал значение идеи научной, силой своего интеллекта, характером своего таланта как бы опередив время и предугадав научную революцию наших дней. Жизнь внесла существен-

1 В.Брюсов.Избр.соч. в 2 тт., т.2, М., ГИХЛ,1955,стр.200.
2 В.Брюсов.Предисловие к сборнику "Дали".М.,1922,стр.8.
3 В.Брюсов.Научная поэзия. Избр.соч. в 2 тт.,т.2,стр.208.
4 Д.Максимов.Брюсов. Л., 1969, стр. 238.

ные поправки в его теорию, и советские поэты, продолжающие линию, начатую Брюсовым, не ограничивая свое творчество сферой научного, используют науку в решении "вечных" для искусства общечеловеческих проблем.

Макромир и микромир, парсеки, световые года, планеты и ракеты, кванты и атомы, позитроны и циклотроны - все это и многое, многое другое обрело прочное место в литературе нашего сегодня, но живет в ней не "своей", как у Брюсова, а "человеческой" жизнью. Это и "сбегающиеся" галактики человеческих душ у Л.Мартынова[I], атомы и электроны мысли у Э.Межелайтиса[2]; "бикфордов шнур дымящейся строки" у Ю.Левитанского[3]; наконец, парабола судьбы и те же "Антимиры" у А.Вознесенского[4].

То, что Брюсов вводил в поэтический обиход робко, со множеством оговорок и сносок, теперь действительно известно каждому "средне образованному человеку"[5], и сноски в сборниках "Дали" и "Меа", объясняющие, кто такой Архимед и Эйнштейн и что означает понятие "световые года", вызывают снисходительную улыбку семиклассника. Происходит закономерный историко-литературный процесс расширения сферы поэтического, идущий в данном случае за счет все более важной - научной - области человеческой жизни.

---

I Л.Мартынов. Небо и земля. - Первородство, М.,1965, стр.297.

2 Э.Межелайтис. Двадцатый. - Авиаэтюды. М., 1966, стр. 304.

3 Ю.Левитанский. "Горящими листьями пахнет в саду..." - Кинематограф, М., 1970, стр. 34.

4 А.Вознесенский. Параболическая баллада. Антимиры. - Сб. "Антимиры". М., 1964, стр. 108,62.

5 В.Брюсов. Предисловие к сборнику "Дали". М., 1922, стр. 9.

"Если для поэта нашего времени не звучат музыкой и ритмом текучая вселенная Гераклита и движение меченых атомов в кровеносной системе, значит, он еще не поэт нашего времени. Если он еще не провел бессонных ночных часов, пытаясь... проникнуть в тайны материи, разгаданные физиками XX века, значит, он действительно предпочитает плестись в обозе армии, покоряющей природу ... Не к техницизму призываю я поэта, не к сотрудничеству с электронными машинами, но только к одному: к широте кругозора, которую дает в наше время одно только естествознание, одна только точная наука"[1], - пишет П.Антокольский, и это - творческое кредо тех поэтов 50-60 гг., которые, вслед за Брюсовым, именно в науке особенно остро ощущают пульс времени[2].

К таким поэтам относится и А.Адалис. От Брюсова, волею судьбы стоящего для Адалис на первом месте в общем традиционном ряду ее предшественников, идут многие особенности поэзии А.Адалис, ее поэтического видения, ее решений философских и художественных проблем. Идеи Брюсова, его мироощущение, его творческое кредо, воспринятые Адалис в ранней юности, были пронесены ею через всю жизнь и творчески преломились в ее поэзии последнего периода, когда само время дало тому широкие возможности.

Именно мысли Брюсова продолжает Адалис, утверждая "социальность" современной поэзии и понимая под социальностью "многообразие связей с жизнью мира"[3]. Именно от Брюсова идет ее "твердая убежденность в необходимости тесной связи новой русской литературы с передовой наукой"[4].

I П.Антокольский. Поэзия и физика.-В кн.:Формулы и образы, М., 1961, стр.170.
2 Примечательно, что одна из книг самого П.Антокольского называется "Четвертое измерение".
3 А.Адалис. Кво вадис, о Муза? Личный архив А.Адалис.
4 А.Адалис. "Географический атлас" Ю.Ефремова. Внутренняя рецензия. Личный архив А.Адалис.

"Если подлинная поэзия зреет на почве живого бытия,как может она не тянуться в наше время к мирам науки?.. Гигантская чаша радиотелескопа и младенческий писк спутника, и столь близкий к нам мир живых чудовищ в зрачках микроскопов... Взрывы невыразимо малых звезд во тьме вильсоновских камер... Плоть миллионноградусной огнезарной плазмы...

Все это точно так же принадлежит поэзии, как воспетые и рифмованные "лазурные воды", "весенние грозы", "тающие облака"[1].

Для Адалис это не пустые декларации. На ее столе рядом с рукописями - книги, журналы, статьи на самые разные научные темы; в дневниках - размышления о теории Козырева и о потенциале гравитационного поля, о форме Вселенной и теории относительности[2]. В личном архиве поэта хранится официальное извещение о встрече с читателями в библиотеке Дома ученых Академии наук СССР. С просьбой "разрешить члену Союза писателей СССР Адалис А.Е. присутствовать на докладах Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания" обратилось в АН СССР правление московского отделения Союза писателей[3]. И не случайно именно ей была заказана издательством АПН статья о будущем поэзии, которая должна была "содержать материал,освещающий проблему на современном уровне развития науки"[4].

Но Адалис - поэт, не ученый, и всю эту "алгебру" она "поверяет гармонией" своих стихов.

---

I А.Адалис. Любите поэзию. М., 1961,стр.97-98.
2 Дневник 1959 г. Личный архив А.Адалис.
3 Копия заявления хранится в личном архиве А.Адалис.
4 См. копию договора на статью. Личный архив А.Адалис.

Наука входит в ее поэзию самыми разнообразными путями. Хронологически первыми (1939 г.) закономерно появились стихи, наиболее близкие к брюсовской идее непосредственно-научной поэзии.

Пусть для кого-нибудь другого
Нефть значит только нефть. А я -
Я вкладываю в это слово
Глубинный опыт бытия[1].

Этот "глубинный опыт бытия", то есть знание современным человеком химического состава нефти, теорий ее образования и "законов превращения" - в соответствии с требованиями Брюсова выражается Адалис "не в отвлеченной схеме, а в живом образе".Здесь все точно - и "миллионы темных лет",и "давление могучее в геологических пластах".Но ученица идет дальше своего учителя.Когда Брюсов видел в электронах"миры,где пять материков", Вселенные,"где сто планет"[2],когда в его "$N$ измереньях" жили "вихри воль, циклоны мыслей"[3],то все эти образы привносились извне,рождались не поэтическим видением автора, а его мыслью, его разумом. Рационалистичность,заданность убивали поэзию.

У Адалис научная идея органично сливается с чувством - и превращается в мысль поэтическую,которая,по убеждению самой Адалис,"не может быть выражена словами иными,чем в данном стихотворении"[4]. "Радуги павлиньи и перламутровая тушь, и кривизна лазурных линий на черноте мазутных луж..." - это уже не просто нефть, а нефть,увиденная глазами поэта.И ее

1 А.Адалис. Баку. - Стихи и поэмы,стр.47.
2 В.Брюсов. Мир электрона. - Меа, М.,1924, стр.25.
3 В.Брюсов. Мир $N$ измерений. Там же, стр. 26.
4 Запись в дневнике. Личный архив А.Адалис.

"история" столь же поэтична: растения - это "узорных папоротников чащи, луч, пролетевший по листку"; животные - "горящий взгляд" птицы, "тоска" первобытных ящеров. Все это превращалось в нефть. "Учились нам служить горючим и страсть, и бешенство, и страх". И это умение поэта увидеть "свет жизни алый и зеленый в останках первобытных лет" уводит стихотворение далеко за пределы науки - в пределы поэзии и человеческих эмоций.

Не случайно уже в 1956 г., через несколько лет после публикации этого стихотворения критик Ю.Варшавский приводил "Баку" как один из немногих образцов подлинно творческого использования поэтических возможностей,лежащих в сфере научного[1].

Все дело здесь в том,что не сама по себе нефть вызывает вдохновение Адалис,а любовь к "заветному городу", стоящему над "укрощенной преисподней" - к нефтяному Баку."Глубинный опыт бытия" - это не только научные "законы превращенья",но и опыт жизни поэта,связанной с Востоком,с Азербайджаном, с его столицей,а главное - с его народом.Научные ассоциации появляются в стихотворении,посвященном не нефти,а Баку,в стихотворении,которое, по признанию самой Адалис,"писалось с горячим сердцем,.. со страстью и всей полнотой чувства"[2].И любовь к Баку окрашивает в яркие,живописные,поэтичные тона все, что с ним связано, - и ту же нефть, и "коварные тупики", и "светлосерую непогоду".

---

1 См.: Ю.Варшавский. Естествознание и поэзия. Заметки читателя. "Звезда", 1956, № 10, стр. 185.

2 А.Адалис. Любите поэзию, стр.84.

И звезды старого чекана,
И солнце завтрашнего дня,
И сон, и явь Азербайджана -
Все праздник жизни для меня ...
... И тара стон, и грохот стали,
И новый дом, и старый храм ...
... И даль Кубинки бесконечной,
И Шемахинки взлет тугой,
И ветер, ветер, ветер вечный
Над Апшеронскою дугой!..

Таким образом, "Баку" Адалис, на первый взгляд точно претворяющее в жизнь мысли Брюсова, на самом деле относится к научной поэзии лишь косвенно, и главная его тема связана не с наукой, а с человеком. Отсюда его поэтичность, отсюда его непреходящее эмоциональное воздействие на читателя.

Этот же принцип взаимодействия с научной мыслью развивает А.Адалис и в 40-60 годы. Не популяризация открытий физики или астрономии, а разговор об общечеловеческом на современном языке - такова сущность этого принципа. Не цель, а средство поэзии, не тематический, а образный источник материала при решении самых разных художественных проблем - такова роль науки в ее творчестве.

А.Адалис, человек широкой эрудиции и больших знаний, так же, как Брюсов, нередко опережает свое время и использует в стихах научные понятия и теории, известные сегодня еще не каждому. Радиозвезды и звезды взрывающиеся, камера Вильсона и магнитное поле земли, ядра мощных звезд и вырожденная материя... Художественные образы, построенные на таких мало

понятных аналогиях, не выполняют отведенной им автором эмоциональной и смысловой роли, не помогают, а затрудняют понимание поэтического замысла.

Но в лучших стихотворениях Адалис научные параллели органичны и составляют неотъемлемую часть художественной ткани стиха."Выводивший сердце на орбиту братства человеческого дух"[1]; "переливание души - как переливанье крови"[2]; "реки, как ракеты, прянут ввысь"[3]; наконец, положенная в основу целого стихотворения метафора: счастливая невесомость вдохновенья - и цепь рожденных ею, связанных между собой аналогичных образов: преодоление земного тяготения "для взлета над жизнью своей", "таинственный клапан полета" в душе и т.д.[4]. Это наиболее распространенные научные образы первого, простейшего плана.

Иногда в произведениях появляются и более широкие, развернутые ассоциативные сравнения. Вот смерть человека:

Кончился времени атом!
Разбилось ядро его.
Снова не свяжется;
Сыплются снова
протоны,
нейтроны,
нейтрино, -
Всем направлениям розданные...[5]

А вот - выраженное словами ощущение человека, уже двадцать пять лет не забывающего о прошедшей войне:

---

1 А.Адалис. "Это было перед приземленьем..." - Города,стр.10.
2 А.Адалис. "Когда б узналось..." - Города, стр.26.
3 А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. 20.
4 А.Адалис. Летит. - Города, стр. 31.
5 А.Адалис. До начала. - сб. "До начала, стр. 62.

Что с пространством и временем стало? -
Сжимается и разжимается! - ...
... Раздувается вдруг до отчаянья,-
Будто пульсирует с послевоенного часа:
То в кулачок, то в планету размером качание, -
То дюйма короче, то вроде длиннее экватора.
Четвертьвековая трасса.
То ли месяц прошел ?
То ли было вчера?[1]

Научные термины и понятия - "пространство и время", "пульсирует", "трасса" - наполняются чувством, обретают особый - эмоциональный поэтический смысл.

Точно так же переосмысляется в плане художественном, используется для выражения поэтической мысли целая научная теория. "Нашей системою солнечной что за орудие - диво магнитное, - думают Бэрбидж и Фаулер ("астрономы", - делает Адалис сноску для непосвященных, по примеру Брюсова) - куда-то галактик за тридевять выпалило?"[2] Это тоже о войне. И такой необычный ракурс помогает поэту полнее и своеобычнее выразить то, что чувствуют все, о чем пишут многие и о чем именно поэтому особенно трудно написать по-своему:

Мы в другую вселенную будто сквозь пропасть упали?..
Но стоим на своей же земле,
под солнцем своим!..
... Дорогая страна моя,
Родина моя дорогая,
Слава рекам твоим и морям твоим, людям твоим![3]

---

1 А.Адалис. Бах? Дебюсси?.. - До начала, стр. 46.
2 Там же.
3 Там же, стр. 47.

Современная наука,современный уровень знания присутствует в поэзии Адалис не только в образах или ассоциациях, а в самом ощущении мира, в восприятии любых, даже очень далеких от научных проблем явлений.

Если Тютчев писал "лениво дышит полдень мглистый"[1], то это был просто пейзаж, и в необычном сочетании "полдень м г л и с т ы й " заключалась лишь изобразительная точность, поэтическая смелость определить этим словом жаркое марево летнего дня. У Адалис эта прямо заимствованная у Тютчева строка (тем нагляднее сопоставление) рождает ассоциации уже совсем не изобразительного характера:

Как мглисты солнечные полдни,
Коль безбоязненно взглянуть! -
Как бы какой-то мрак исподний
Видать сквозь золото чуть-чуть...
Лазурь весенняя, блистая,
Течет в избытке торжества,
Чуть дышит солнцем налитая
Полупрозрачная листва, -
Но,прикрываясь морем света,
В огромной чаше золотой
Лазурь блистающая эта
Сквозит полночной чернотой[2].

Казалось бы, тот же пейзаж, то же настроение - светлое, теплое, чуть-чуть торжественное, создаваемое всей композицией образов, эпитетов, даже музыкальной инструментовкой стиха (множество тягучих гласных, мягкие, плавные "Л"). Но в этой

I Ф.Тютчев. Полдень. - Стихотворения. Письма. М., ГИХЛ,1957, стр.69.
2 А.Адалис."Как мглисты солнечные полдни..."- Города,стр.I2.

идиллии с первых же строк пробивается тревожная нота, и тютчевское "мглистый" наполняется новым, сегодняшним значением - сквозящей через золото солнечного света "полночной чернотой" все той же реальной Вселенной.

Все это - различные примеры проникновения современного знания в широкую сферу поэтического, использования Адалис "научного" для решения самых разных общечеловеческих проблем.

Главный принцип взаимодействия поэзии с наукой в творчестве А.Адалис станет особенно ясен, если проследить "механизм" рождения и диалектику развития хотя бы одного из ее научных образов.

"В оконном стекле пузырек. Не то пузырек, не то ссадина..."[1] Снова, как и обычно у Адалис, в основе поэтического обобщения лежит деталь вещного, реального мира. В стихотворении "Оптика" ассоциации идут по романтическому кругу, и "пузырек", по всем законам оптики переливающийся ночью лунным светом, превращается в воображении поэта в таинственную, прекрасную, зовущую вдаль золотую звезду. "Сириус не заявился ли?.. Или Юпитер кочует, меняет места? Альфа Центавра?..[2] Научно объяснимый факт (стихотворение так и называется "Оптика") рождает романтический образ.

Этот полюбившийся Адалис образ появляется и в статье "Кво вадис, о Муза?": "Светится? Значит, существует! Сильная и далекая, могучая звезда"[3]. И в поэме "До начала": "Разъярившись, так пылала большая звезда!"[4] Причем ассоциативные

---

1 А.Адалис. Оптика. Личный архив А.Адалис.
2 Там же.
3 Личный архив А.Адалис.
4 До начала, стр. 76.

связи в поэме идут уже в несколько ином - научном направлении: поэту видится не сказочно прекрасная, а действительно существующая во вселенной и определенная астрономическим термином "двойная звезда". Но и это - лишь промежуточный этап в общем движении авторской мысли.

Любовь.
Совесть.
Это наша Двойная Звезда.[1]

Научный термин переосмысляется в плане нравственном, гуманистическом, и в этом суть, в этом главный смысл его поэтического употребления.

Так в наиболее удачных произведениях А.Адалис наука обогащает поэтическую палитру, помогает автору находить оригинальные художественные решения.

Но "поэзия и наука" - это для Адалис проблема не только чисто формальная. Это одновременно и самостоятельная художественная тема - наболевший для всех вопрос о "физиках" и "лириках", о соотнесении рационального и поэтического начала в современной жизни, в современном человеке. Именно в этом ключе звучит в стихотворении "Если все..." светловский мотив "живые герои":

Чья материя? Чья энергия?
Дело автора? Или чье?
Нет, не призраки это некие,
А всамделишное житье![2]

Не придуманная, а подлинная жизнь течет "за оградою

---

1 До начала, стр. 78.
2 А.Адалис. Если все... - До начала, стр. 16.

книжных строк", но подчиняется она своим законам - не науки, а человеческой души: "ни у Павлова, ни у Сеченова не узнать его жизни срок".

Творческое кредо Адалис, ее отношение к проблеме "наука-искусство" выражается в стихотворении "Если все..." в своеобразной полемической форме.

"В мире многое есть, друг Горацио,
В чем наука еще слепа!"
(Фраза Гамлета ...
Не овация,
А насмешливая толпа).

Здесь точно уловленный дух научного века - и презрение к "насмешливой толпе" тех, кто видит в жизни лишь "микротехнику, провода", присоединение своего голоса к древнему, как мир, освященному шекспировским словом утверждению силы искусства.

"Правда" жизни и "зеркальность" поэзии, "древность мифов" и "новизна науки"... Они соотносятся у Адалис в сложных ассоциациях. "Мир и антимир к войне богов с племенем титанов приурочим"[1]. Как много кроется в этом двустрочии, положенном в основу одного из философских восьмистиший. Не просто образ, рожденный наукой: поэтическое совмещение космической катастрофы встречающихся антимиров с древнегреческим мифом. Это и вера в "давнишние дни полубогов", художественная интерпретация опять-таки научной теории, предполагающей существование на земле древнейших культур. И, наконец, - еще один ассоциативный ряд - творческая программа самой Адалис, ее пред-

---

I А.Адалис. Восьмистишия. - Города, стр. 40.

ставление об извечной роли художника, о его постоянном праве допустить поэтическую "неточность" и почувствовать в науке - поэзию.

Умение увидеть в двойной звезде звезду любви и красоты, в северном сиянии - не только магнитный поток частиц, но и "сполохи страстей всех сердец человеческих,.. желаний ума"[1] - это, по мысли Адалис, право и даже обязанность не одного только поэта, но необходимое свойство ума и сердца любого человека наших дней. Проблема "наука и поэзия" перерастает в творчестве Адалис в общую для всей современной литературы широкую проблему "человек и прогресс". Для Адалис, увлеченной наукой, всегда близкой, пристрастной к науке и ее творцам, эта проблема особенно важна и общечеловечна.

Подлинная наука у Адалис - это "Галактика Светлого Разума"[2], обитель чистой совести, добра и красоты. Это мир творчества, а значит, и мир поэзии.

И в то же время:

О, фланер по туманностям старым,  
Если нет в тебе к миру живому, простому любви,  
Если совести нет!  
Для тебя - на мечтанья о "тропах далеких планет",  
На азартные игры  
В эти "макро" и "микро" -  
Налагаю  
запрет[3].

---

I А.Адалис. До начала. - сб."До начала", стр. 77.  
2 А.Адалис. Бах? Дебюсси? - До начала, стр.52.  
3 А.Адалис. До начала. - сб."До начала", стр.75.

По-своему, в давно сложившейся манере проникновенной, "с глазу на глаз" беседы с читателем, страстного, лирически-взволнованного к нему обращения выражает Адалис гуманистическую мысль современности, так или иначе звучащую у каждого советского поэта (вспомним "все прогрессы реакционны, если рушится человек" А.Вознесенского).

Весна!.. Но куда и откуда? Пусть физики сходят с ума!
Пространств и времен пересчеты,..
... Ученых труды и заботы, галактик чужих повороты...
А лето - по-прежнему - чудо, и осень, и даже зима![1]

В одном ряду с чудесами научной мысли стоят для А.Адалис чудо природы, чудо жизни, чудо искусства. "А где там Колмогоров? Он музыкой убит!"[2] Это не только о всем известной любви знаменитого ученого к музыке, это снова - в который раз! - еще в одном художественном варианте, - утверждение победы искусства над холодным интегралом.

"Музыка" - это вообще очень характерный для поэзии Адалис образ."Там, где пески и щебенка, пыль, самосвалы, толпа, музыка крутится тонко, как луговая тропа"[3]... Одна из поэтических "тропинок" Адалис, может быть, не самых главных, но и немаловажных, - приводит в особый мир поэзии-музыки. Эта оригинальная ассоциация встречается во многих стихотворениях Адалис, становится своего рода символом, поэтическим образом самой поэзии. Тишина, "звенящая без умолку"[4]; "я слышу музыку порой, когда ей неоткуда литься"[5]; "музыкой станет приро-

---

I А.Адалис. "Все вертится наша планета..."- Города,стр.I4.
2 А.Адалис. Гномы. - До начала, стр. 29.
3 А.Адалис. "Нет над землей небосвода"...-Города, стр. 8.
4 А.Адалис. Восьмистишия. - Новый век, стр. 78.
5 А.Адалис. "Я слышу музыку порой..." - Новый век, стр.6.

да, музыкой станет вода..."[I] Наконец, целое стихотворение на ту же тему (хранящееся в личном архиве А.Адалис):

Есть музыка неслышная во всем,
Что движется ... И в неподвижном тоже.
И мы в крови своей мелодию несем...
У нас мелодии несхожи ...
... И ты еще признаешь, трезвый ум:
Есть в мире голоса у всех растений!
Гул спелого зерна, что раковины шум,
И женский смех листвы весенней...

"Музыка" Адалис - это поэзия самой жизни, безграничный океан "взрывающихся" чувств.

Это не просто аллегорический образ. Адалис всегда было свойственно удивительное умение с л ы ш а т ь стих. Песенность бо́льшей части поэмы о Кирове; симфоническое многоголосие поэмы "И несколько гранат" - калейдоскоп эпизодов, картин, поэтических линий, сливающихся в единую музыкальную тему (не случайно первоначальное название поэмы -"Вторая симфония"). Вальсовая плавность "Гавайской гитары". Удивительно точно переданный четкий ритм "Тарантеллы":

Тарантелла звенит, тарантелла! ..
Тарантелла зовет, тарантелла промчалась в эфире!..
Тарантелла звучит.
Тарантелла
Кровь горячит...[2]

---

I А.Адалис. "Нет над землей небосвода..." - Города,стр.8.
2 А.Адалис. Тарантелла. - До начала, стр. 8.

Поэзия Адалис действительно сливается с музыкой, о ней легко говорить, используя музыкальные термины: мелодия, нота, мотив, октава - проверять, по выражению самой Адалис, "внутренний строй" ее строки музыкальным камертоном[I].

Так страшно много надо досказать,
Что фразы не могу успеть связать,
Ни строфику, ни даже ритм успеть
Обдумать, ни мелодию напеть ...
... Ни рифмы мне просеять недосуг,
Как золотой песок, - проверить звук!..[2]

Звук, мелодия, ритм осознаются Адалис как важнейшие свойства стиха, и в лучших ее произведениях, где перо художника поспевает за "летучей мыслью" философа, звуки, рифмы, строки складываются в цельную, точно выверенную музыкальную мелодию.

Музыка стиха может прозвучать даже в одной строке, в ее неповторимых аллитерациях и ассонансах. В торжественном, утяжеленном "на заГОрбке своем ГОры ГОря людскОго таская ..."[3] И в прохладном, воздушном "поВЕял ВЕтерок живой Воды..."[4] В неожиданных рифмах - четких, мужских и напевных, женских, точных и ассонансных, концевых и корневых.

---

I А.Адалис. Триптих. - До начала, стр. II.

2 А.Адалис. По вечерам. - Январь-сентябрь, стр. 53.

3 А.Адалис. Из неизвестного. (XX век. Сингон.) - До начала, стр. 26.

4 А.Адалис. Вода, вода! - Новый век, стр. I9.

И главное - в стиховом ритме. Именно он в первую очередь "задает тон" в произведениях Адалис, определяет их интонацию, их эмоциональный настрой.

Размашистый, раскатистый многостопный амфибрахий "Каспийского моря":

Каспийское море на воду уже не похоже, -
Пропала черта горизонта, и море, и воздух -
одно...[1]

И рядом - легкие, певучие трехстопные ямбы:

Как жизни было мало,
Как жить еще тепло!
Ничто не миновало,
Ничто не утекло...[2]

Восточная интонационная цепь "Восьмистиший" и "Из неизвестного (XX век. Сингон)"- и простенький хореический напев "Песенок саами". И наконец, появившийся у Адалис в 60 годы свободный стих (поэмы "Бах? Дебюсси?..", "До начала", стихотворения "Когда наши старушки хорошо одеваются", "Славься, старость, славься", "Икар" и др.). Огромные, многострочные, перекатывающиеся волнами повествовательные фразы, в которых "внутренний строй" ритма удерживается каким-то непостижимым поэтическим чудом - единством интонации, перекличкой далеко отстоящих друг от друга рифм, законченностью поэтической мысли:

Бах? Дебюсси? Берлиоз?
В прежние годы,
века и тысячелетия

---

I А.Адалис. Каспийское море. - Города, стр.I9.
2 А.Адалис. "Как жизни было мало..." - Города, стр. 23.

(Впрочем, сквозь время прорывы бывали
нередко) -
Люди,
Судя по книгам,
Темными жили чувствами,
Чувствами были испытаны
сильными,
даже могучими,
Слабыми
Или полными слез[1].

И эмоциональные, прерываемые вопросами и восклицаниями, с чередованием длинных и коротких строк, с повторами слов, сталкивающимися внутренними рифмами, - интонационные единицы:

Что же, -
Поэта - к ответу! -
Сколько доброго мной не увидено,
Сколько злого!
Слишком мало мной ненавидимо!
Снова
Сколько яркого слепо тобой обезличено,
Слабое слово![2]

Многообразие ритмов, интонаций, строфических вариантов, - музыка стиха Адалис, - это целый "океан", своего рода музыкальная стихия поэзии, которую "умело превозмогает" поэт.

---

I А.Адалис. Бах? Дебюсси?.. - До начала, стр. 4I.

2 Там же, стр. 49.

Но музыка - стихия меж стихий,
И, может быть, поэзия - стихия ...
... На все способна песенная речь:
Горами двигать, прогонять невзгоды,
И врачевать, и убивать, и жечь,
Как младшая из добрых сил природы...[I]

Так ощущает поэзию сама Адалис. При всей своей "научности" и рационалистичности, она безудержно бросается в океан поэзии, сливается с этой доброй и умной стихией человеческой души и сердца.

Произведения А.Адалис 40-60 годов - это интереснейшая часть ее большого, самобытного творчества.Здесь завершаются многие проблемные и тематические линии предшествующих десятилетий: по-новому звучит постоянная у Адалис восточная тема; крепнет перо поэта-философа; богаче, глубже, многообразнее становится ее лирический герой. По-своему, в своеобразной поэтической манере решаются в стихах Адалис этих лет и новые, современные проблемы, рожденные сегодняшней жизнью страны и мира.

Масштабность и глубина мысли, сила чувства, образное и ритмическое богатство стиха - все то, что отличает подлинное искусство и что в избытке свойственно лучшим произведениям Адалис, - делает ее поэзию 40-60 годов частью большой советской литературы этого периода.

---

I А.Адалис. Прогулка в ноябре. - Стихи и поэмы, М., 1948, стр. II2.

# З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Творческий путь А.Адалис оборвался трагически-неожиданно - в момент напряженной работы ума и сердца, в момент поисков новых путей.

Можно лишь предполагать, каковы были бы эти новые пути. После сложного, подчас даже чрезмерно усложненного, полного научных образов и ассоциаций сборника 1966 г. "До начала" Адалис делает заявку на сборник "Январь-сентябрь" - на книгу "прямой" и "простой" лирики, в которой "серьезные вопросы жизни" решаются в форме прозрачной и ясной, близкой к классической, отличающейся от ставшего уже привычным у Адалис "многомерного" ассоциативного стиха[1].

Сборник "Январь-сентябрь" вышел посмертно, вышел совсем не таким, каким был задуман: последняя строка поэта оборвалась на полуслове. Но оставшиеся черновики позволяют судить о замысле книги.

Давние, заветные мысли - о музыке и природе, о поэзии и истории, о сложном и прекрасном современном человеке - вот содержание этого сборника. Книга-дневник, книга-беседа, непринужденный разговор поэта с читателем, ведущийся в стихах и прозе, классическим ямбом и свободной строкой, - в полюбившейся Адалис, органичной для ее таланта лирической форме. Книга, в которой внезапно "выпавший" "знобящий и колкий мартовский стишок"[2] и трудная, рожденная долгими раздумьями исповедь, философское эссе и живописная картинка, восьмистишия-эпиграфы и прозаические вставки-"мостики" - все связывается общей мыслью, даже своеобразным общим сюжетом (январь - сентябрь, начало и закат жизни), все сплавлено в единый, не-

1 А.Адалис.Письмо в издательство "Советский писатель".1967 г. Копия. Личный архив А.Адалис.
2 А.Адалис.Январь-сентябрь.Рукопись.Личный архив А.Адалис.

повторимый "магический кристалл" искусства. Возможно, исполнение этого интереснейшего замысла могло бы открыть новую страницу в творчестве А.Адалис.

Адалис всю жизнь неутомимо искала и открывала новое.

Человек себе еще неясен, -
Знаю это я наверняка.
Человек, как дуб или как ясень,
На поверхность шел из глубока ...
... К самому себе пришел не сразу, -
Шел, и шел, и шел издалека ...[I]

Эта философская миниатюра А.Адалис - не только о человеке вообще, это и о себе как о поэте. "Из глубока" и "издалека" 50 лет она шла к самой себе, открывая на этом сложном и трудном пути все новые художественные высоты.

Увиденное, принятое, постигнутое никогда не пропадало бесследно, не становилось каменной вехой, оставленной позади. Детская увлеченность античными мифами неожиданно откликается в остро современном поэтическом образе: "Но иди ты, иди все вперед, и вперед, и вперед, и вперед ... Тем стихиям убить тебя надо, - лишь глядящие, глаз не сводя, спасены"[2],-обращается Адалис к ученому наших дней словами, почти дословно повторяющими древнюю легенду об Орфее. Романтическая мечта 30 годов о далеком "завтра", когда человек за чашкой чая сможет "беседовать о спектрах звезд"[3], - оборачивается в

---

I А.Адалис. Человек. - До начала, стр. I8.
2 А.Адалис. До начала. - Сб. "До начала", стр. 74.
3 А.Адалис. Мы город выстроим в степи. - Власть, М., I934, стр. 42.

60-е годы многочисленными стихотворениями, в которых "спектры звезд" и многие другие научные понятия включаются в сферу эстетического.

С высоты нашего времени можно - и несомненно нужно - по достоинству оценить обширное и многообразное творчество этой самобытной писательницы, определить ее место и роль в развитии советской литературы.

Стихотворения и очерки А.Адалис 20 годов, провозгласившие новую, антиэкзотическую художественную концепцию Востока, явившие читателю чудо поэтического перевоплощения в "иноплеменника", умение проникнуть в тайну национального, - позволяют поставить имя Адалис в один ряд с такими признанными мастерами восточной темы, как Н.Тихонов и В.Луговской, Б.Лапин и П.Павленко.

Раздумья о новом творческом методе современной литературы; поиски "героя эпохи" и непрямой путь от упрощенно-идеализированного романтического "гиганта" 30 годов к постижению сложности и красоты Человека, - все то, что составляет цель и смысл произведений Адалис 30-40 годов, - это тоже неповторимое, индивидуальное художественное выражение поисков и открытий всей советской литературы этого периода, вклад Адалис в теорию и практику метода социалистического реализма.

Наконец, поэзия А.Адалис последних десятилетий, вобравшая в себя найденное раньше и открываемое сегодня. Пришедшее с годами и ставшее постоянной творческой необходимостью ощущение важнейшего единства: поэт - герой - народ. Рожден-

ный этим единством неповторимый стилевой сплав поэзии Адалис: здесь слились неразрывно эпика и лирика, патетика и интимность, стихия народного, фольклорного слова и философская, интеллектуальная струя. Остро-современный, по-своему выражающий научный дух эпохи зрелый стих поэта-эрудита, поэта-ученого, всегда стоявшего вровень с жизнью. Произведения А.Адалис 40-60 годов не тонут во все более многоголосом сегодняшнем поэтическом хоре, занимают в нем свое, особое место.

"Песчаный поход" и "Вступление к эпохе", поэмы 30 годов и "Прогулка в ноябре", "Восточный океан" и философские стихи последнего десятилетия - все это этапы долгого и интересного творческого пути Аделины Адалис, все это шаги не вслед, а рядом, а иногда, может быть, даже чуть впереди всем известных первооткрывателей.

---ooOoo---

# БИБЛИОГРАФИЯ

I. Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве,тт.I-2,М.,"Искусство", I967.

2. Ленин В.И. О литературе и искусстве.М.,"Худ.лит-ра",I967.

3. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Собр.соч.,изд. 4-е, т.20,М.,Гос.изд-во полит. лит-ры, I952.

4. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение.Собр.соч., изд.4-е,т.20,М.,Гос.изд-во полит.лит-ры,I952.

5. "О партийной и советской печати".Постановления ЦК КПСС о литературе и искусстве.М.,изд-во"Правда",I964.

6. Адалис А. и Сергеев И. Абджед Хевез Хьютти.М.,"Мол.гв.", I927.

7. Адалис А. Песчаный поход. Очерки.М.,"Федерация",I929.

8. Адалис А. Вступление к эпохе. М., "Сов.лит-ра", I934.

9. Адалис А. Власть. Стихи. М.,"Сов.писатель", I934.

I0. Адалис А. Кирову. Лирическая поэма.М.,"Худ.лит-ра",I935.

II. Адалис А. Братство.Стихи I936 года.М.,Гослитиздат,I937.

I2. Адалис А. Азери. М., "Детская лит-ра", I940.

I3. Адалис А. Защита Родины - высший закон жизни. М.-Л., Военмориздат,серия "Боевая б-ка краснофлотца",I94I.

I4. Володин А. /псевд. А.Адалис/. Великие и грозные явления природы. Беседы о природе и человеке. М., "Мол.гв.",I945.

I5. Адалис А. Стихи и поэмы. М.,"Сов.писатель",I948.

I6. Адалис А. Восточный океан.Стихи.М.,"Сов.писатель",I949.

I7. Адалис А. Новый век. Стихотворения и поэмы. М.,"Сов. писатель", I960.

17. Адалис А. Любите поэзию. М., "Знание", 1961.
18. Адалис А. Города. Стихи. М., "Сов.пис.", 1962.
19. Адалис А. До начала. Новые стихи. М., "Сов.пис.",1966.
20. Адалис А. Январь - сентябрь. Стихи и поэма. М., "Сов. пис.",1970.
21. Адалис А. (Сост. и соавтор) Ленин в поэзии. М.,ГИХЛ,1941.[1]

22. Александровский В.,Кириллов В., Обрадович С.,Родов С. Крепь. Стихи. Вологда, 1921.
23. Антокольский П. Высокое напряжение. М., "Сов.пис.",1962.
24. Антология таджикской поэзии. М., ГИХЛ, 1957.
25. Асеев Н. Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта. Л., "Сов.пис.", 1967.
26. Багрицкий Э. и др. Серебряные трубы. Одесса, 1915.
27. Боратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма,М., ГИХЛ, 1951.
28. Баяты. Баку, 1960.
29. Бессмертие. Сб. памяти Кирова. Л., Гослитиздат, 1939.
30. Брюсов В. Избранные сочинения в 2 тт. М., ГИХЛ, 1955.
31. Брюсов В. Опыты. М., "Геликон", 1918.
32. Брюсов В. Дали. М., Госиздат, 1922.
33. Брюсов В. Меа. Собрание стихов 1922-1924 гг.,М., Госиздат, 1924.
34. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868.
35. Винокуров Е. Музыка. М., "Сов.пис.",1964.
36. Вознесенский А. Антимиры. М., "Мол.гв.", 1964.

---

1 Перечень произведений А.Адалис,обнаруженных в периодике и малоизвестных сборниках, дается в "Приложении".

37. Гайдовский Г. Страна под чадрой (Узбекистан). М.,"Моск. т-во писателей", б.г.
38. Гитович А. Стихи о Корее. Л. Лениздат, 1950.
39. Глоба А. Песни народов СССР. М., ГИХЛ, 1947.
40. Голоса шести столетий. Ташкент, 1960.
41. Горе проходит - песни остаются. Узбекское народное творчество, Ташкент, 1960.
42. Грибачев Н. Непокоренная Корея. Стихи. М.,"Сов.пис",1951.
43. Дружинин П. Золотой ковш.М.,"Моск.т-во писателей",1931.
44. Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта. М.-Л., "Сов.пис.", 1965.
45. Зарт Е. Восточные рассказы. М.-Л.,"Моск.рабочий", 1926.
46. Зорич А. В стране гор. М.-Л., "ЗИФ", 1929.
47. Зуев-Ордынец М.Е. Крушение экзотики (Узбекистан и Туркмения),очерки.Л.,Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
48. Из таджикской народной поэзии. Душанбе, 1964.
49. Катаев В. Стамбул. Сонет. "Южный огонек", Одесса, 1918, № 6, стр.1.
50. Кедрин Д. Избранное. М., ГИХЛ, 1957.
51. Киплинг Р. Избранные стихи, Л., 1936.
52. Киров в поэзии. Киров, 1936.
53. Киров в художественной литературе. Л., 1937.
54. Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта, М.-Л., "Сов.пис.", 1966.
55. Лапин Б. Повесть о стране Памир. М., "Федерация", 1929.
56. Лапин Б. и Хацревин З. Стихи на индийской границе. М., Б-ка "Огонек", 1932.

57. Лапин Б. и Хацревин З. Новый Хафиз. М., Б-ка "Огонек", 1932.
58. Левитанский Ю. Кинематограф. М.,"Сов.пис.", 1970.
59. Липскеров К. Песок и розы. м., "Альциона", 1916.
60. Лоуренс Т. Восстание в пустыне. М.-Л., "Моск.рабочий", 1929.
61. Луговской В. Стихотворения и поэмы. Большая серия б-ки поэта. М.-Л., "Сов.пис.", 1966.
62. Мартынов Л. Первородство. М., "Мол.гв.", 1965.
63. Межелайтис Э. Кардиограмма. м., "Сов.пис.", 1963.
64. Межелайтис Э. Авиаэтюды. М.,"Худ.лит.", 1966.
65. Народная лирика Узбекистана. Ташкент, 1959.
66. Народная поэзия Таджикистана. Сталинабад, 1949.
67. Первый альманах литературно-художественного кружка. Одесса, 1918.
68. Песни столетий. Антология узбекской поэзии,тт.1-3, Ташкент, 1965.
69. Плотников А. Лирика пустынь. Ташкент, 1922.
70. Поэзия народов СССР, М., 1928.
71. Рейснер Л. Азиатские повести. М., "Огонек", 1925.
72. Саркизов-Серазини И. В стране Тамерлана и жаркого солнца. М.-Л., "Мол.гв.",1929.
73. Северяк Ник. Красная чайхана. "Наша газета",1 июня 1928г.
74. Сергеев В. Вокзальная площадь. Стихи и поэма. М.,"Сов.пис.", 1969.
75. Сергеев И. Очерки о Средней Азии."Наша газета",15 июля 1926 г.,16 февраля,21 и 23 марта,11 апреля, 15 июня 1928 г.
76. Серебрякова Г. Пестрая Бухара. М., 1928.

77. Симонов К. Друзья и враги. М., "Сов.пис.", 1948.
78. Скосырев П. Бедный Хасан. Стихи (1921-1925).М.-Л., Изд-во Всерос.союза поэтов, 1926.
79. Скосырев П. В стране белого золота. М.-Л.,"Мол.гв.",1930.
80. Субботин В. Шагает Азия. М., 1930.
81. Сыркин А. Восток в огне. Из дорожного блокнота журналиста. Л. Госиздат, 1925.
82. Творчество народов СССР. М., "Правда", 1937.
83. Тирукурал. Книга о добродетели, о политике и о любви.М., изд-во "Восточной литературы", 1963.
84. Тихонов Н. Кочевники (очерки Туркмении).М.,"Федерация", 1931.
85. Тихонов Н. Тень друга. Л., Гослитиздат, 1936.
86. Тихонов Н. Два потока. На втором всемирном конгрессе мира. М., Гослитиздат, 1953.
87. Туркменские народные песни. Ашхабад, 1961.
88. Тютчев Ф. Стихотворения. Письма. М., ГИХЛ, 1957.
89. Узбекские народные песни. Ташкент, 1956.
90. Уитмен. У. Избранное. М., ГИХЛ, 1954.
91. Хайям О. Четверостишия. Избранное. Таджикгосиздат,1954.
92. Чернявский Е. Блики древнего города (очерки Самарканда). М., "Моск. т-во писателей", 1928.
93. Чечеткина О. Индия без чудес. М., "Мол.гв.",1948.
94. Шагинян М. Orientalia М., "Альциона", 1913.
95. Щеглов Л. Мужская школа. М., "Сов.пис.", 1966.
96. Щедрин Н. (Салтыков). Убежище Монрепо. Избр. пр-ния в 7 тт., т.5, М., изд-во "Правда", 1948.
97. Экспрессионисты. М., "Сад академа", 1921.

98. Эренбург И. Индийские впечатления. "Иностранная литература", 1956, № 6.

99. Александров А. Поэзия науки. "Известия", 10 марта 1964 г.
100. Алексеев М.П. Пушкин и наука его времени. В кн.:Пушкин. Исследования и материалы,М.,изд-во АН СССР, 1956.
101. Андрианов Ю.П. Русско-узбекские литературные связи (30-е годы).В кн.:Литература правды и мечты, Кемерово, 1966.
102. Аннинский Л. Новые рифмы и старые истины."Молодая гвардия", 1964, № 2, стр. 278-289.
103. Аннинский Л.То,что мы называем книжностью.Заметки о современной поэзии."Литературная Грузия",1965, № 1, стр. 85-95.
104. Антокольский.П. Поэзия и физика. В кн.:Формулы и образы. Сб.статей. М., "Сов.пис.", 1961.
105. Аршаруни В. Национально-культурная проблема (в художественной литературе)."Красная печать",1927, №№ 14 -15, стр.55-57.
106. Асеев Н. Сегодняшний день советской поэзии(речь на поэтической дискуссии в Союзе писателей 16 декабря 1931 г.)."Красная новь",1932,№2,стр.159-172.
107. Багрицкий Э. Альманах. М., 1936.
108. Бегак Б. Дискуссия о новом человеке./Рецензия на книгу А.Адалис "Вступление к эпохе/."Лит.газ.", 30 сентября 1934 г.

109. Беккер М. Наблюдатель или участник. Проблема художественного очерка."Лит.газ.",18 ноября 1929 г.

110. Белаш Ю. Слово - полководец человечьей силы (Заметки о современной поэзии)."Знамя",1950,№10,стр.158-173.

111. Белецкий А.И.Русская литература и античность.Тезисы. В кн.:Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур.М., изд-во АН СССР, 1961.

112. Белинский В.Г. О русской повести и повестях Гоголя.Полн. собр.соч., изд-во АН СССР, т.I, М., 1953.

113. Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю.Лермонтова. Полн.собр. соч.,т.4, изд-во АН СССР, М., 1954.

114. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Полн. собр.соч., т.7, изд-во АН СССР, М., 1955.

115. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Полн.собр.соч.,т.10,изд-во АН СССР, М., 1956.

116. Белый А. Культура краеведческого очерка. "Новый мир", 1933, № 3, стр. 257-273.

117. Библер В. и Глазман М. О двух стихиях стиха. "Литературный Таджикистан", 1958, № 3, стр. 179-184.

118. Блок Г. /Рецензия на книгу А.Адалис "Песчаный поход"/. "Молодая гвардия", 1929, № 20, стр. 102.

119. Бобович Б. Молодость. /Рецензия на книгу А.Адалис "Города"/. - В кн.:День поэзии 1963 г.М.,"Сов.пис.", 1963.

120. Бобрышев В. Очерк - большая литература."Наши достижения", 1934, № 5, стр. 114-116.

121. Бондарин С.Разговор со сверстником. "Наш современник", 1962, № 5, стр. 175-192.

122. Бондарин С. Златая цепь. М., "Сов.пис.", 1971.

I23. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности.М., изд-во АН СССР, 1956.

I24. Брагинский И.С. Взаимодействие советских литератур народов Средней Азии.Тезисы. В кн.:Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур.Материалы дискуссии 1960 г. М., изд-во АН СССР, 196I.

I25. Браун Н. Отмена праздника. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/."Литературный Ленинград"1апреля 1935 г.

I26. Брюсов В. Смысл современной поэзии."Художественное слово", 1920, кн.2.

I27. Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии."Печать и революция", 1922, № 7.

I28. Брюсов В. Предисловие к сб. "Дали", М., Госиздат,1922.

I29. Брюсов В. Среди стихов. "Печать и революция", 1923,№6.

I30. Брюсов В. Научная поэзия.Избр.соч. в 2 тт.,т.2,М.,ГИХЛ, 1955.

I3I. Варшавский Ю. Естествознание и поэзия. Заметки читателя. "Звезда", 1956, № I0, стр. I82-I86.

I32. Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур.Материалы дискуссии 1960 г. М., изд-во АН СССР,196I.

I33. Взаимосвязи литератур Востока и Запада.М.,изд."Восточной литературы", 196I.

I34. Вельтман С. Литературные отклики. Восток в нашей художественной литературе, "Новый Восток",1926,№ I2, стр.264-280.

I35. Вельтман С. Восток в изображении Б.Пильняка,С.Третьякова и др."Новый Восток",1927, № I9, стр. 2I4-22I.

I36. Вельтман С. Литературные отклики. Экзотика и быт. "Новый Восток",I928, № 22, стр. 240-248.

I37. Вельтман С. Живая и стоячая вода /На литподступах к Востоку/."Красная новь",I929,№ I2, стр. 203-2II.

I38. Винокуров Е. Поэзия и мысль."Литературная Россия", 27 мая I966 г.

I39. Владимиров Г.П. Знамя дружбы. Ташкент, I964.

I40. Владимиров С.В. Стих и образ. Л., "Сов. пис.", I968.

I4I. Воззвание экспрессионистов о созыве Первого всероссийского конгресса поэтов. Б.м., I920.

I42. Воронский А. Об искусстве. М., "Правда", I925.

I43. Второй всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., Сов. пис., I956.

I44. Гербстман А. Рецензия на сб. А.Адалис "Власть". "Литературный современник", I935, № 4,стр.220-222.

I45. Гехт С. В Москве и Одессе."Наш современник", I959, № 4, стр.226-240.

I46. Гинзбург З. "Азери" А.Адалис. "Детская литература", I940, № 9, стр. 49-5I.

I47. Глазов Ю. Предисловие в кн.: Тирукурал.Книга о добродетели,о политике и о любви.М.,изд-во"Восточной лит-ры", I963.

I48. Гликштейн Д. Путешествие в Азербайджан.Рецензия на книгу А.Адалис "Азери"."Бакинский рабочий",II декабря I940 г.

I49. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине.В кн.:А.С.Пушкин в русской критике. М., ГИХЛ, I953.

150. Городецкий С. На стыке. Вступительное слово в кн.:Стык, Первый сборник Московского цеха поэтов. М., изд-во Московского цеха поэтов, 1925.

151. Горький М. Литературное творчество народов СССР. Собр. соч. в 30 тт., т.24, М., ГИХЛ, 1953.

152. Горький М. О том, как надобно писать для журнала "Наши достижения".Собр.соч. в 30 тт., т.25.

153. Горький М. О литературе. Собр. соч. в 30 тт., т.25.

154. Горький М. Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. Собр. соч. в 30 тт., т.26.

155. Горький М. История фабрик и заводов. Собр. соч. в 30 тт., т.26.

156. Горький и наука. М., "Наука", 1964.

157. Гринберг И. Образ вождя./Рецензия на поэму А.Адалис "Кирову"/."Литературный Ленинград",8 декабря 1935 г.

158. Гринберг И. Живые истины. М., "Сов.пис.", 1964.

159. Гриц Т. Опасная дистанция./Рецензия на книгу А.Адалис "Вступление к эпохе"/."Литературный критик",1934, № 12, стр. 163-165.

160. Гуковский Г. Очерки по истории русского реализма. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.

161. Гусев В. В середине века. О лирической поэзии 50-х годов. М., 1967.

162. Гусман Б. Сто поэтов. Тверь, "Октябрь", 1923.

163. Гутнер М. О путях лирики. "Литературный современник", 1936, № 3, стр. 155-162.

164. Джафаров Д. По поводу статьи А.Адалис об "Антологии азербайджанской поэзии"."Литературный Азербайджан", 1939, № 10, стр. 55-58.

165. Дека. Второе рождение поэта. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Лит.газ.", 24 ноября 1934 г.

166. Дельман "Киров" - новая поэма Адалис. "Лит.газ.", 5 мая 1935 г.

167. Дементьев В. Огненные точки поэзии. "Москва", 1966, № 9, стр. 197-204.

168. Дмитровский А.З. Проблема человека в современной философской лирике. В кн.: Роль мировоззрения в художественном творчестве. М., "Мысль", 1966.

169. Дмитровский А.З. Проблемы современной философской лирики. Автореферат диссертации. М., 1966.

170. Дневник критика. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Литературный критик", 1934, № 12, стр. 152-156.

171. Добранов Ю. О "философской" поэзии и ее критиках. "Книга и пролетарская революция", 1935, № 8, стр. 102-109.

172. Ершов П. На рубеже грядущей литературы. Одесса как литературный центр в 1917-1918 гг. "Южный огонек", 1918, № 6.

173. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур. В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии 1960 г. М., изд-во АН СССР, 1961.

174. Журбина Е. Искусство очерка. М., "Сов.пис.", 1957.

175. Звойдин Ф. /Рецензия на книгу А.Адалис "Песчаный поход"/. "Книга и революция", 1929, № 18, стр. 50.

176. Зелинский К. Литературы народов СССР. Статьи. М., ГИХЛ, 1957.

177. Зелинский К. Камо грядеши? "Лит.газ.", 5 и 10 марта 1960 г.

178. Зелинский К. Научная революция и литература. "Лит.газ.", 18 июня 1960 г.

179. Зелинский К. Что дают русской литературе народы СССР. "Лит.газ.", 18 февраля 1964 г.

180. Иванисенко В. Что такое поэзия? - Мысль. "Лит.газ.", 24 декабря 1964 г.

181. И мысль, и чувство. Дискуссия. "Лит. газ.", 30 августа 1967 г.

182. Ивич А. Азери. "Литературное обозрение", 1940, № 22, стр. 27-29.

183. Инбер В. За много лет. М., "Сов.пис.", 1964.

184. История русской поэзии в 2 тт., Л., "Наука", 1968-1969.

185. Канделяки Р. "Отобразители". "Лит.газ.", 26 августа 1929 г

186. Канторович В. Проблема окраинного очерка."Наши достижения", 1934, № 5, стр. 126-135.

187. Канторович В. На пути к простоте. /Рецензия на книгу А.Адалис "Вступление к эпохе"/."Наши достижения", 1935, № 3, стр. 157-160.

188. Канторович В. Заметки писателя о современном очерке. М., "Сов. пис.",1962.

189. Кардин В. Благодатное солнце. В кн.: Кардин В. Верность времени, М., 1962.

190. Карпов А. Стих и время.Проблемы стихотворного развития в русской советской поэзии 20-х годов, М.,"Наука", 1966.

191. Катаев В. и Олеша Ю. Друг."Лит.газ.",12 апреля 1947 г.

192. Кедрина З. Литературно-критические статьи.М.,"Сов.пис.", 1956.

193. Киреева А.Ф. Вопросы романтизма в литературной борьбе группировок 20-х годов. В кн.:Проблемы русской и зарубежной литературы, Саратов, 1965.

194. Коган П. Поэзия 1917-1927 гг. "Красная новь",1927,№ 11.

195. Конрад Н. Запад и Восток. Статьи. М., "Наука", 1966.

196. Корчагин А. Из воспоминаний о Брюсове."Лит.газ.",5 октября 1939 г.

197. Кронгауз А. Кровообращение поэзии. Альманах "Ашхабад", 1960, № 2.

198. Кузьмина Э. До начала. "Лит.газ." 11 января 1967 г.

199. Кулинич А. Русская советская поэзия 30-х годов. Киев,1962

200. Кулинич А. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х годов. Киев, 1967.

201. Ланн Е. Проблема литературной мистификации. "Печать и революция", 1928, № 8, стр. 27-36.

202. Лапин Б. Письмо о честности. Опыт саморазоблачения."Октябрь", 1929, № 12, стр. 127-133.

203. Лапин Б. и Хацревин З. Заметки о таджикской песне."Лит. газ.", 5 июля 1931 г.

204. Ларцев В.Г. Наука и современная советская поэзия. Ташкент, 1965.

205. Лебедев В.Д. Инонациональная (дагестанская) тема в русской советской литературе и некоторые проблемы социалистического реализма.Автореферат диссертации, Махачкала, 1968.

206. Лейтес А. Злость или ненависть? /Рецензия на поэму А.Адалис "Кирову"/."Лит.газ.",29 июля 1935 г.

207. Лейтес А. Философия применительно к рифмам."Знамя",1935, № 12, стр. 206-230.

208. Лейтес А. О двух поэтах. "Новый мир", 1938, № 4,стр. 248-261.

209. Лейтнеккер Е. Значение советского художественного очерка в краеведческой работе."Советское краеведение" 1935, № 9, стр. 5-15.

210.Летопись жизни и творчества А.М.Горького.т.4, М.,изд-во АН СССР, 1960.

211.Липкин С. Правда об Индии. "Дружба народов",альманах, 1948, кн.17.

212. Листов И. "Примите балладу мою, омичи" /Рецензия на книгу А.Адалис "Города"/."Омская правда",11 сентября 1963 г.

213. Литература и наука. Дискуссия."Вопросы литературы", 1964, № 8.

214. Литературная Одесса 20-х годов. Тезисы межвузовской научной конференции. Одесса, 1964.

215. Литературные манифесты. М., "Федерация", 1928.

216. Лишина Т. Так начинают жить стихом. Альманах "Прометей", т.5, М., "Мол.гв.", 1968.

217. Лозович Т. и Шульман Б. И "физики" и "лирики". "Звезда Востока", 1967, № 6, стр. 196-201.

218. Ломидзе Г. Единство и многообразие. М., "Сов.пис.", 1960.

219. Лоскутов М. Экзотические очерки. "Наши достижения",1934, № 5, стр. 153-155.

220. Луначарский А. Предисловие в кн.:Стык, М., "Московский цех поэтов", 1925.

221. Львов Б.Л. С экзотикой и без нее. М., "Мысль",1964.

222. Львов В. Космос и мы. "Звезда", 1961, № 5, стр.8-33.

223. Любарева Е.П. Советская романтическая поэзия. М.,"Высш. школа", 1969.

224. Мазепа Н.Р. Поэзия мысли (о современной философской лирике). Киев, 1968.

225. Македонов А. О "Власти" и лирике больших обобщений. "Наступление", Смоленск, 1935, №№ 4-5, стр.129-136.

226. Македонов А. Очерки советской поэзии.Смоленск, 1960.

227. Македонов А. Чувство Вселенной и чувство времени (заметки о путях новаторства в поэзии). В кн.: Герой современной литературы,М.-Л.,"Худ.лит-ра",1963.

228. Максимов Д. Брюсов. Л., "Сов.пис.", 1969.

229. Малеин А. В.Я.Брюсов и античный мир. "Известия Ленинградского гос.ун-та", т.2, Л., 1930.

230. Маслин Н. Вторжение живописи./Рецензия на поэму А.Адалис "Кирову"/. "Литературный современник",1935, №12, стр. 175-181.

231. Мейлах Б. Человек, наука, судьбы искусства. "Звезда", 1964, №№ 7-8.

232. Мигдалова Л. Тайна смещений. /Рецензия на книгу А.Адалис "До начала"/. "Москва", 1967, № 5, стр.201.

233. Мирский Д. Вопросы поэзии./Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Лит.газ.", 5 февраля 1935 г.

234. Мирский Д. Нам нужна поэзия больших лирических обобщений. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Лит. газ.", 24 марта 1935 г.

235. Михайлов А. Открытие мира. О жанре философской лирики. "Знамя", 1962, № 7, стр. 201-218.

236. Михайлов А. Лирика сердца и разума. М., "Сов.пис.",1965.

237. Михайлов Н.Н. Поэзия науки."Новый мир",1955,№2,стр.218-225.

238. Мурадов А. Русские писатели в Туркмении.Альманах "Ашхабад", 1957, №№ 1-2.

239. Н.Б. "Переводы" А.Адалис. "Литературное обозрение", 1937, № 3, стр. 21.

240. Национальное и интернациональное. Дискуссия. "Дружба народов", 1967, № 1.

241. Нелидов С. Поэзия, зовущая к борьбе. "Вечерняя Москва", 5 января 1949 г.

242. Неупокоева И.Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., Изд-во АН СССР, 1963.

243. Ник. У. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Советская литература", 1935, № 3, стр. 154.

244. Никонов Вл. Рождение идейной лирики./Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/."Художественная литература", 1935, № 3, стр. 12-16.

245. Новая книга Адалис. "Лит.газ.",17 февраля 1945 г.

246. О.М. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Подъем", 1935, № 6, стр. 109-110.

247. Огнев В. О романтической поэзии. "Лит.газ.",14 февраля 1961 г.

248. Огнев В. В.А.Луговской. В кн.:В.Луговской. Стихотворения и поэмы,Большая серия б-ки поэта,М.-Л.,"Сов. пис.", 1961.

249. Огнев В. У карты поэзии. М., ГИХЛ, 1968.

250. Озеров Л. А. Работа поэта. М.,"Сов.пис.", 1963.

251. Олеша Ю. Эдуард Багрицкий. Избр. соч., М., ГИХЛ,1956.

252. Олеша Ю. Встречи с А.Толстым. Избр.соч.,М., ГИХЛ, 1956.

253. Орлов В. Борис Лапин. Повесть о стране Памир. "Звезда", 1929, № 9.

254. Осетров Е.И. Поэзия разума. В кн.: Познание России,М., "Моск.рабочий", 1962.

255. Осетров Е. Всеми цветами радуги. "Лит.газ.",27 октября 1966 г.

256. Островский Ю. Лирический образ вождя./Рецензия на поэму А.Адалис "Кирову"/. "Художественная литература", 1935, № 12, стр.6-7.

257. Очерки истории русской литературы Узбекистана в 2 тт. Ташкент, "Фан", 1967-1971.

258. Павленко П. Что дала мне поездка с бригадой в Туркмению. "Лит.газ.",26 июня 1930 г.

259. Павлович Н. /Рецензия на книгу А.Адалис "До начала"/. "Новый мир", 1967, № 4, стр. 284.

260. Павловский А.И. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., "Наука", 1967.

261. Павловский Е.Н. Поэзия, наука, ученые. М.-Л., изд-во АН СССР, 1958.

262. Паустовский К. Документ и вымысел. "Наши достижения", 1933, № 1, стр. 85-86.

263. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, М., "Гослитиздат",1934.

264. Перцов В. Литература завтрашнего дня. М., 1929.

265. Петров Д.К. Рецензия на сб. "Литература Востока" (1919-1920, кн.1 и 2),"Восток",1923, № 3, стр. 169.

266. Платонов Б. Газ в решете. Письмо писательнице А.Адалис. /Рецензия на книгу А.Адалис "Азери"/."Лит.газ.", 5 января 1941 г.

267. Плиско Н. Поэзия "Знамени"."Лит.газ.",5 февраля 1936 г.

268. Поляк Л. О "лирическом эпосе" Великой Отечественной войны."Знамя",1943, №№ 9-10, стр. 292-299.

269. Поступальский И. К вопросу о научной поэзии. "Печать и революция", 1929, №№ 2-3, стр. 51-68.

270. Пути развития советской многонациональной литературы.М., "Наука", 1967.

271. Пути советского очерка. Л., "Сов.пис.", 1958.

272. /Рецензия на книгу А.Ад."Любите поэзию"/. "Московская правда", 13 января 1962 г.

273. Розанов И. Русские лирики. М., "Никитинские субботники", 1929.

274. Роскин А. О новом в очерке. "Наши достижения", 1936, № 1, стр. 138-151.

275. Рош Р. О востоконеведении. "Печать и революция",1928, № 7, стр. 166.

276. Рунин Б. Пути творчества. "Вопросы литературы",1964,№ 8.

277. Рунин Б. Две легенды. "Правда", 24 декабря 1940 г.

278. Рыкова Н. Советская "экзотическая" беллетристика. "Ленинград", 1931, № 2, стр. 124-129.

279. Саянов В. Очерки по истории русской поэзии 20 века. Л., изд."Красная газета", 1929.

280. Селивановский А. О сегодняшнем дне советской поэзии. В кн.:Поэтический сборник.М.,1934, стр.155-172.

281. Селивановский А. Очерки по истории русской советской поэзии. М., "Гослитиздат", 1936.

282. Селивановский А. В литературных боях. М., "Сов.пис.",1963
283. Сергеев И. От очерка к рассказу. "Лит.газ.",5 августа 1936 г.
284. Сергиевский К. Путешествие по неведомому. /Рецензия на книгу А.Адалис "Песчаный поход"/."Новый мир", 1930, № 5, стр. 196-201.
285. Серебрянский М. Заметки о поэзии."Знамя",1935, № 6, стр. 224-240.
286. Синг П. Порочный стиль. /Рецензия на книгу А.Адалис "Восточный океан"/. "Звезда Востока", 1949, № 10, стр. 109-116.
287. Синг П. Индия в советской художественной литературе. "Звезда Востока", 1951, № 2, стр. 151-167.
288. Скосырев П. Национальная форма и фольклор."Лит.газ.", 7 ноября 1940 г.
289. Скосырев П. Наследство и поиски. Статьи. Очерки. Заметки. М., "Сов.пис.", 1961.
290. Смеляков Я. За подлинную большую поэзию. "Лит.газ.", 30 мая 1940 г.
291. Смеляков Я. Поэзия мужества и силы. "Лит.газ.", 25 августа 1948 г.
292. Смердов А. Первая книга поэта. "Сибирские огни", 1940,№2.
293. Смирнова В. Задача на построение./Рецензия на книгу А.Адалис "Азери"/. "Лит.газ.",13 октября 1940 г.
294. Советская литература 20-х годов. Материалы межвузовской конференции. "Южно-уральское кн.изд-во",1966.
295. Советские писатели. Автобиографии в 2 тт. М.,"Сов.пис.", 1959.
296. Соколов Ип. Экспрессионизм. Теория. М., 1920.

297. Соколова Л.М. Дагестан в русской советской литературе. Махачкала, 1963.

298. Соловьев Б. Поэзия и критика. М., "Лит.Россия", 1966.

299. Степанов Н. Советская поэзия за 20 лет. "Литературная учеба", 1937, № 10-11.

300. Степанов Н. Герои советской героической поэзии. "Литературный современник", 1937, № 11, стр. 203-232.

301. Сурков А. Откуда ждать хорошей погоды? /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Лит.газ.",6 марта 1935 г

302. Тарасенков А. Поэзия первого разумного века. /Рецензия на книгу А.Адалис "Власть"/. "Знамя",1938,№ 2, стр. 203-209.

303. Тарасенков А. Поэма о Кирове. "Известия", 1936, № 7.

304. Тартаковский П. Пути содружества. "Дружба народов",1966, № 1.

305. Темирова И. и Тарсов М. Взаимовлияние обоюдное, многостороннее. "Дружба народов", 1964, № 9.

306. Типот А. Пафос аврала. /Рецензия на книгу А.Адалис "Братство"/."Октябрь",1938, № 9, стр. 220-228.

307. Тихонов Н. Нет произведения без политики. "На лит.посту", 1931, № 6.

308. Тихонов Н. Мерило нашей работы - наши книги. "Литературный Ленинград", 8 октября 1935 г.

309. Тихонов Н. Советская литература в дни Отечественной войны.(Доклад на IX пленуме правления ССП)."Литература и искусство", 12 февраля 1944 г.

310. Тихонов Н. Двойная радуга. М., "Сов.пис.", 1963.

311. Толстой А. Наука и литература. В кн.:А.Толстой. О литературе. М., "Сов.пис.", 1956.

312. Трегуб С. Необоснованные восторги. "Правда",23 ноября 1940 г.

313. Треплев К. Глазами случайного посетителя. /Рецензия на книгу А.Адалис "Песчаный поход"/. "Туркменоведение", 1931, № 1-2, стр. 66-75.

314. Третьяков С. Эволюция жанра. "Наши достижения",1934,№7-8.

315. Трифонова Т.К. Русская советская литература тридцатых годов. М.,изд-во АН СССР, 1963.

316. Турабов С.Ф. Азербайджан в русской поэзии. Баку, 1964.

317. Турбин В. Индия чудес и тревог."Комсомольская правда", 4 июня 1968 г.

318. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л. "Прибой", 1929.

319. Урбан А. Герой и стиль. "Знамя", 1962, № 3, стр.196-212.

320. Урбан А. Возвышение человека. "Звезда",1965,№4,стр.175-186.

321. Фадеев А. За высокое качество художественной литературы и принципиальную критику."Лит.газ.",10 августа 1949 г.

322. Фадеев А. За тридцать лет. М.,"Сов.пис.",1957.

323. Федоров Н. Народные богатыри. /Рецензия на книгу А.Адалис "Богатыри народа"/. "Литература и искусство", 24 апреля 1943 г.

324. Фет А.А. Мои воспоминания, ч.1-2, М., 1890.

325. Фефер В.В. Единое счастье - работа. Воспоминания о Литературно-художественном институте им.Брюсова. Рукопись.

326. Формулы и образы. Сб. статей. М., "Сов.пис.", 1961.

327. Цветаева М. Герой труда. В кн.:М.Цветаева. Проза. Нью-Йорк, 1953.

328. Черняков В. Поэзия и эпоха. Из истории русской советской поэзии 30-х годов. Харьков, 1967.

329. Чуйков С. Заметки художника. М."Мол.гв.", 1967.

330. Шкловский В. О писателе. "Новый Леф", 1927, № 1.

331. Шошин В.А. Интернациональная тема в советской литературе./Зарубежный Восток/. В кн.:Вопросы советской литературы, сб.7, М.-Л., изд-во АН СССР, 1958.

332. Шошин В. Н.Тихонов. М., изд-во АН СССР, 1960.

333. Эберман В. Арабы и персы в русской поэзии. "Восток",1923, кн. 3, стр. 108-125.

334. Эренбург И. Романтизм наших дней. "Красная газета", вечерний выпуск, 28 декабря 1925 г.

335. Эфрос А. Вестник у порога. Дух классики. "Лирический круг", М., 1922, № 1.

## А Р Х И В Ы

### ЦГАЛИ

Фонд № 618 (архив ж-ла "Знамя")

1. Адалис А. Бессонница.("Отошли меня лучше, товарищ...") I редакция. 1936 г. Оп. I, ед.хр. 71. Опубликовано в ж-ле "Знамя" (1936, № 6) и в сб."Братство".

Любовь. I редакция. 1935 г. Оп. I, ед.хр.84,л.4-5. Опубликовано в сб. "Братство".

Памяти сэра Лоуренса.I редакция. 1937 г. Оп. I,

ед.хр. 84, л.I-3. Опубликовано в сб. "Январь-сентябрь".

Вторая симфония. Поэма. I редакция (1943 г.) и 2 редакция (1946 г.). Оп.14, ед.хр. 15 и 16. Опубликована в сб. "Новый век" под названием "И несколько гранат"[I].

2. Тихонов Н. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 1947 г. Оп. 14, ед.хр.16.

3. Шубин П. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 1947 г. Оп. 14, ед.хр. 16.

Фонд № 634 (архив "Литературной газеты").

4. Адалис А.

Элегия. I редакция. 1933 г. Оп. I, ед.хр.98, л.I. Опубликовано в сб. "Власть".

Фонд № 1702 (архив ж-ла "Новый мир").

5. Адалис А.

Прогулка в ноябре. Поэма. I редакция. 1945 г. Оп. 2, ед.хр. 615. Опубликована в сб. "Стихи и поэмы".

Был я гостем в день рожденья сына. Поэма. Вариант. 1947 г. Оп. 2, ед.хр. 615. Опубликована в сб. "Стихи и поэмы".

Фонд № 1234 (архив изд-ва "Советский писатель").

6. Адалис А.

Стихи и поэмы. Корректура сборника с правкой Адалис. Оп. 12, ед.хр. I.

---

I Перечень неопубликованных произведений А.Адалис, обнаруженных в архивах, дается в "Приложении".

7. Антокольский П. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Из записок счастливого человека". 1945 г. Оп. 10, ед.хр. I, л. 38-39.

8. Антокольский П. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония".1957 г. Оп.12,ед.хр.162, л.50.

9. Глаголев Н. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Богатыри народа".19 ноября 1942 г. Оп.8, ед.хр. 1.

10. Инбер В. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Восточный океан",4 августа 1948 г. Оп.13, ед.хр. 101, л.78-83.

11. Книпович Е. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Богатыри народа".12 марта 1942 г. Оп.8, ед.хр.I.

12. Книпович Е. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 23 февраля 1944 г. Оп.9, ед.хр.1.

13. Левин Ф. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Стихи и поэмы".19 января 1947 г.Оп.2,ед.хр. 162.

14. Матусовский М. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Восточный океан".9 августа 1948 г. Оп. 13, ед.хр. 101, л.86-87.

15. Митрофанов А. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 2 февраля 1944 г. Оп.9, ед.хр. I, л. 5.

16. Обрадович С. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Богатыри народа".Б.д. Оп.8, ед.хр.I.

17. Перцов В. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Стихи и поэмы".13 января 1947 г. Оп.12,ед.хр. 162, л.42.

18. Резник О. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Из записок счастливого человека". Б.д. Оп.10, ед.хр. 1, л.31-32.

19. Скосырев П. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 7 июля 1947 г. Оп.12,ед.хр.162, л.39.

20. Субоцкий Л. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Из записок счастливого человека".20 апреля 1945 г. Оп. 10, ед.хр. 1, л.42-44.

21. Субоцкий Л. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 30 июля 1947 г. Оп.12,ед.хр.162, л.52.

22. Сучков Б. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Из записок счастливого человека". Б.д. Оп.10, ед.хр. 1, л.48-51.

23. Тарасенков А. Внутренняя рецензия на рукопись книги А.Адалис "Восточный океан".Оп.13, ед.хр. 101, л.84-85. 6 августа 1948 г.

24. Твардовский А. Внутренняя рецензия на поэму А.Адалис "Вторая симфония". 24 июля 1947 г. Оп.12, ед.хр. 162, л.48.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ ИМЛИ

Фонд № 84 (архив А.Адалис)

25. Адалис А. Кирову. Поэма. Из первых вариантов. Оп.1, ед. хр. 21-24.

Из восточных мотивов. I редакция. Оп. I, ед.хр.5. Опубликовано в ж-ле "Новый мир", 1929, № 8-9.

По Туркмении. Очерк. I редакция. Оп. I, ед.хр. 352. Опубликован в ж-ле "Новый мир" (1929, № 4) и в кн. "Песчаный поход".

Под Араратом. Очерк. I редакция. Оп. I, ед.хр. 353. Опубликован в ж-ле "Новый мир" (1927, № 5) и в кн. "Песчаный поход" под названием "Стоянка Ноя".

Путевые очерки. I редакция. Оп. I, ед.хр. 353. Опубликованы в ж-ле "Новый мир" (1928, № 2 ) и в кн. "Песчаный поход" под названиями "Гузаль-Андижан" и "Бухара и шериф".

## ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ им. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Фонд № 260 (архив Г.Долинова).

30. Долинов Г. Воспоминания о одесском литературно-художественном кружке "Зеленая лампа".1934 г. ед.хр.I.
31. Рукописная книга стихотворений членов кружка "Зеленая лампа". Ед. хр. I.

## ЛИЧНЫЙ АРХИВ А.АДАЛИС

32. Фадеев А. Записка к А.Адалис. Январь 1939 г.
33. Сергеев И. Письма к А.Адалис 1941-1943 гг.
34. Тихонов Н. Письмо к А.Адалис о сб. "Новый век". 1961 г.

---oo0oo---

Прогулка перед сном. Поэма. I редакция. 1945 г. Оп. I, ед.хр. 26. Опубликована в сб. "Стихи и поэмы" под названием "Прогулка в ноябре".

26. Сельвинский И. Внутренняя рецензия на поэму "Прогулка перед сном". Б.д. Оп. I, ед.хр. 27.

## АРХИВ М. ГОРЬКОГО ( ИМЛИ )

27. Адалис А.

Оседают кочевники. Очерк. I93I г. Корректура с правкой М.Горького. Рав-ПГ, 2-3-3 (архив ж-ла "Наши достижения"). Опубликован в ж-ле "Наши достижения" (I93I, № 9).

28. Горький М. Письмо к А.Адалис. I7 августа I93I г. Рав-ПГ-2-3I.

## ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ И Р Л И

Фонд № 209 (архив ж-ла "Новый мир").

29. Адалис А.

Робайят. I редакция. Оп. I, ед.хр. I. Опубликовано в ж-ле "Новый мир" (I929, № 3) и в сб. "Власть".

Встреча. I редакция. Оп. I, ед.хр. 2. Опубликовано в ж-ле "Новый мир" (I929, № 4) и в сб. "Власть".

Жалоба тигру. I редакция. Оп. I, ед.хр. 3. Опубликовано в ж-ле "Новый мир" (I929, № 4) и в сб. "Власть".

Посвящение лошади Наргыз. 2 редакция. Оп. I, ед.хр. 4. Опубликовано: в "Комс. правде" (I6 июля I928 г.), в жур-ле "Новый мир" (I929, № I0) и в сб. "Власть".

# П Р И Л О Ж Е Н И Е

Произведения А.Адалис, обнаруженные в архивах /не публиковавшиеся/, в периодике и малоизвестных сборниках.

## П О Э З И Я

I. Адель Е-нъ. Лунная ночь. "Гудок" (ежедневная детская газета), Одесса, 28 января 1913 г.

2. А-съ. "Короткое письмо зарею раб принес..." Из цикла "Афродите Аддалис". "Южный огонек", Одесса, 1918, № 12, стр. 10.

3. А-съ. "Дышится трудно от запаха меда и гари..." "Южный огонек", 1918, № 14, стр. 4.

4. А.Адалис. Шесть стихотворений. "Художественное слово", 1921, № 2, стр. 11-13.

5. А.Адалис. Стихотворения: "Дела любви несложны и невинны".. "Ах,на глаза ль твои,на губы ль".. В кн.:Поэзия революционной Москвы,Берлин, "Мысль", 1922, стр.9-10.

6. А.Адалис. Стихотворения: Баллада, "Пока в мистическом страхе..." - В кн.: Современник, сб. № I, М., Изд-во "Современник", 1922, стр. 21.

7. А.Адалис. Стихотворения:"Сучить любовные стихи...", "Пейзаж кудряв,глубок, волнист...". В кн.: Московский Парнас,сб.№2, М., изд-во "Московский Парнас",1922, стр. 84-85.

8. А.Адалис. "Что за шутник...", "Хоть крымским вином спои меня..." "Жизнь", М., 1922, № I, стр. 83-84.

9. А.Адалис. "Небо легко чуждается..." "Сегодня", М., 1922, № 8, стр. 15.

10. А.Адалис. О позапрошлом годе. Из поэмы."Россия", М.-Пг., 1923, № 5, стр. 6.

11. А.Адалис. Главное - быть бесстрашным. "Россия", М.-Пг., 1924, № 1, стр. 82.

12. А.Адалис. Стихотворения: Смерть, Поэт. "Русский современник",Л.,1924,№4,стр.91-92.

13. А.Адалис. Потомкам. "Ленинград", 1924, № 8, стр.16.

14. А.Адалис. Друзьям детства. "Ленинград", 1924, № 13,стр.16

15. А.Адалис. "Четверть века приходит к концу..." "Россия", 1925, № 4/13/, стр. 100.

16. А.Адалис. Шесть стихотворений. - В кн.:Стык. 1-й сб. Московского цеха поэтов. М., изд-во Московского цеха поэтов, 1925, стр. 33-37.

17. А.Адалис. Туркмения. "Красная нива", 1926, № 11,стр.1.

18. А.Адалис. Пограничная баллада. "Красная нива", 1927, № 13, стр. 20.

19. А.Адалис. Из восточных мотивов. "Новый мир", 1929, № 8-9, стр. 46.

20. А.Адалис. На площади близ горсовета. "Лит.газ.",14 октября 1934 г.

21. А.Адалис. Ленин. Стихи. "Огонек", 1936, № 2-3, стр.1.

22. А.Адалис. "Есть у нас товарищи такие..." "Красная звезда", 15 марта 1936 г.

23. А.Адалис. Песнь о мае. "Красная звезда", 1 мая 1936 г.

24. А.Адалис. Полет. "Смена", 1937, № 8, стр. 12.

25. А.Адалис. Пограничная. "Правда", 15 августа 1937 г.

26. А.Адалис. 12/XII 1937. Стихи. "Лит.газ.",12 декабря 1937г.

27. А.Адалис. Помню. "Молодая гвардия", 1938, № 6, стр. 61.

28. А.Адалис. Встреча. "Колхозник", 1938, № 3-4, стр. 40.

29. А.Адалис. Весна. "Смена", 1938, № 5, стр. 5.

30. А.Адалис. Папанинцам. "Лит.газ.",26 февраля 1938 г.

31. А.Адалис. Счастливая звезда. "Красная звезда", 1 февраля 1938 г.

32. А.Адалис. Красная звезда. "Красная звезда", 27 февраля 1938 г.

33. А.Адалис. "Мы сеяли хлеб ..." "Красная звезда", 11 марта 1938 г.

34. А.Адалис. Он живет. "Красная звезда", 17 декабря 1938 г.

35. А.Адалис. Баллада о женщине с Востока. "Легкая индустрия", 24 марта 1938 г.

36. А.Адалис. Красный стяг на вершине Земли. "Легкая индустрия", 21 мая 1938 г.

37. А.Адалис. У мавзолея. "Огонек", 1939, № 1, стр. 2.

38. А.Адалис. Двадцать два. Стихи. "Огонек", 1939, № 29-30, стр. 15.

39. А.Адалис. В эти дни. "Красная звезда", 20 сентября 1939 г.

40. А.Адалис. У репродуктора. "Красная звезда",30 ноября 1939 г.

41. А.Адалис. Товарищ комиссар. "Красная звезда", 14 декабря 1939 г.

42. А.Адалис. Рисунок. "Красная звезда", 22 апреля 1940 г.

43. А.Адалис. Ночью. Стихи о Ленине. "Красная звезда", 21 февраля 1941 г.

П Р О З А

44. А-С. Под дождем. Рассказ. "Южный огонек", Одесса, 1918, № 13, стр. 8.

45. А.Адалис. Старая Бухара. Очерк. "Красная нива", 1926, № 5, стр. 10-11.

46. А.Адалис. Иероним Собакин. Рассказ. "Красная нива", 1926, № 18, стр. 2-4.

47. А.Адалис. У персидской границы. Очерк. "Красная нива", 1926, № 32, стр. 14-15.

48. А.Адалис. Подвиг. Рассказ. "Красная нива", 1926, № 35, стр. 2-4.

49. А.Адалис. У подножья Илан-Дага. Очерк. "Красная нива", 1927, № 7, стр. 14.

50. А.Адалис. Уч-Купрюк. Очерк. "Наша газета", 27 августа 1927 г.

51. А.Адалис. Еркамелейше! Очерк. "Наша газета", 30 августа 1927 г.

52. А.Адалис. Письмо из Ферганы. Очерк. "Наша газета", 3 сентября 1927 г.

53. А.Адалис. Карусель. Очерк. "Наша газета", 14 сентября 1927 г.

54. А.Адалис. Письмо из "Эльдорадо". Очерк. "Наша газета", 23 сентября 1927 г.

55. А.Адалис. Байрам-Али. Очерк. "Наша газета", 17 февраля 1928 г.

56. А.Адалис. Иски-Чарджуй. Очерк. "Наша газета", 1 марта 1928 г.

57. А.Адалис. Текинский базар. Очерк. "Наша газета", 26 апреля 1928 г.

58. А.Адалис. На границе Афганистана. Очерк. "Наша газета", 12 мая 1928 г.

59. А.Адалис. Фриско из Ошского кантона. Рассказ. "Красная нива", 1929, № 26, стр. 2-4.

60. А.Адалис. Форт Мытный. Рассказ. "Красная нива", 1929, № 52, стр. 6-7.

61. А.Адалис. Люмпен-пролетариат на окраине. (Письмо из Коканда). Очерк. "Революция и культура", 1929, № 9-10, стр. 116-118.

62. А.Адалис. Вопросы худжума. (В порядке обсуждения). Очерк. "Революция и культура",1929,№12, стр. 29-40.

63. А.Адалис. О клубной работе на Востоке.Очерк. "Революция и культура", 1929, № 15, стр. 53-56.

64. А.Адалис. В качестве комментария. Очерк. "Рев. и культура", 1929, № 17, стр. 22-31.

65. А.Адалис. Без призора. Очерк. "Рев. и культура", 1929, № 18, стр. 61-66.

66. А.Адалис. О кухарке, которая управляет государством.Очерк. "Рев. и культура", 1929, № 19-20, стр. 102-106.

67. А.Адалис. Детские технические станции.Очерк. "Рев. и культура", 1929, № 23-24, стр. 50-57.

68. А.Адалис. История одного процесса.Очерк. "Рев. и культура" 1930, № 3, стр. 58-65.

69. А.Адалис. Тихая сапа. Очерк. "Рев. и культура", 1930,№ 7, стр. 30-34.

70. А.Адалис. Стенограмма. Очерк. "Рев. и культура",1930, № 9-10, стр. 88-94.

71. А.Адалис. Манна небесная. Очерк. "Правда в степи", Чимкент, 12 сентября 1930 г.

72. А.Адалис. Кусочек одной эпопеи. Рассказ. "Красная нива", 1930, № 6, стр. 12-13.

73. А.Адалис. Записки о казахских колхозах. Очерк. "Новый мир", 1931, № 6, стр. 134-139.

74. А.Адалис. Оседают кочевники. Очерк. "Наши достижения", 1931, № 9, стр. 49-55.

75. А.Адалис. Страна, встающая из развалин. Очерк. "Смена", 1931, № 16, стр. 25.

76. А.Адалис. Сотворение земли. Повесть. "Мол.гв.", 1933, № 9, стр. 71-81.

77. А.Адалис и М.Кушнер. Ленкорань. Очерк. "Правда", 31 октября 1935 г.

78. А.Адалис. Мера сил. Очерк. "Знамя", 1936, № 3, стр. 164-172.

79. А.Адалис. Яков. Рассказ. "Лит.газ.", 1 сентября 1936 г.

80. А.Адалис. Жемчужина городов. Очерк. "Наша страна", 1937, № 1, стр. 11-19.

81. А.Адалис. Ташкент. Очерк. "Наша страна", 1937, № 9, стр. 37-41.

82. А.Адалис. Страна сказочных перемен. "Наша страна", 1938, № 7, стр. 4-12.

83. А.Адалис. В краю таджиков. "Наша страна", 1938, № 12, стр. 16-22.

84. А.Адалис. Самарканд. "Наша страна", 1939, № 3, стр. 30-34.

85. А.Адалис. Керим. Рассказ. "Колхозник", 1938, № 12, стр.39-56.

## СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

86. А.Адалис. Второй план. - В кн.:Проблемы поэтики. М.,"ЗИФ", 1925, стр. 83-94.

87. А.Адалис. О советской суше и советских морях. - В кн.: На суше и на море, М.-Л., 1927, стр. 3-6.

88. А.Адалис. Предисловие в кн.: Р.Киплинг. Отважные мореплаватели. М., 1928, стр. 3-4.

89. А.Адалис. Наши еженедельники. "Революция и культура", 1929, № 21, стр. 27-31.

90. А.Адалис. Десять тезисов. "Лит.газ.", 11 октября 1933 г.

91. А.Адалис. Растущий поэт. "Смена", 1934, № 6, стр. 20.

92. А.Адалис. Стихи и песни народов Востока о Сталине."Правда", 11 декабря 1935 г.

93. А.Адалис. Халтура. "Правда", 31 декабря 1935 г.

94. А.Адалис. Поговорим о молодых. "Лит.газ.", 10 января 1935г

95. А.Адалис. Об Эдуарде. "Лит.газ.", 15 февраля 1935 г.

96. А.Адалис. С абсолютной прямотой. "Лит.газ.", 24 ноября 1935 г.

97. А.Адалис. Нас вел Эдуард. В кн.:Э.Багрицкий. Альманах, М., 1936,

98. А.Адалис. Вводная статья к переводу А.Адалис "Кёр-Оглу". "Знамя", 1936, № 1, стр. 153.

99. А.Адалис. О новых стихах Н.Тихонова. "Книга и пролетарская революция", 1936, № 5, стр. 99-101.

100. А.Адалис. О К.Паустовском. "Детская литература", 1936, № 7, стр. 10-13.

101. А.Адалис. Литературный брак. "Правда", 29 апреля 1936 г.

102. А.Адалис. От нашего хлеба. "Правда", 2 августа 1936 г.

103. А.Адалис. Наши посылки - в руки. "Правда", 15 сентября 1936 г.

104. А.Адалис. С.Вургун. "Лит.газ.", 29 января 1936 г.

105. А.Адалис. Повышение качества. "Лит.газ.",10 марта 1936 г.
106. А.Адалис. Голос читателя. "Лит.газ.",20 марта 1936 г.
107. А.Адалис. Матусовский. "Лит.газ.", 10 апреля 1936 г.
108. А.Адалис. "Страна Муравия". "Лит.газ.", 24 мая 1936 г.
109. А.Адалис. Гений и злодейство - две вещи несовместимые . "Лит.газ.", 26 июня 1936 г.
110. А.Адалис. Голосуют песней. "Октябрь",1937,№11,стр.232-236.
111. А.Адалис. Здравствуй, Шота из Рустави! "Октябрь",1937, № 12, стр. 82-85.
112. А.Адалис. Поэзия народа. "Известия", 16 сентября 1937 г.
113. А.Адалис. Книга побед. "Советское искусство",1 декабря 1937 г.
114. А.Адалис. Удача. "Молодая гвардия",1938,№5,стр.55-56.
115. А.Адалис. О поэме К.Симонова "Ледовое побоище"."Литературная учеба",1938, № 3, стр. 100-102.
116. А.Адалис. Мирза Фетх Али Ахундов."Правда",25 декабря 1938 г.
117. А.Адалис. Об одном толстом журнале. "Известия", 5 февраля 1938 г.
118. А.Адалис. Заметки о Союзе писателей."Лит.газ.", 10 февраля 1938 г.
119. А.Адалис. Начало счастья. "Лит.газ.", 10 апреля 1938 г.
120. А.Адалис. Дж.Байрон. К 150-летию со дня рождения. "Красная звезда", 22 января 1938 г.
121. А.Адалис. Джамбул. К 75-летию со дня рождения. "Правда Востока", 20 мая 1938 г.
122. А.Адалис. Журнал "Колхозник"."Правда", 25 января 1939 г.

I23. А.Адалис. Волшебное стекло. "Правда", 28 августа I939 г.

I24. А.Адалис. Мы - граждане великой страны. "Лит.газ.", 20 сентября I939 г.

I25. А.Адалис. Антология азербайджанской поэзии. "Лит.газ.", 26 сентября I939 г.

I26. А.Адалис. Возмутитель спокойствия. "Лит.газ.", I0 октября I939 г.

I27. А.Адалис. Молодая поэзия.Армении. "Лит.газ.",26 октября I939 г.

I28. А.Адалис. "Ирон Фандыр". "Лит.газ.", 20 ноября I939 г.

I29. А.Адалис. То, чего нельзя забыть. "Лит.газ.",I декабря I939 г.

I30. А.Адалис. Симон Чиковани. Стихи. Георгий Леонидзе. Стихи. "Красная новь", I940, № 5-6, стр.3I0-3I3.

I3I. А.Адалис и М.Рзакули-Заде. Азербайджанская литература. Краткий очерк. "Октябрь", I940, № II,стр.I80-I85.

I32. А.Адалис. Лучший поэт настоящего."Правда",I4 апреля I940 г.

I33. А.Адалис и М.Рзакули-Заде. Мамед Рагим. "Правда",23 мая I940 г.

I34. А.Адалис. Песни степей. "Правда",2I июня I940 г.

I35. А.Адалис. Восходящий путь. "Известия", 23 мая I940 г.

I36. А.Адалис. Простые истины. "Лит.газ.",26 января I940 г.

I37. А.Адалис. Интересная книга. "Лит.газ.",I5 марта I940 г.

I38. А.Адалис. Слово о великом. "Лит.газ.",20 марта I940 г.

I39. А.Адалис. В процессе узнавания."Лит.газ.",26 марта I940г.

I40. А.Адалис. Тема времени."Лит.газ.",I мая I940 г.

I4I. А.Адалис. Трое. "Лит.газ.", I0 мая I940 г.

142. А.Адалис. Лирики и воробьи."Лит.газ.", 15 мая 1940 г.
143. А.Адалис. Юноша. "Лит.газ.", 20 июня 1940 г.
144. А.Адалис. Песня о благородстве."Лит.газ.",25 июня 1940г.
145. А.Адалис. Поэзия Маяковского. "Красная звезда", 14 апреля 1940 г.
146. А.Адалис. Рустам и Сухроб. "Правда", 21 апреля 1941 г.
147. А.Адалис. Поэтический дневник народа."Правда",6 мая 1941г
148. А.Адалис. Новый тип антологий."Известия",7 февраля 1941г.
149. А.Адалис. Самед Вургун."Известия",18 марта 1941 г.
150. А.Адалис. Современная таджикская поэзия."Известия", 9 апреля 1941 г.
151. А.Адалис. Единство и многообразие."Лит.газ.",23 марта 1941 г.
152. А.Адалис. С.Михалков. "Лит.газ.",30 марта 1941 г.
153. А.Адалис. Живой и эфемеры."Лит.газ.",13 апреля 1941 г.
154. А.Адалис. Счастье творческой жизни."Лит.газ.",1 мая 1941 г.
155. А.Адалис. Два поэта. "Лит.газ.", 11 мая 1941 г.
156. А.Адалис. Воспитание чувств. "Лит.газ.", 8 июня 1941 г.
157. А.Адалис. Вступительная статья в кн.:М.Стельмах.Украине вольной жить. М., 1944.
158. А.Адалис. Поэма о сыне. "Комсомольская правда", 1 марта 1944 г.
159. А.Адалис. Молла Насреддин второй. "Лит.газ.", 1 января 1945 г.
160. А.Адалис. Вступительная статья в книге:Р.Рагимов.Айналы. Баку, 1946.
161. А.Адалис. С.Вургун. "Лит.газ.", 2 февраля 1946 г.
162. А.Адалис. Записки переводчика. Отрывки из книги. Альманах "Дружба народов",1947, № 16, стр. 160-171.

163. А.Адалис. Заметки о Садриддине Айни. Альманах "Дружба народов", 1947, № 16, стр. 239-243.

164. А.Адалис. Мысли о новом. "Лит.газ.", 22 марта 1947 г.

165. А.Адалис. Творцы жизни. "Лит.газ.", 22 октября 1947 г.

166. А.Адалис. Гурты на дорогах. "Пограничник",1948,№9,стр.77-79.

167. А.Адалис. Поэзия колхозной жизни. "Пограничник", 1948, № 11, стр. 74-76.

168. А.Адалис. Вступительная статья в кн.:М.Миршакар.Стихи и поэмы. М., "Сов.пис.", 1949, стр. 3-8.

169. А.Адалис. Рецензия на книгу М.Юрасовой "Жизнь на сцене". "Омская правда", 10 июня 1953 г.

170. А.Адалис. Поэзия и мысль. "Лит.газ.", 20 марта 1954 г.

171. А.Адалис. Поэзия тринадцатилетних. "Новый мир", 1955, № 12, стр. 240.

172. А.Адалис. Труженицам Востока. "Лит.газ.", 8 марта 1956 г.

173. А.Адалис. Об индийских народных сказках. Предисловие в кн.:Индийские народные сказки. М., 1957,стр.3-6

174. А.Адалис. Народный поэт. К 200-летию со дня рождения Р.Бернса."Октябрь", 1959, № 6, стр. 132-138.

175. А.Адалис. Пусть стихи мои не мечутся. "Лит.газ.",2 июня 1960 г.

176. А.Адалис. Новогоднее интервью. "Московский литератор", 31 декабря 1960 г.

177. А.Адалис. Вступительная статья в кн.:М.моисеева.Сказки, о которых стоит подумать.М., "Знание", 1962.

178. А.Адалис. Молодость сердца."Лит.газ.",29 января 1963 г.

179. А.Адалис. Свежесть мира."Лит.газ.",15 августа 1964 г.

180. А.Адалис. Стихия речи."Литературная Россия", 9 октября 1964 г., стр.9.

181. А.Адалис. Что есть поэма. "Лит.газ.", 15 июля 1965 г.
182. А.Адалис. Без украшательств праздных. "Лит.газ.",18 ноября 1965 г.
183. А.Адалис. Законы красоты. "Литературная Россия", 24 сентября 1965 г., стр. 9.
184. А.Адалис. Вступительная статья в кн.:Костры.Стихи, М., 1966.
185. А.Адалис и Л.Мигдалова. Рыцарь грузинской поэзии. К 800-летию Ш.Руставели. "Комсомольская правда", 25 сентября 1966 г.
186. А.Адалис. Самед. К 60-летию со дня рождения С.Вургуна. "Лит.газ.", 24 мая 1966 г.
187. А.Адалис. Сегодня - день поэзии. "Лит.газ.",15 декабря 1966 г.
188. А.Адалис. Раздумья над книгой стихов."Литературная Россия", 15 июля 1966 г., стр.12.
189. А.Адалис. Титанические образы. "Бакинский рабочий", 15 мая 1966 г.
190. А.Адалис. И действительно,окна в сад. "Лит.газ.", 9 мая 1967 г.
191. А.Адалис. В саду у друга Сайфи Кудаша."Литературная Россия", 8 сентября 1967 г., стр. 17.
192. А.Адалис. Поэзия жизни. "Литературная Россия", 8 марта 1968 г., стр. 18.
193. А.Адалис. Рецензия на книгу Г.Гегечкори "Сезам, отворись!" "Литературная Грузия",1968, № 5,стр.82-84.
194. А.Адалис. Юность, зрелость. "Лит.газ.", 8 октября 1969 г.

# А Р Х И В Ы

## ЦГАЛИ

I. А.Адалис. "Сыро и шумно..." 1921 г. Ф. 1309 (коллекция А.И.Тинякова), ед.хр. 1.

2. А.Адалис. "Пахнет гарью худой уют..." 1921 г. Ф.1336 (коллекция альбомов) оп. I (альбом Н.Н.Минаева), ед.хр. 36.

3. А.Адалис. "Блеснуло в грудь от запада румяного..."/1921 г./ ф.1336, оп.2 (альбом Марьяновой),ед.хр.I.

4. А.Адалис. "Морской водой судьба плюется в очи..."/1921 г./ ф. 1336, оп.2, ед.хр.I.

5.А.Адалис. "Я так и думала..."/1921 г./ Ф.1346 (коллекция стихотворений), оп.I, ед.хр.3.

6. А.Адалис. С характером моряк. Баллада-песня. 1937 г.ф.2062 (архив И.Дунаевского), оп.I, ед.хр. 40.

7. А.Адалис. Слава. Поэма. 1942 г. Ф.618 (ж-л "Знамя"), оп.14, ед.хр. 18.

8. А.Адалис. Переводы для сборника "Творчество народов СССР". 26 стихотворений. Ф.1521 (редакция сборника "Творчество народов СССР"),оп.3,ед.хр.71,77.

9. А.Адалис. Курсанты.Маленькая повесть./Сер.30-х гг./ Ф.618 (ж-л "Знамя"), оп.2, ед.хр.3.

10. А.Адалис. Повесть (без названия).1947 г. Ф.1702 (ж-л "Новый мир"), оп.2, ед.хр. 342.

II. А.Адалис. Письмо к Б.Пастернаку. 1921 г. Ф.379 (архив Б.Пастернака), оп.I, ед.хр.31.

12. А.Адалис. Письма к В.Мейерхольду. 10 и 16 ноября 1921 г. Ф.998 (архив В.Мейерхольда), оп.I,ед.хр.904.
13. А.Адалис. Письмо к А.Белому /1920-1924 г./ Ф.53 (архив А.Белого), оп.I, ед.хр. 145.
14. А.Адалис. Письмо к П.С.Когану./1923-1924 г./ Ф.237 (архив П.Когана), оп.I,ед.хр.4.
15. А.Адалис. Письма к В.П.Полонскому. 1931 г. Ф.1328 (архив В.Полонского), оп.I, ед.хр.I.
16. А.Адалис. Письма к М.Шкапской. 1924-1929 г. Ф.2182 (Архив М.Шкапской), оп.I, ед.хр. 201.
17. А.Адалис. Письмо в издательство "Советская литература". 31 января 1934 г. Ф.627 (изд-во "Сов.л-ра"), оп.I, ед.хр. 25.
18. А.Адалис. Письма к С.М.Хитровой. 1943 г. Ф.618 (ж-л "Знамя"), оп.2, ед.хр. 1125.
19. А.Адалис. Письмо С.А.Обрадовичу. 1944 г. Ф.1874 (архив С.Обрадовича), оп.I, ед.хр. 236.
20. А.Адалис. Рецензия на стихотворения М.Штромберга. 1939 г. Ф.631 (архив ССП), оп.9, ед.хр. 280.

Отдел рукописей ИМЛИ, ф.84, оп.I (архив А.Адалис)

21. А.Адалис. "Презрев обычаи..." (1920-1924 г.) Ед.хр.16.
22. А.Адалис. "Пусть проходит бедою нежной ..." (1920-1924 г.) Ед.хр.17.
23. А.Адалис. "Стали думать, что земная слава..."(1920-1924г.) Ед.хр. 19.
24. А.Адалис. "Парами в снег не бродили мы..."(1920-1924 г.) Ед.хр. 20.

25. А.Адалис. "Вечер. Суббота.Среди февраля".(I920-I924 г.) Ед.хр. 2.
26. А.Адалис. "Что делать, Пушкин?"I924 г. Ед.хр. I.
27. А.Адалис. В.Б-у. I924 г. Ед.хр. 3.
28. А.Адалис. Былина о буйном клубе. I925 г. Ед.хр.5.
29. А.Адалис. Отрывок из поэмы о детстве. I925 г. Ед.хр.9.
30. А.Адалис. "Открой свое лицо, Шарафат..." I925 г. Ед.хр.7.
3I. А.Адалис. "Я была в Бухаре..." I925 г. Ед.хр. 8.
32. А.Адалис. Отрывки из поэмы "Литва". I927-I928 г. Ед.хр. I4 и 25.
33. А.Адалис. Песня о песню. I934 г. Ед.хр. I0.
34. А.Адалис. Слово о Парижской коммуне (I933-I934 г.) Ед.хр. I3.
35. А.Адалис. "Не мы, вы нищие!" I936 г. Ед.хр. II.
36. А.Адалис и И.Сергеев. Сатирический роман, гл.2-7 (I926-I928 гг.). Ед.хр. 30.
37. А.Адалис. Фатимэ, дочь Фатимэ. Очерк. (30-е годы).Ед.хр.29
38. А.Адалис. Из записок счастливого человека. I944 г.Ед.хр.28
39. А.Адалис. Письмо в "ЗИФ". I930 г. Ед.хр. 35.
40. А.Адалис. Конспект выступления на первом всесоюзном совещании переводчиков. Ед.хр. 32.
4I. А.Адалис. Рецензия на книгу П.Панченко "Отцовское солнце". Ед.хр. 34.

Архив М.Горького (ИМЛИ)

42. А.Адалис. Нахичеванский роман. Машинопись с правкой М.Горького. I93I г. Рав - ПГ, 2 - 3I.
43. А.Адалис. Письмо к М.Горькому. 6 августа I93I г. КГ-П, I-I4-I.

Отдел рукописей

Государственной б-ки им. В.И. Ленина

44. А.Адалис. Письма к В.Брюсову. 1920-1924гг. Ф.386 (архив В.Брюсова), карт. 74, ед.хр. 7 и 8.

Отдел рукописей

Государственной б-ки им. Н.Салтыкова-Щедрина

45. А.Адалис. "Я сердцу задаю вопрос..." 1917-1918 г. Ф.260 (архив Г.Долинова), ед.хр. 2, л.12.
46. А.Адалис. Андиомена. 1917-1919 г. Ф. 260, ед.хр.2, л.15.
47. А.Адалис. Вечера (из цикла "Февральские томления").1917-1919 гг. Ф.260, ед.хр. 2, л.15.

Личный архив А.Адалис

48. А.Адалис. Стихи. 1943 г. Рукописная книга.
49. А.Адалис. "Я верую, - и все это не вздор ..." и др. Рукописная книга стихотворений сер. 50-х годов.
50. А.Адалис. Стихи 1956-1957 г. Рукописная книга.
51. А.Адалис. Стихи 1963 г. Блокнот.
52. А.Адалис. Комета. Отрывки из поэмы 1941 - 1942 г.
53. А.Адалис. Несостоявшаяся поэма. 1946-1947 г. Машинопись.
54. А.Адалис. Водку ... Поэма. 1968 г. Машинопись.
55. А.Адалис. "Пора менять привычки..." 1922-1924 г.
56. А.Адалис. "За рощами беспошлинной границы..." 1925 г.
57. А.Адалис. "Реки Москвы пустынный вид..." 15 июня 1941 г.
58. А.Адалис. "Лампы зажги, ламповщик..." К юбилею Низами. 1941 г.

59. А.Адалис. "Ты слышишь, Родина?.." I94I-I942 г.
60. А.Адалис. Связист. I942 г.
6I. А.Адалис. Послание к Истмету. I94I-I942 г.
62. А.Адалис. "В мире окровавленном, пустынном..." I945 г.
63. А.Адалис. Морозные узоры. Конец 40-х гг.
64. А.Адалис. "Из края родного..." Конец 40-х гг.
65. А.Адалис. "На глухой зимовке сыро и темно..." Конец 40-х гг.
66. А.Адалис. "Южный ветер подул..." Конец 40-х гг.
67. А.Адалис. Бродяга медленный. В духе старины. Сер. 50-х гг.
68. А.Адалис. "Ну, для чего стихи пишу опять..." Сер.50-гг.
69. А.Адалис. Крепкое сердце. Сер. 50-х гг.
70. А.Адалис. "О боже! То бишь о природа!... " Сер. 50-х гг.
7I. А.Адалис. "Кто знает, что будет с нами ..." Сер. 50-х гг.
72. А.Адалис. "Той надеждой смутной и волнующей..." Сер.50-х гг.
73. А.Адалис. "О, только встретить Вас однажды!..."Конец 50-х гг.
74. А.Адалис. "Есть музыка неслышная во всем..." Конец 50-х гг
75. А.Адалис. "Друг, не ищи..." Конец 50-х гг.
76. А.Адалис. "Так вот моя последняя весна!".. Конец 50-х гг.
77. А.Адалис. "Лишь год прошел..." Конец 50-х гг.
78. А.Адалис. О той березке. 60-е гг.
79. А.Адалис. Между тем, еще всяко бывает. 60-е гг.
80. А.Адалис. Появилось. 60-е гг.
8I. А.Адалис. Памяти Б.Лапина. Конец 60-х гг.
82. А.Адалис. "Хватит чепухой заниматься..." Конец 60-х гг.
83. А.Адалис. "Было же время..." Конец 60-х гг.

84. А.Адалис. "Я знаю - лучше лечь костьми..." Конец 60-х гг.
85. А.Адалис. "Прекрасный мир, таинственный мир..." Конец 60-х гг.
86. А.Адалис. "Аргон, неон, все эти газосветы..." Конец 60-х гг.
87. А.Адалис. Оптика. Конец 60-х гг. Рукопись сб."Январь-сентябрь".
88. А.Адалис. На крестах. Конец 60-х гг. Рукопись сб."Январь-сентябрь".
89. А.Адалис. Птицы и мухи. Конец 60-х гг. Рукопись сб."Январь-сентябрь".
90. А.Адалис. "Природа, с ума ты сошла? .." Рукопись сб. "Январь-сентябрь".
91. А.Адалис. Подражание староперсидскому. 50-60-е гг.
92. А.Адалис. О молодость, молодость... 50-60-е гг.
93. А.Адалис. "Я вижу из окна..." 50-60-е гг.
94. А.Адалис. "Нет личности отдельной у меня..."50-60-е гг.
95. А.Адалис. Японские хокку и танки. Подражания.50-60-е гг.
96. А.Адалис. Пиросмани, Пиросмани. 50-60-е гг.
97. А.Адалис. "В аду темно..." 50-60-е гг.
98. А.Адалис. Окна в харчевне... 50-60-е гг.
99. А.Адалис. Откуда. 40-60-е гг.
100. А.Адалис. "Ах, мало мне жизни..." 50-60-е гг.
101. А.Адалис. "Мне говорят, вы стали стариком..." 40-50-е гг.
102. А.Адалис. "Годом раньше, годом позже..." 50-60 гг.
103. А.Адалис. Сценарий об Алеше Короткове. 1946 г.
104. А.Адалис. Лифанов. Очерк. Машинопись. 1952 г.
105. А.Адалис. Круженин. Повесть. Машинопись. 1953 г.

106. А.Адалис. Дневники. 40-60-е гг.
107. А.Адалис. Скорее всего - любовь. Эссе. Сер. 50-х гг.
108. А.Адалис. О фантастике и поэзии. 1964 г.
109. А.Адалис. Очень длинный ответ на некий вопросник. Конец 60-х гг.
110. А.Адалис. Кво вадис, о муза? 1968 г.
111. А.Адалис. Рабочий поэт А.Пахомов. Внутренняя рецензия. 1965 г.
112. А.Адалис. Женский голос. Рецензия на книгу Н.Эскович "Лебяжий рукав". 1965 г.
113. А.Адалис. Стихи Людмилы Мигдаловой. 1966 г.
114. А.Адалис. Три пьесы В.Соловьева. 1967 г.
115. А.Адалис. "Три сосны" и многое другое. (О А.Заурихе). 1967 г.
116. А.Адалис. Надежды, опасения, полуфинал. 1968-1969 г.
117. А.Адалис. Географический атлас Юрия Ефремова. 60-е гг.
118. А.Адалис. Внутренняя рецензия на книгу стихов Л.Щеглова "Анатомический театр". 60-е гг.
119. А.Адалис. О "законе тайги" и законе литературного вкуса. Внутренняя рецензия на книгу стихов Е.Гольского. 60-е гг.
120. А.Адалис. После чего, перед чем? Внутренняя рецензия на сб. стихов Н.Тарасова "После дождя". 60-е гг.
121. А.Адалис. "Орешек". Внутренняя рецензия на стихи М.Ногтевой. 60-е гг.
122. А.Адалис. О стихах Н.Берендгофа. Внутренняя рец. 60-е гг
123. А.Адалис. Стихи Виктора Старкова. Внутренняя рец.60-е гг

I24. А.Адалис. "Цветы далеких берегов". Рецензия на сб. 60-е гг.

I25. А.Адалис. Только о великом стоит думать. Рецензия на книгу Б.Соловьева о Блоке. 60-е гг.

I26. А.Адалис. О сборнике В.Тушновой. Внутренняя рец. 60-е гг.

I27. А.Адалис. Письмо в бюро секции поэтов при СП СССР. 25 июля I948 г. Копия.

I28. А.Адалис. Письмо в изд-во "Советский писатель" 5 января I96I г. Копия.

I29. А.Адалис. Письмо А.Адалис секретариату управления МО СП РСФСР. I сентября I964 г. Копия.

I30. А.Адалис. Письмо в изд-во "Сов.пис." I967 г.

I3I. А.Адалис. Письма к сыну. I95I - I968 г.

---ooOoo---

## О Г Л А В Л Е Н И Е



---ооОоо---